ОТЧЕТЪ

о

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXXVII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 4.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1880.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. Глазунова, въ С. П. Б. **Эггерса и Комп.,** въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 1 руб.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1880 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЧЕТЪ

о

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ, въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1879 г.

На соисканіе наградъ графа Уварова въ настоящемъ году было представлено Академіи шесть историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ одно рукописное; къ нимъ присоединилось еще одно сочиненіе, отложенное отъ предшествовавшаго конкурса.

По разсмотрѣніи ихъ, въ установленномъ для того порядкѣ, Академія присудила четыремъ изъ нихъ малыя Уваровскія награды (въ 500 руб. каждая).

Эти удостоенные преміями труды суть слѣдующіе:

I.

Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ. 3 части въ 4-хъ томахъ. Москва. 1878.

При оцѣнкѣ этого труда Академія имѣла въ виду рецензію, составленную, по ея просьбѣ, членомъ-кореспондентомъ ея, профессоромъ Харьковскаго университета А. А. Потебнею, который своими изслѣдованіями о малорусской народности пріобрѣлъ себѣ неоспоримое право считаться компетентнымъ судьею въ относящихся до нея вопросахъ.

Сборникъ г. Головацкаго, по мнѣнію рецензента, составляетъ весьма важное пріобрѣтеніе для науки, необходимое для дальнѣйшихъ розысканій въ области южно-русской этнографіи, исторіи,

исторіи языка и словесности. Это — въ настоящее время положительно самое полное изъ всѣхъ существующихъ собраній народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси, заключающее въ себѣ и такія пѣсни, которыя начинають уже исчезать въ народѣ.

Въ продолженіе многолѣтнихъ странствованій своихъ, начиная съ 1834 г., по всей Галицкой и Угорской Руси, г. Головацкій неустанно собиралъ памятники народной литературы, и успѣлъ записать изъ устъ народа многое, что сохранялось въ его памяти отъ отдаленнѣйшихъ временъ. Собранное такимъ образомъ довольно значительное число пѣсенъ г. Головацкій положилъ въ основу напечатаннаго имъ сборника, въ который онъ сверхъ того включилъ все, что было до него издано другими собирателями, равно какъ и сборники, предоставленные ему разными лицами.

Кому не извѣстно то значеніе, которое въ настоящее время получили въ наукѣ народныя пѣсни? Онѣ живо рисуютъ національный бытъ въ самую отдаленную эпоху, составляя во многихъ случаяхъ единственный для этого источникъ; въ нихъ отражается домашняя и семейная жизнь, съ ея радостями и скорбями, и не рѣдко пополняется то, о чемъ молчатъ лѣтописцы.

Собрать и сохранить произведенія народнаго творчества для потомства и науки — безспорно заслуга не маловажная: но она одна не давала бы г. Головацкому права на полученіе Уваровской преміи, если бы онъ не отнесся къ собранному имъ матеріалу критически, не постарался объяснить его значеніе въ этнографическомъ отношеніи и не предпослалъ сборнику обширнаго введенія, которое заключаетъ въ себѣ:

I. Географическо-статистическіе и историко-этнографическіе очерки Галичины, Сѣверо-восточной Угріи и Буковины.

II. Политическое дѣленіе прикарпатскихъ земель и нѣкоторыя статистическія показанія.

III. Историко-этнографическое обозрѣніе: а) Галичины, б) Угорской Руси и Буковины.

IV. Объясненіе этнографической карты этихъ земель.

Изъ этихъ отдѣловъ наиболѣе значенія имѣютъ первый и послѣдній; что же касается до третьяго отдѣла: «историко-этнографическое обозрѣніе», то отъ него можно было бы пожелать гораздо большей полноты.

Для своего труда г. Головацкій пользовался разными сочиненіями, но во многихъ случаяхъ исправилъ и значительно дополнилъ ихъ на основаніи личнаго знакомства съ описываемыми

мѣстностями. Новизною сообщаемыхъ свѣдѣній отличается статья «Проходы черезъ Карпаты и пути сообщенія, древніе и нынѣшніе», въ которой авторъ обратилъ особенное вниманіе на мѣста, упоминаемыя въ нашихъ лѣтописяхъ.

Нельзя не поблагодарить автора за приложенную къ сборнику этнографическую карту, на которой нанесены всѣ мѣстности, гдѣ были собираемы пѣсни, въ него вошедшія. Эта карта, по отношенію Карпатской Руси, значительно вѣрнѣе карты, приложенной къ сочиненію Шафарика «Славянская народопись» и этнографической карты барона Чёрнига. Въ весьма пространномъ объясненіи этой карты, авторъ между прочимъ указываетъ на ея особенности, состоящія въ томъ, что на ней показаны до сихъ поръ сохранившіяся у народа географическія и этнографическія названія и племенныя разности и приведены имена мѣстностей, рѣкъ и горъ, какія во всеобщемъ употребленіи у мѣстнаго русскаго народа, а не тѣ, которыхъ держатся правительственные органы и которыя вошли въ книжное употребленіе, подъ вліяніемъ польскимъ, мадьярскимъ, румынскимъ и нѣмецкимъ.

Конечно, можно указать на нѣкоторые недостатки сборника г. Головацкаго; но одни изъ нихъ, какъ напр. нестрогое сохраненіе отличій говоровъ въ языкѣ пѣсенъ, должны быть приписаны издателю, а не собирателю; другіе же, какъ напр. дѣленіе пѣсенъ по ихъ содержанію на разряды и не точное разнесеніе пѣсенъ по опредѣленнымъ разрядамъ, не на столько важны, чтобы въ состояніи были уменьшить научное значеніе сборника, который послужитъ для изслѣдователей народнаго быта малорусскаго племени богатою сокровищницею важныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній.

II.

Главнѣйшіе источники для исторіи Свв. Кирилла и Меѳодія. А. Воронова. Кіевъ. 1877 г.

Подробный разборъ этого сочиненія, составленный, по приглашенію Академіи, экстраординарнымъ професоромъ Московской Духовной Академіи, магистромъ Евг. Евсиг. Голубинскимъ, послужилъ основаніемъ для сужденій о достоинствахъ труда г. Воронова.

Сочиненіе г. Воронова, появившееся въ 1876 и 1877 годахъ въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи, имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе источниковъ для исторіи Свв. Кирилла и Меѳо-

дія. Признавая, что, несмотря на имѣющееся уже значительное число и ученое достоинство трудовъ, посвященныхъ такому изслѣдованію, критика источниковъ для исторіи Свв. Первоучителей Славянства еще не достигла такой степени, чтобы дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области могли быть сочтены излишними, г. Вороновъ въ своемъ сочиненіи, главнымъ образомъ, пытался опредѣлить время происхожденія главнѣйшихъ легендарныхъ источниковъ этой исторіи и отношеніе одного источника къ другому, т. е. разъяснить зависимость или самостоятельность каждаго изъ нихъ, а также опредѣлить степень подлинности и достовѣрности нѣкоторыхъ спорныхъ документальныхъ источниковъ.

Подвергнувъ внимательному разбору критическія соображенія и выводы автора, рецензентъ изложилъ причины, по которымъ онъ не можетъ согласиться со многими изъ нихъ. Такъ называемыя «Паннонскія житія Константина и Меѳодія» и «Пространное Греческое житіе Климента» суть тѣ сказанія о первоучителяхъ, въ критикѣ которыхъ заключается главная задача введенія въ ихъ жизнеописаніе, такъ какъ эти сказанія составляютъ собою первоисточники свѣдѣній о нихъ, и слѣдовательно все зависитъ отъ того или другого рѣшенія вопроса объ ихъ качествѣ. Профессоръ Голубинскій рѣшительно не согласенъ съ г. Вороновымъ во взглядѣ на Паннонскія житія, признавая ихъ не позднѣйшими легендами, какими считаетъ ихъ сей послѣдній, а достовѣрными сказаніями, принадлежащими непосредственнымъ современникамъ и ученикамъ. Равнымъ образомъ онъ весьма не согласенъ съ авторомъ и во взглядѣ на «житіе» Климентово, которое, по мнѣнію почтеннаго московскаго Професора, заслуживаетъ довѣрія въ несравненно меньшей степени, нежели сколько расположенъ вѣрить ему г. Вороновъ, и можетъ быть признаваемо за источникъ только въ самомъ условномъ смыслѣ. Заявляя столь категорически свое разномысліе съ авторомъ, рецензентъ представилъ прекрасный примѣръ строгаго безпристрастія, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ трудѣ г. Воронова и полезныя стороны. «Если мы не согласны», говоритъ онъ, «съ достопочтеннымъ изслѣдователемъ во взглядахъ, то это, конечно, само собою значитъ, что мы признаемъ его взгляды неудовлетворительными и неправильными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это не значитъ, чтобы мы осуждали научную несостоятельность и недоброкачественность его труда по отношенію къ главнѣйшимъ вопросамъ этого послѣдняго. Всякій знаетъ, что критика сказаній о Константинѣ и Меѳодіи есть нѣчто своеобразное: здѣсь дѣло пре-

имущественнымъ образомъ основывается не на прямыхъ и положительныхъ данныхъ, которыхъ не достаетъ, а на собственныхъ всякаго изслѣдователя соображеніяхъ. Но соображенія представляютъ собою вещь весьма субъективную: вполнѣ убѣдительное для одного, ни малѣйше не убѣдительно для другого. Мы не можемъ отказать г. Воронову въ замѣчательномъ научномъ достоинствѣ и въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ съ воззрѣніями автора мы вовсе или далеко не согласны. Защищая несостоятельную, по нашему мнѣнію, мысль, будто Паннонскія житія первоначально были написаны по гречески, авторъ защищаетъ ее цѣлымъ рядомъ филологическихъ доводовъ; и если мы не можемъ признать за этими доводами убѣдительности, то во всякомъ случаѣ не можемъ не признать, что они суть плодъ самаго тщательнаго изученія текста житій. Не согласятся подобно намъ, или согласятся съ авторомъ другіе, мы не знаемъ; но то несомнѣнно, что подобное тщательное изученіе текста житій есть дѣло далеко не безплодное и не малоцѣнное. Не можемъ мы согласиться съ г. Вороновымъ на то, чтобы признавать авторомъ Климентова житія архіепископа Ѳеофилакта; но не можемъ и не признать научнаго достоинства доказательствъ, которыми онъ хочетъ утвердить свою мысль, — его сравненія нашего житія съ несомнѣнно принадлежащими Ѳеофилакту сочиненіями, при чемъ получаются данныя, которыми воспользуются и люди съ нимъ не согласные.

«Не находимъ мы справедливымъ и возможнымъ отказать труду г. Воронова въ научномъ достоинствѣ тамъ, гдѣ мы съ нимъ не согласны. Но это несогласіе наше съ нимъ простирается не на все изслѣдованіе и не на все въ изслѣдованіи; оно касается одной только части послѣдняго (хотя и наиболѣе существенной). Въ остальномъ мы на большую половину совершенно согласны съ нимъ, а на меньшую половину могли бы предъявить только такія неважныя разногласія, изъ за которыхъ не стоило бы поднимать нарочитаго спора.

«Позволимъ себѣ указать на то, что, по нашему мнѣнію, должно быть отмѣчено въ изслѣдованіи, какъ выдающееся.

«Считая автора житія Меѳодія принадлежащимъ не къ Римской половинѣ церкви, хотя и признающимъ символъ православный, а къ половинѣ Греческой (однимъ и тѣмъ же съ авторомъ житія Константинова), изслѣдователь совершенно удовлетворительно разъясняетъ тѣ недоумѣнія, которыя заставляли прежнихъ изслѣдователей причислять автора къ Римской половинѣ церкви.

«Въ разборѣ пространнаго Греческаго житія Климента изслѣдователь совершенно основательно опровергаетъ мнѣніе покойнаго Бодянскаго, принятое и многими другими, будто авторъ его есть славянинъ. Затѣмъ заслуживаетъ полнаго одобренія и не можетъ быть названа совсѣмъ неудачною его попытка доискаться настоящаго смысла въ темныхъ и по буквальному смыслу несообразныхъ рѣчахъ автора о дѣятельности Климента.

«Въ разборѣ «Успенія Св. Кирилла» изслѣдователь дѣлаетъ столько же похвальную и также не неудачную попытку разъяснить, откуда могла взяться эта Брегальница, какъ мѣсто проповѣднической дѣятельности Константина.

«Написаніе о правой вѣрѣ» изслѣдователь не находитъ возможнымъ признать за подлинное произведеніе Константина. Можетъ быть, авторъ не всѣхъ убѣдитъ своими доводами; но совсѣмъ неосновательно на нашъ взглядъ или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ основательно поступитъ тотъ, кто не обратитъ на нихъ серьезнаго вниманія и не взвѣситъ ихъ по надлежащему.

«Авторъ дѣлаетъ новую попытку объяснить загадочное слово «Каонъ», и попытку, едва ли не болѣе удачную всѣхъ прежнихъ.

Г. Голубинскій заключаетъ свою рецензію заявленіемъ, что онъ признаетъ сочиненіе г. Воронова ученымъ изслѣдованіемъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ, которое при полной самостоятельности обладаетъ немалыми положительными достоинствами и представляетъ собою полезный вкладъ въ науку.

III.

Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранные д. чл. П. П. Чубинскимъ. 7 томовъ. Спб. 1872—1878.

Ближайшее разсмотрѣніе этого сочиненія было поручено Академикамъ И. И. Срезневскому и А. Н. Веселовскому, изъ которыхъ первый принялъ на себя оцѣнку преимущественно лексической и грамматической стороны труда г. Чубинскаго, а второй всего того, что въ этомъ трудѣ относится до народной поэзіи.

По свидѣтельству г. Срезневскаго, сборникъ трудовъ экспедиціи, снаряженной Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ юго-западный край Руси, заключаетъ въ себѣ такое количество матеріаловъ, что долженъ занять первое мѣсто между сборниками

разнаго рода, относящимися къ тому же краю. Въ семи большихъ томахъ содержатся разнообразныя записки о бытѣ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, преданіяхъ народа и вообще разнаго рода свѣдѣнія, замѣтки о народной словесности и особенностяхъ народнаго языка. Матеріалы и изслѣдованія, вошедшіе въ составъ этого сборника, были разработаны или же только приготовлены къ изданію разными лицами. Въ этомъ обстоятельствѣ г. Срезневскій видитъ причину, почему нѣкоторые отдѣлы сочиненія вышли значительно полнѣе, чѣмъ другіе, и почему въ обработкѣ различныхъ отдѣловъ нѣтъ общей внутренней связи. Въ разныхъ мѣстахъ сборника проглядываетъ намѣреніе отличить въ южно-русскомъ народѣ нѣсколько мѣстныхъ отдѣловъ; можно предположить, что и матеріалы были первоначально подбираемы по этимъ народнымъ отдѣламъ; но при изданіи сборника матеріалы распредѣлились по содержанію такъ, что народные отдѣлы смѣшались, затемнились, а въ тѣхъ случахъ, когда не было отмѣчено, гдѣ именно что записано, и совершенно пропали.

Обращаясь собственно къ филологической части сборника, а именно къ свѣдѣніямъ о южно-русскомъ нарѣчіи, или точнѣе, объ особенностяхъ видоизмѣненій этого нарѣчія, заключающимся въ VII томѣ сочиненія, Академикъ Срезневскій свидѣтельствуетъ, что возбужденные здѣсь вопросы и сопровождающія ихъ объясненія очень поучительны и любопытны; но отвѣты на эти вопросы и сами по себѣ, а еще болѣе по небольшому числу мѣстностей, къ которымъ относятся, полезны преимущественно только въ смыслѣ случайныхъ дополненій къ объясненіямъ, приложеннымъ къ вопросамъ.

Другой рецензентъ, професоръ Веселовскій, съ своей стороны признаетъ помянутый сборникъ замѣчательнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ. Экспедиція, руководителемъ которой былъ г. Чубинскій, должна была изслѣдовать въ этнографическо-статистическомъ отношеніи юго-западный край, т. е. губерніи Кіевскую, Подольскую и Волынскую; но г. Чубинскій раздвинулъ предѣлы изслѣдованія и включилъ въ его районъ южныя части губерній Гродненской и Минской, западныя Люблинской и Сѣдлецкой и сѣверо-восточную часть Бесарабіи. Это доставило ему преимущество болѣе широкаго кругозора и большаго запаса матеріаловъ, которые затѣмъ надлежало подвергнуть внимательному разбору и редакціонной обработкѣ. Такимъ образомъ г. Чубинскій исполнилъ работу, потребовавшую много труда и времени и открывшую

для науки масу новыхъ данныхъ. Приписывая такимъ образомъ труду г. Чубинскаго важное значеніе, г. Веселовскій не умалчиваетъ однако объ его недостаткахъ. Подобно другому рецензенту, г. Срезневскому, онъ полагаетъ, что они были неизбѣжны вслѣдствіе какъ значительности числа лицъ, участвовавшихъ въ составленіи сборника, такъ и обилія и разнообразія вошедшихъ въ него матеріаловъ. Подробному указанію на эти недостатки въ тѣхъ отдѣлахъ сборника, которые относятся до народной поэзіи и народнаго быта, посвящена существенная часть рецензіи г. Веселовскаго, въ которой онъ устраняетъ отъ своей оцѣнки, какъ не подлежащія суду Уваровской комисіи, монографіи нѣкоторыхъ сотрудниковъ г. Чубинскаго, помѣщенныя въ его сборникѣ. Въ заключеніе онъ говоритъ, что: «по богатству этнографическихъ данныхъ, онъ знаетъ лишь два труда, съ которыми можно сравнить матеріалы и изслѣдованія г. Чубинскаго: это — «Людъ» Кольберга и пока неоконченная «Библіотека Сицилійскихъ народныхъ преданій» Питрэ».

IV.

О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка. Соч. г. Бережкова. СПБ. 1879.

Професоръ Варшавскаго университета А. И. Никитскій составилъ, по вызову Академіи, подробный и обстоятельный разборъ сочиненіи г. Бережкова. Сущность замѣчаній ученаго рецензента сводится къ слѣдующему.

Едва ли какая-либо отрасль древнерусской исторіи можетъ похвалиться такимъ значительнымъ приращеніемъ важныхъ матеріаловъ за послѣднее время, какъ исторія торговли древней Руси съ Ганзою. Это обстоятельство весьма естественно должно было привлекать изслѣдователей къ занятіямъ по этому интересному предмету; но только лишь въ самое послѣднее время являются у насъ настоящія попытки воспользоваться новыми матеріалами въ широкихъ размѣрахъ, извлечь изъ нихъ данныя для объясненія происхожденія Ганзейскаго союза и характера его дѣятельности. Къ числу такихъ попытокъ относится трудъ г. Бережкова; онъ заслуживаетъ нашего вниманія, какъ опытъ разработки данныхъ о томъ участіи, которое въ составѣ Ганзейскаго союза принадлежало древней Россіи.

Авторъ самъ очертилъ принятую имъ на себя задачу слѣдующимъ образомъ: «на основаніи документовъ и лѣтописныхъ дан-

ныхъ восполнить свѣдѣнія о торговлѣ Новгорода и Западной Руси съ Ганзой до закрытія Нѣмецкаго Двора въ Новгородѣ въ 1494 году, и представить критическую повѣрку выводовъ, сдѣланныхъ въ прежнихъ ученыхъ трудахъ. Не расчитываемъ на полную обработку всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ и не надѣемся вездѣ въ новомъ свѣтѣ представить предметъ; однако рѣшаемся исполнить нашу задачу именно въ предположенныхъ размѣрахъ, руководствуясь тою мыслью, что болѣе широкая постановка задачи удобнѣе для достиженія цѣльнаго взгляда на предметъ и для лучшей оцѣнки фактовъ, смыслъ которыхъ полнѣе открывается въ томъ случаѣ, когда они подводятся подъ одну общую идею». Соглашаясь съ авторомъ относительно выгодъ широкой постановки задачи, г. рецензентъ указываетъ на то, что дѣло имѣетъ и свою оборотную сторону, и что неудобства, вытекающія изъ послѣдней, врядъ ли не перевѣшиваютъ въ настоящемъ случаѣ выгоды первой. Широкая постановка задачи въ историческихъ трудахъ можетъ давать плодотворные результаты только тогда, когда при изученіи дѣла не приходится идти цѣлиною, когда подлежащія разсмотрѣнію фактическія данныя значительно подготовлены, когда по отдѣльнымъ вѣтвямъ предмета имѣется достаточный запасъ частныхъ изслѣдованій. А въ вопросѣ о Ганзейской торговлѣ на Руси дѣйствительность представляетъ, за немногими исключеніями, прямую противоположность этимъ условіямъ. По этому скорѣе можно было бы ожидать что ограниченіе работы одною какою-либо мѣстностью Русской земли дало бы гораздо болѣе плодотворные результаты какъ въ отношеніи правильной оцѣнки фактовъ, такъ и въ отношеніи даже цѣльности взгляда на иноземную торговлю на Руси, чѣмъ общее обозрѣніе, принужденное зачастую отказываться отъ удовлетворенія самымъ существеннымъ научнымъ требованіямъ. Если же авторъ предпочелъ поставить себѣ задачею изображеніе Ганзейско-русской торговли во всемъ ея объемѣ, то это—его добрая воля, и критикѣ остается только послѣдовать за нимъ и опредѣлить, на сколько выполнена имъ эта задача, т. е. на сколько достигнута имъ цѣльность взгляда на предметъ, на сколько представляетъ собою гарантію научности сдѣланная имъ критическая оцѣнка выводовъ и фактовъ, и наконецъ на сколько сочиненіе его возмѣщаетъ пробѣлы прежнихъ работъ въ отношеніи полноты данныхъ. Такой немаловажный трудъ исполнилъ г. Никитскій въ составленной имъ рецензіи, въ которой онъ замѣчаетъ, что

г. Бережкову не удалось совладѣть съ его обширнымъ матеріаломъ внѣшне. Въ строгомъ смыслѣ, обозрѣніе торговли Руси съ Ганзой должно быть внутренней исторіей этой торговли, и въ качествѣ таковой, слѣдовать своему особому порядку, въ которомъ историческое и предметное изложеніе дѣла должны быть строго разграничены. Но такого разграниченія у г. Бережкова нѣтъ; у него скорѣе замѣчается наклонность къ смѣшенію обоихъ этихъ моментовъ въ одно безразличное цѣлое—обстоятельство, отнимающее у сочиненія значительную долю его наглядности. Отсутствіе внѣшней наглядности есть всегда до нѣкоторой степени вѣрный признакъ недостаточности общаго цѣльнаго взгляда на предметъ. И дѣйствительно, если въ данномъ случаѣ подъ цѣльностію взгляда понимать не простое обозрѣніе Ганзейской торговли во всѣхъ краяхъ древней Россіи, а отчетливое изображеніе отличительнаго характера этой торговли въ ея мѣстномъ и историческомъ развитіи, то въ этомъ смыслѣ трудъ г. Бережкова оставляетъ желать еще многаго. Останавливаясь съ любовью на второстепенныхъ чертахъ, авторъ какъ-то неохотно касается главныхъ, отъ которыхъ больше всего и зависитъ цѣльность взгляда. Отъ труда, претендующаго на цѣльность взгляда, всего естественнѣе ожидать обстоятельнаго разъясненія такихъ существенныхъ вопросовъ, каковы на пр. вопросы о характерѣ купли-продажи объ активномъ участіи Русскихъ въ торговлѣ, объ относительной выгодности торговли для заинтересованныхъ сторонъ, объ особенностяхъ торговаго быта въ разныхъ краяхъ древней Россіи и т. п. А между тѣмъ, именно эти вопросы и оставлены авторомъ почти совершенно въ тѣни и не разработаны въ той мѣрѣ, какая желательна и возможна по количеству имѣющихся уже данныхъ. За тѣмъ, едва-ли не самою слабою частью труда г. Бережкова является изображеніе историческаго развитія Ганзейской торговли на Руси въ послѣдніе два вѣка ея существованія. Конечно, было бы несправедливо утверждать, что г. Бережковъ не удѣляетъ этому предмету никакого вниманія. Напротивъ, у него есть даже особенная (VI) глава, посвященная исключительно обозрѣнію исторіи торговли въ XIII, XIV и XV вѣкахъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ Новгородѣ. Но эта глава носитъ совершенно внѣшній характеръ, и есть исторія не столько торговыхъ отношеній, сколько враждебныхъ столкновеній между Новгородцами и Нѣмцами и вытекавшихъ отсюда перерывовъ въ торговлѣ и новыхъ торговыхъ договоровъ. А между тѣмъ исторія торговли есть по пре-

имуществу внутренняя исторія. Она должна давать намъ разъясненіе внутреннихъ вопросовъ, которые волновали торговый міръ и для которыхъ внѣшнія событія были только видимымъ отраженіемъ. Хотя въ главахъ, посвященныхъ внутренней характеристикѣ торговли, встрѣчаются замѣчанія и на счетъ тѣхъ вопросовъ, которые возбуждались торговыми отношеніями въ позднѣйшее время, однако вопросы эти затрогиваются тамъ мимоходомъ и вслѣдствіе этого остаются обыкновенно не достаточно выясненными. Къ числу недостатковъ исторической части сочиненія г. Бережкова нужно отнести также совершенное отсутствіе данныхъ о постепенномъ сокращеніи торговли послѣ катастрофы 1494 г., въ особенности же недостаточное вниманіе къ разъясненію причинъ этого упадка.

Переходя къ оцѣнкѣ критическихъ пріемовъ г. Бережкова въ приложеніи къ установленію имъ цѣлыхъ группъ фактовъ, или отдѣльныхъ фактическихъ данныхъ, г. Никитскій представляетъ въ своей рецензіи длинный рядъ любопытныхъ соображеній, дающихъ возможность точнымъ образомъ взвѣсить достоинство труда г. Бережкова по отдѣльнымъ вопросамъ, входящимъ въ составъ его задачи.

Сводя въ одно цѣлое результаты сдѣланнаго имъ разбора, рецензентъ признаетъ, что трудъ г. Бережкова далеко не вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя въ настоящее время могутъ быть предъявлены къ сочиненію, имѣющему своимъ предметомъ торговлю древней Руси съ Ганзою. Многіе изъ существенныхъ вопросовъ, поставленныхъ уже предшествующими трудами и ожидавшихъ новаго освѣщенія отъ масы собраннаго за послѣднее время матеріала, или вовсе оставлены авторомъ безъ отвѣта, или затронуты слишкомъ слабо, или же наконецъ рѣшены не совсѣмъ правильно. Точно также и критика г. Бережкова оставляетъ желать еще многаго. Въ нѣкоторыхъ, хотя и довольно рѣдкихъ случаяхъ, авторъ пользуется сомнительными источниками, какъ несомнѣнными, и принимаемыми только къ свѣдѣнію пособіями, какъ вполнѣ научными. Но въ особенности должно быть выставлено на видъ, что г. Бережковъ не всегда строго придерживается фактическаго изслѣдованія и позволяетъ себѣ замѣщать его (временами) вѣроятными коньектурами, которыя, какъ оно и естественно при такихъ условіяхъ, выходятъ часто не довольно удачными. Но съ другой стороны, трудъ г. Бережкова имѣетъ и свои положительныя достоинства. Онъ обнаруживаетъ въ авторѣ хорошее зна-

ство съ литературой предмета; но главное—въ немъ собрано значительное количество данныхъ, не только такихъ, которыя замѣчены были уже предшествующими работами, но и много новыхъ, почерпнутыхъ впервые изъ накопленнаго за послѣднее время матеріала. Данныя эти переданы авторомъ въ общепонятной формѣ, дѣлающей пользованіе ими возможнымъ даже для лицъ незнакомыхъ съ тѣмъ нарѣчіемъ, на которомъ они первоначально написаны. Заслуга эта тѣмъ болѣе достойна вниманія что, по справедливому замѣчанію автора, чтеніе древне-нѣмецкихъ актовъ уже само по себѣ дѣло далеко не легкое и что поэтому передача ихъ могла совершиться не безъ напряженія и труда. Принимая въ соображеніе въ особенности это послѣднее обстоятельство, рецензентъ признаетъ, что сочиненіе г. Бережкова заслуживаетъ ученаго поощренія.

По присужденіи Уваровскихъ наградъ, Коммисія положила благодарить, именемъ Академіи, А. А. Потебню, Е. Е. Голубинскаго и А. М. Никитскаго за содѣйствіе, оказанное ей при разсмотрѣніи конкурсныхъ сочиненій и въ изъявленіе этой признательности присудила имъ установленныя для сего золотыя Уваровскія медали.

I.

О ТОРГОВЛѢ РУСИ СЪ ГАНЗОЙ ДО КОНЦА XV ВѢКА,

СОЧИНЕНІЕ М. БЕРЕЖКОВА. СПБ. 1879 г.

Рецензія професора **А. А. Никитскаго.**

Врядъ-ли какая либо область древнерусской исторіи можетъ похвастать за послѣднее время такимъ значительнымъ приращеніемъ историческаго матеріала, какъ область торговли древней Руси съ Ганзою. Такіе обширные и цѣнные историческіе сборники, какъ Бунге, Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, B. I—VI, 1853—1873 г., Руско-Ливонскіе Акты, изданные въ 1868 г. Археографическою комисіею подъ редакціею акад. Куника, Die Recessen und andere Acten der Hansetage v. 1256—1430, B. I—IV, изданные подъ редакціей г. Копмана Мюнхенскою историческою комисіею и продолженіе изданія, Hanserecesse v. 1431—1476 г., B. I, сдѣланное при содѣйствіи барона ф. Роопа Ганзейскимъ историческимъ обществомъ, наконецъ Hansisches Urkundenbuch, B. I, 1876 г. изданная тѣмъ же обществомъ подъ редакціей г. Гельбаума, проливаютъ много новаго свѣта не только на собственно торговую жизнь средневѣковой Европы, въ томъ числѣ и древней Россіи, но даже и на политическій строй послѣдней, на роль княжеской власти, на положеніе общественныхъ класовъ, духовенства, бояръ, купцовъ и ихъ внутреннюю организацію. Цѣнныя фактическія данныя встрѣчаются въ значительномъ количествѣ и въ трудахъ г. Гильдебранда, особенно же въ Отчетахъ, представленныхъ имъ С.-Петербургской Академіи Наукъ и дающихъ право ожидать, что

обнародованіе документовъ, хранящихся до сихъ поръ подъ спудомъ въ Рижскихъ и Ревельскомъ архивахъ, также окажетъ свою долю вліянія на разъясненіе нѣкоторыхъ, особенно интересныхъ для насъ, Русскихъ, темныхъ сторонъ и событій Ганзейской торговли. Важность матеріала, который заключается въ этихъ, все возрастающихъ въ числѣ монументальныхъ сборникахъ, не скрылась отъ вниманія изслѣдователей, посвящавшихъ себя изученію отечественной старины; но это вниманіе, какъ оно и естественно, выражалось вначалѣ болѣе въ частныхъ изслѣдованіяхъ, чѣмъ въ общихъ обозрѣніяхъ ганзейской торговли. Только за самое послѣднее время являются на Руси настоящія попытки воспользоваться новыми матеріалами въ широкихъ размѣрахъ, извлечь изъ нихъ данныя для объясненія происхожденія Ганзейскаго союза и его дѣятельности. Къ числу такихъ попытокъ относятся труды г. Фортинскаго: «Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 года» и г. **Бережкова**: «О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка». Труды эти стоятъ между собою въ нѣкоторомъ соотношеніи. Какъ показываетъ самое заглавіе сочиненія г. Фортинскаго, работа его имѣетъ предметомъ своимъ такія стороны въ жизни Ганзейскаго союза, которыя только посредственно касаются древнерусской ганзейской торговли. Прямыя свѣденія о послѣдней, конечно, встрѣчаются и въ ней, и притомъ временами довольно удачныя; но въ цѣломъ они образуютъ во всякомъ случаѣ только весьма незначительную струю. Напротивъ, центръ тяжести подлежащаго настоящему разсмотрѣнію труда г. **Бережкова** составляетъ именно сообщеніе данныхъ о той роли, которую играла въ составѣ Ганзейскаго союза древняя Русь.

Задача, которую поставилъ себѣ г. **Бережковъ**, опредѣляется имъ слѣдующимъ образомъ. «Въ настоящемъ трудѣ мы поставили себѣ именно эту задачу, чтобы на основаніи документовъ и лѣтописныхъ данныхъ восполнить свѣдѣнія о торговлѣ Новгорода и Западной Руси съ Ганзой до закрытія Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ въ 1494 году и на основаніи новыхъ фактовъ представить критическую повѣрку выводовъ, сдѣланныхъ въ прежнихъ ученыхъ трудахъ. Не расчитываемъ на полную обработку всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ, одно чтеніе которыхъ, особенно древненѣмецкихъ актовъ, представляетъ немалыя трудности; не надѣемся также вездѣ въ новомъ свѣтѣ представить занимающій насъ предметъ; однако рѣшаемся исполнить нашу задачу именно въ предположенныхъ размѣрахъ, руководясь тою мыслію, что бо-

лѣе широкая постановка задачи удобнѣе для достиженія цѣльнаго взгляда на предметъ и для лучшей оцѣнки фактовъ, смыслъ которыхъ полнѣе открывается въ томъ случаѣ, если они подводятся подъ одну общую идею» (предисловіе, стр. VII) Соглашаясь вполнѣ съ авторомъ на счетъ выгодъ, представляемыхъ широкою постановкою задачи, мы въ то же время, не можемъ не указать нѣсколько рѣшительнѣе самого г. Бережкова на то, что дѣло имѣетъ и свою оборотную сторону и что невыгоды, вытекающія изъ послѣдней, врядъ-ли не перевѣшиваютъ въ разсматриваемомъ случаѣ выгоды первой. Широкая постановка задачи въ историческихъ трудахъ вообще можетъ давать плодотворные результаты только тогды, когда при изученіи дѣла не приходится идти «цѣлиною», когда подлежащія разсмотрѣнію фактическія данныя значительно подготовлены, когда по отдѣльнымъ вѣтвямъ предмета имѣется достаточный запасъ частныхъ изслѣдованій. А въ вопросѣ о ганзейской торговлѣ на Руси дѣйствительность представляетъ чуть-ли не прямую противоположность этимъ условіямъ: за исключеніемъ Новгорода, издавна составляющаго предметъ особенно благосклоннаго вниманія ученыхъ, мы не имѣемъ никакихъ частныхъ изслѣдованій по ганзейскорусской торговлѣ. У насъ нѣтъ изслѣдованій по исторіи иноземной торговли Смоленска, Полоцка, Пскова. При такихъ обстоятельствахъ, скорѣе можно бы было ожидать, что ограниченіе работы одною какою либо мѣстностью русской земли, какъ напр. западной Русью, дало бы гораздо болѣе плодотворные результаты, какъ въ отношеніи правильной оцѣнки фактовъ, такъ даже, при раціональной постановкѣ дѣла, и въ отношеніи цѣльнаго взгляда на иноземную торговлю на Руси, чѣмъ общее обозрѣніе, принужденное зачастую, вслѣдствіе массы матеріала, отказываться отъ удовлетворенія самымъ насущнымъ научнымъ требованіямъ. Выражая такія замѣчанія, мы, впрочемъ, имѣемъ въ виду только одно желаніе указать заранѣе на тѣ трудности, которыя неизбѣжно предстояло побороть автору при принятой имъ постановкѣ задачи, а отнюдь не желаніе стѣснять его въ свободномъ выборѣ темы изслѣдованія. Если автору казалось выгоднѣе всего поставить себѣ задачею изслѣдованіе Ганзейско-русской торговли во всемъ ея объемѣ, то это — его добрая воля и намъ ничего ни остается, какъ послѣдовать за нимъ и опредѣлить, на сколько эта задача выполнена имъ удовлетворительно, т. е., на сколько имъ достигнута цѣльность взгляда на предметъ, насколько заключаетъ въ себѣ гарантію научности его критическая оцѣнка выводовъ и фактовъ

и, наконецъ, насколько трудъ его возмѣщаетъ пробѣлы прежнихъ работъ въ отношеніи полноты данныхъ.

Разсматриваемый съ точки зрѣнія цѣльности взгляда на предметъ, трудъ г. Бережкова врядъ-ли можетъ выдержать сопоставленіе съ другимъ, болѣе раннимъ и частнымъ трудомъ по торговлѣ Руси съ Ганзою, а именно съ сочиненіемъ Ризенкампфа: Der deutsche Hof zu Novgorod. Прежде всего г. Бережкову не удалось побѣдить свой обширный матеріалъ внѣшне. Въ строгомъ смыслѣ, обозрѣніе торговли Руси съ Ганзой должно быть внутренней исторіей этой торговли и, въ качествѣ таковой, слѣдовать своему особому порядку, въ которомъ историческое и предметное изложеніе дѣла должны быть строго разграничены. Разграниченіе могло бы быть сдѣлано примѣрно въ такомъ родѣ. За изложеніемъ обстоятельствъ, въ которыхъ находились торговыя сношенія на Руси до начала Ганзейской торговли, можно бы было дать обозрѣніе первоначальнаго развитія сношеній съ Ганзою, утвержденія ихъ въ разныхъ краяхъ древней Руси вмѣстѣ съ представленіемъ условій, которыя облегчали первыя зачатки торговли. Коль скоро этотъ предметъ былъ бы во всемъ его объемѣ исчерпанъ, тогда возможно было-бы обратиться къ характеристикѣ торговаго быта, къ опредѣленію взаимныхъ, какъ гражданскихъ, такъ и торговыхъ отношеній купечества и притомъ представить эти отношенія со всѣми особенностями, которыя онѣ имѣли въ разныхъ краяхъ древней Руси. Во избѣжаніе повтореній, хорошо было-бы въ основаніе изложенія положить одно какое-либо время, напр. XIII вѣкъ, какъ вѣкъ окончательнаго сформированія Ганзейской торговли на Руси, и одну какую-либо мѣстность, напр. Великій Новгородъ, какъ пунктъ полнѣйшаго развитія ганзейско-русскихъ сношеній, а остальныхъ мѣстностей коснуться только по мѣрѣ представляемыхъ ими особенностей. Затѣмъ, такъ какъ историческая жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ, необходимо-бы было указать, какъ на дальнѣйшія измѣненія въ районѣ торговли, такъ и на тѣ внутренніе вопросы, которые волновали ея дальнѣйшій ходъ, равно какъ и силы, которыя привели её къ паденію. Въ заключеніе могъ-бы быть данъ общій взглядъ, какъ на торговое значеніе сношеній Руси съ Ганзою, такъ и на ихъ культурно историческое вліяніе. Таковъ, повторяемъ, самый естественный порядокъ изложенія, который невольно навертывается на мысль, какъ скоро заходитъ рѣчь объ исторіи ганзейско-русской торговли. Но, вопреки ожиданію, въ трудѣ г. Бережкова нѣтъ строгаго разграниченія историческаго порядка изложе-

нія отъ предметнаго; у него скорѣе замѣчается стремленіе къ смѣшенію обоихъ этихъ моментовъ въ одно безразличное цѣлое,—обстоятельство, отнимающее у сочиненія значительную долю его наглядности. Смѣшеніе начинается уже съ самыхъ первыхъ главъ. Такъ, послѣ первой главы, трактующей объ азіатской торговлѣ и объ участіи въ ней Новгорода и составляющей какъ-бы введеніе въ настоящій трудъ, слѣдуютъ двѣ главы, изъ которыхъ одна имѣетъ дѣло съ зачатками ганзейской торговли въ Новгородѣ, а другая съ утвержденіемъ той же торговли въ Западной Руси. Какъ ясно съ перваго взгляда, предметъ изложенія въ обѣихъ главахъ одинъ и тотъ же и потому для наглядности было-бы лучше соединить ихъ въ одно цѣлое. Но это еще не главное зло. Въ обѣихъ главахъ, къ обоюдному ущербу, рядомъ съ внѣшней исторіей торговли идетъ и ея внутренняя характеристика и даже все позднѣйшее развитіе торговли въ Западной Руси. Вслѣдствіе этого, двѣ дальнѣйшія главы, долженствовавшія собственно трактовать о характеристическихъ чертахъ ганзейской торговли на Руси, страдаютъ частію повтореніями, частію же неполнотой, такъ какъ онѣ исключительно посвящены одному Великому Новгороду. Подобнымъ образомъ и въ двухъ заключительныхъ главахъ, посвященныхъ собственно исторіи ганзейской торговли въ послѣдніе два вѣка ея существованія, есть много лишняго и еще болѣе недостающаго.

Отсутствіе внѣшней наглядности есть всегда до нѣкоторой степени вѣрный признакъ недостаточности общаго, цѣльнаго взгляда на предметъ. И дѣйствительно, если подъ цѣльностью взгляда понимать не простое обозрѣніе ганзейской торговли во всѣхъ краяхъ древней Руси, а настоящее уразумѣніе отличительнаго характера этой торговли въ его мѣстномъ и историческомъ развитіи, то, вопреки заявленному самимъ г. Бережковымъ стремленію, трудъ его въ этомъ отношеніи оставляетъ желать еще многаго. Нѣтъ сомнѣнія, въ сочиненіи г. Бережкова, особенно въ главахъ, посвященныхъ описанію Новгородскаго Нѣмецкаго двора и тамошней торговли, найдется не мало данныхъ, которыя могутъ содѣйствовать составленію болѣе правильнаго понятія о торговлѣ Руси съ Ганзою и потому должны быть приняты не иначе, какъ съ благодарностью. Но, страннымъ образомъ, останавливаясь съ любовію на второстепенныхъ чертахъ, авторъ какъ-то неохотно касается главныхъ, отъ которыхъ сильнѣе всего и зависитъ цѣльность взгляда. Отъ труда, претендующаго на цѣльность взгляда, всего естественнѣе ожидать обстоятельнаго разъясненія такихъ

вопросовъ, каковы напр. вопросы о характерѣ продажи объ активномъ участіи въ ней русскихъ, объ относительной выгодности торговли для заинтересованныхъ сторонъ, объ особенностяхъ торговаго быта въ разныхъ краяхъ древней Руси и т. п. Но, между тѣмъ, именно эти вопросы и оставлены авторомъ почти совершенно въ тѣни. Такъ напр., вопроса о томъ, была-ли ганзейско-русская торговля мѣновою, какъ утверждалъ Ризенкампфъ, или нѣтъ, г. Бережковъ касается совершенно случайно, при обозрѣніи одного изъ Смоленскихъ договоровъ. Приводя изъ послѣдняго тотъ фактъ, что при продажѣ серебра въ издѣліяхъ, Смольняне должны были платить за провѣсъ одну куну, а за гривну серебра въ слиткѣ — двѣ векши, но что если серебро и золото продавались въ Смоленскѣ Нѣмцами, то тѣ вовсе не платили вѣсовыхъ пошлинъ, г. Бережковъ заключаетъ, что эти данныя объ обращеніи въ Смоленской торговлѣ золота, серебра и серебряныхъ издѣлій доказываютъ, что тамошняя торговля была довольно обширширна и далеко уже не мѣновая (стр. 97 — 98). Вотъ и все о характерѣ мѣны въ русско-ганзейской торговлѣ. Но, не говоря уже о его рѣшительной недостаточности, такое изложеніе дѣла ни мало не согласуется съ выводимыми изъ него заключеніями. Доказательствомъ присутствія денежной торговли приводимые факты служить отнюдь не могутъ, такъ какъ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ золото и серебро играютъ роль простаго товара, а не денегъ. Да и объ обширности торговли эти факты свидѣтельствуютъ мало, такъ какъ отмѣна вѣсовыхъ пошлинъ въ случаѣ продажи благородныхъ металовъ иноземцами русскимъ показываетъ ясно, что послѣдніе были весьма желательнымъ на Руси товаромъ, что, иначе, количество ихъ было крайне недостаточно. Болѣе вниманія удѣляетъ авторъ вопросу объ активной роли русскаго купечества въ ганзейской торговлѣ, но и здѣсь съ одной стороны даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о мореплаваніи русскихъ только въ древнѣйшій періодъ, пренебрегая позднѣйшимъ (стр. 77 — 78 и 255), съ другой же и въ разъясненіи причинъ отсутствія у русскихъ торговаго и военнаго флота является не особенно счастливымъ. Сначала авторъ ищетъ ихъ въ преобладаніи въ Новгородѣ бояръ и вліянію ихъ приписываетъ небреженіе Новгородцевъ о развитіи своихъ морскихъ силъ. Вотъ, если бы, поясняетъ г. Бережковъ, во главѣ правленія въ Новгородѣ стояла купеческая дума или княжеская власть съ ея хозяйственнымъ характеромъ, то Новгородъ несомнѣнно сталъ-бы морскою державою (стр. 265). Намъ кажется,

однако, такое ожиданіе нѣсколько оптимистическимъ. Имѣя въ виду довольно безплодныя попытки всего позднѣйшаго времени въ отношеніи заведенія русскаго морскаго торговаго флота, мы склонны думать, что причины отсутствія флота въ Новгородѣ лежали гораздо глубже, чѣмъ въ простомъ преобладаніи тамъ боярскаго класа. Самъ авторъ сознаетъ шаткость своего объясненія и старается далѣе отыскать общія условія неразвитости морскихъ силъ Новгорода въ направленіи Новгородской колонизаціи не къ западу, а къ востоку (стр. 255). Это объясненіе болѣе раціонально, но врядъ-ли и оно касается дѣла съ его настоящей стороны.

Въ связи съ вопросомъ о степени активнаго участія русскихъ въ ганзейской торговлѣ стоитъ и вопросъ объ относительной выгодности ея для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Въ наукѣ давно уже установился обычай смотрѣть на время ганзейско-русской торговли, какъ на періодъ эксплоатаціи Россіи алчными нѣмецкими торговцами. Мнѣніе это вышло изъ рукъ нѣмецкихъ ученыхъ, но страннымъ образомъ оно раздѣляется отчасти г. Бережковымъ, писателемъ, несомнѣнно имѣющимъ въ виду взглянуть на ганзейскую торговлю съ руеской точки зрѣнія. «По отношенію къ туземцамъ, говоритъ вообще о торговлѣ почтенный авторъ, иностранные купцы являлись, какъ единая прочно организованная корпорація; если же при помощи богатыхъ подарковъ они успѣвали подкупить въ свою пользу лицъ, имѣющихъ власть въ странѣ, то послѣдней грозило серіозное бѣдствіе отъ жадности иностранцевъ. Такой характеръ, между прочимъ, имѣла торговля знаменитой Ганзы въ разныхъ странахъ Европы, въ томъ числѣ и въ Великомъ Новгородѣ» (стр. 10). Какъ мы уже замѣтили раньше, мнѣніе объ эксплоатаціи Ганзейцевъ вышло изъ рукъ нѣмецкихъ ученыхъ и основано главнымъ образомъ на соображеніяхъ о торговыхъ пріемахъ нѣмецкаго купечества. Но съ одной стороны эти пріемы на практикѣ далеко не имѣли такого подавляющаго характера, какимъ они отличаются въ теоріи. По словамъ самого г. Бережкова, «ганзейская компанія въ Новгородѣ не могла выдержать до конца характеръ строгой корпораціи, поступающей всегда на точномъ основаніи ей предписанныхъ правилъ. Напротивъ, отдѣльныя лица находили дворовыя правила обременительными для себя, а потому пытались обойти ихъ; тщетно съ каждаго пріѣзжаго отбиралась присяга, что онъ безпрекословно будетъ исполнять всѣ правила двора; частные интересы лежали ближе къ сердцу, чѣмъ ганзейскіе, и расчеты превозмогали совѣсть» (стр. 148—149). По

2*

видимому, уже одно это обстоятельство должно бы было ослабить значительно наше обычное представленіе объ эксплоатаціи русскихъ ганзейскими нѣмцами, но г. Бережковъ, вопреки собственнымъ здравымъ соображеніямъ, все еще продолжаетъ оставаться вѣрнымъ старинѣ. Онъ забываетъ даже, что у дѣла есть еще другая сторона, которая была опущена нѣмецкими писателями по недостаточному знакомству ихъ съ русскими данными, но которую желательно видѣть выясненною вполнѣ въ трудѣ русскаго ученаго. Мы разумѣемъ именно торговые пріемы русскаго купечества. Положеніе послѣдняго было далеко не такъ беззащитнымъ, какъ представляютъ нѣмецкіе ученые. Если нѣмецкое купечество составляло компанію, обязанную строго сообразоваться со своими уставами, то и въ русскомъ мы должны видѣть не разбредшееся стадо, а довольно компактную масу. Если нѣмцы ставили ему всевозможныя препятствія, чтобы по крайней мѣрѣ сохранить за собой преобладаніе на морѣ, то и русское купечество въ свою очередь не безъ искусства умѣло пользоваться тѣми выгодами, которая давало ему его собственное положеніе. Конечно, вслѣдствіе раздробленія древней Руси, выгоды эти въ разныхъ краяхъ ея были далеко не одинаковы; тѣмъ не менѣе сознаніе о нихъ не терялось нигдѣ. Тѣсныя рамки рецензіи не позволяютъ намъ заняться обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ этого важнаго предмета; но мы всетаки надѣемся, что въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ не останется безъ нѣкотораго разъясненія.

Какъ мы уже сказали, независимо отъ общихъ чертъ, которыя характеризуютъ Ганзейско-русскую торговлю, взятую въ цѣломъ, необходимо обратить должное вниманіе и на тѣ особенности, какія торговая жизнь имѣла въ различныхъ краяхъ древней Руси. Но, вопреки этому требованію, трудъ г. Бережкова почти совсѣмъ не затрогиваетъ вопроса о мѣстныхъ особенностяхъ торговаго быта. Торговля Пскова даже совсѣмъ не нашла себѣ особеннаго мѣста въ его трудѣ, не смотря на то, что она представляетъ чрезвычайно характерное и любопытное явленіе. Да и въ отношеніи остальныхъ краевъ, авторъ ограничивается простою передачею фактовъ, не пытаясь выводить изъ нихъ заключенія объ отличительныхъ чертахъ, которыя въ каждомъ изъ нихъ характеризовали мѣстный торговый бытъ. Мы нигдѣ не видимъ у него попытокъ опредѣлить особенности торговой жизни разныхъ краевъ древней Руси ни по отношенію къ гражданскимъ правамъ купечества, ни по отношенію къ собственнымъ пріемамъ торговли, не смотря на

то, что факты, приводимые г. Бережковымъ, неоднократно возбуждаютъ мысль о подобныхъ особенностяхъ. Такъ напр., говоря о Полоцкѣ, авторъ замѣчаетъ, что въ случаѣ проступковъ, купцы отсылались тамъ въ свой городъ и судились тамъ у своихъ судей, и называетъ это любопытною чертою, которой нельзя подмѣтить въ сношеніяхъ Нѣмцевъ съ Новгородомъ, гдѣ пересылка виновныхъ до Висби или Любека или оттуда въ Новгородъ былабы затруднительна по отдаленности этихъ мѣстъ (стр. 104). Но, вмѣсто того, чтобы повести къ раскрытію особенностей гражданскаго положенія купечества въ разныхъ краяхъ древней Руси, мысль эта такъ и остается совершенно безплодною. Въ трудѣ г. Бережкова мы замѣчаемъ скорѣе стремленіе смѣшивать явленія разныхъ краевъ Россіи въ одну безразличную масу. Такъ напр. извѣстно, что разборъ взаимныхъ тяжбъ Новгородцевъ съ иноземными гостями во второй половинѣ XIII вѣка составлялъ предметъ вѣдѣнія тысяцкаго, служившаго представителемъ мѣстнаго купечества. Подъ вліяніемъ этого факта г. Бережковъ непремѣнно хочетъ приписать подобную же роль и купечеству города Смоленска. Но такъ какъ факты прямо противорѣчатъ признанію мнѣнія, что въ Смоленскѣ существовалъ торговый судъ, отдѣльный отъ княжескаго, то для доказательства своего положенія г. Бережковъ принужденъ прибѣгнуть къ натяжкамъ. Онъ утверждаетъ именно, что въ Смоленскѣ вѣче было не менѣе сильно, какъ въ Новгородѣ, что развитіе торговли должно было вести къ организаціи купечества въ особенное общество, что первостатейное Смоленское купечество было якобы независимо отъ княжескаго суда и разбирало дѣла гостей, пріѣзжавшихъ въ Смоленскъ изъ другихъ городовъ русскихъ, но не нѣмцевъ (стр. 100—101). Въ доказательство всей этой цѣпи заключеній авторъ приводитъ, однако, только оговорку, сдѣланную однимъ Смоленскимъ княземъ въ договорѣ половины XIII столѣтія, а именно, что нѣмецкіе гости сами вѣдаются въ столкновеніяхъ своихъ съ гостями другихъ русскихъ земель (стр. 99). Но хотя изъ оговорки и слѣдуетъ несомненно, что князь отказывался отъ разбирательства извѣстнаго рода судебныхъ дѣлъ, тѣмъ не менѣе нужно имѣть значительную дозу предвзятости, чтобы видѣть въ этомъ отреченіи пріобрѣтеніе Смоленскаго купечества. Пріобрѣтеніе было сдѣлано не Смоленскими, а иноземными и иногородными купцами, и это совершенно въ духѣ средневѣковыхъ отношеній. Въ древней Руси вообще мѣстный судъ въ отношеніи иноземцевъ поступалъ только тогда, когда въ

дѣлѣ были замѣшаны туземцы. Коль скоро же дѣло имѣло мѣсто между одними иноземцами, то они рѣшали его сами: это была одна изъ привилегій иноземныхъ гостей. Весьма возможно, что въ видѣ дальнѣйшей льготы, это правило было распространено и на тотъ случай, когда иноземцамъ приходилось сталкиваться съ жителями другихъ русскихъ городовъ, въ судьбѣ которыхъ князь также не былъ прямо заинтересованъ.

Еще менѣе г. Бережкову удалось подмѣтить и оцѣнить особенности, которыми отличалась торговая политика различныхъ краевъ древней Руси. Сообразно съ различнымъ направленіемъ послѣдней, условія, на которыхъ допускалась въ разныхъ промышленныхъ центрахъ иноземная торговля, были весьма различны. Въ однихъ краяхъ иноземцы пользовались бо́льшими торговыми льготами, въ другихъ же гораздо меньшими. Такъ напр., вопросъ о розничной торговлѣ рѣшался въ разныхъ краяхъ Руси далеко не одинаково: однѣ земли эту льготу допускали, другія же нѣтъ. Различіе это, однако, сокрылось отъ вниманія г. Бережкова. Приводя тѣ факты, что въ Новгородѣ прикащикамъ Нѣмецкаго двора позволялось продавать нѣкоторые товары по мелочи, что далѣе въ 1436 году нѣмцы просили у Новгорода права розничной торговли, но не получили отвѣта, что, наконецъ, въ договорѣ Новгорода и Пскова съ Дерптомъ отъ 1474 года объ этомъ предметѣ сказано: всякій товаръ Псковичамъ (въ Лифляндіи) на розницу продавать добровольно или вмѣстѣ, т. е. оптомъ, что такая же свобода мелочной торговли предоставляется нѣмцамъ во Псковѣ, за исключеніемъ корчемства, а о Новгородѣ не упоминается, авторъ заканчиваетъ: «изъ всѣхъ этихъ данныхъ позволительно заключить, что въ запрещеніи розничной торговли (plucinge) обѣ стороны не были послѣдовательны; но на какой товаръ и на долго ли простиралось запрещеніе, сказать не легко (стр. 168 — 169). Намъ кажется, однако, что никакой непослѣдовательности ни съ одной стороны не было. Нѣмцы вообще очень послѣдовательно стремились къ пріобрѣтенію на Руси права розничной торговли, разсуждая не безъ основанія, что послѣднее дастъ имъ возможность наживать гораздо большіе барыши, чѣмъ торговля оптомъ. Поэтому и у себя дома они охотно допускали такую торговлю, особенно подъ условіемъ взаимности. Но успѣхъ ихъ стремленій въ различныхъ краяхъ древней Руси былъ далеко не одинаковъ. Въ Западной Руси, а именно въ Полоцкѣ, мелочная торговля

нѣмцевъ вообще не допускалась [1]). Подобной же торговой политики держался и Великій Новгородъ. Новгородцы также не одобрительно смотрѣли на розничный торгъ и допускали продажу по мелочи только по незначительнымъ статьямъ, да и то однимъ прикащикамъ двора, вообще же старались монополизировать мелочной торгъ въ рукахъ собственныхъ гражданъ. Но молодшій братъ Новгорода, Псковъ, отступилъ здѣсь рѣшительно отъ общаго правила. По крайней мѣрѣ въ договорахъ съ Ливоніей Псковъ обыкновенно выговаровалъ себѣ право торговать вездѣ въ ливонскихъ городахъ, какъ оптомъ (to hope, вмѣстѣ), такъ и въ розницу. А такая льгота по характеру времени врядъ-ли могла быть одностороннею, т. е., не сопровождаться подобною же льготою для нѣмцевъ со стороны Пскова. Вопросъ о розничной торговлѣ составляетъ любопытный, но далеко не единственный примѣръ различнаго отношенія древнерусскихъ земель къ торговлѣ съ иноземцами. Кромѣ него, есть еще и нѣкоторые другіе. Такъ напр., наравнѣ съ розничной торговлей, разные края древней Руси относились различно и къ праву торговли гостя съ гостемъ. Но г. Бережковъ не только не даетъ о томъ никакого понятія, но и слабо разъясняетъ самую сущность дѣла (стр. 104) и даже высказываетъ иногда по этому предмету не совсѣмъ справедливыя замѣчанія. Такъ, передавая жалобы нѣмцевъ на Витебскаго князя Михаила Константиновича, г. Бережковъ сообщаетъ, что въ одинъ день князь запретилъ нѣмцамъ производить торговлю другъ съ другомъ, объявя во всеуслышаніе: гость съ гостемъ не торгуй (стр. 108—109). Мы, однако, склонны думать, что подъ словами: гость съ гостемъ не торгуй—князь разумѣлъ отнюдь не торговлю нѣмцевъ между собою. Торговля нѣмцевъ между собою была ихъ внутреннимъ дѣломъ, вмѣшиваться въ которое князь врядъ-ли бы счелъ себя въ правѣ. А затѣмъ и поводовъ къ тому у него не было никакихъ, такъ какъ такая торговля не могла сопровождаться никакимъ нарушеніемъ Витебскихъ интересовъ. Другое дѣло, если подъ княжескими словами разумѣть торговлю нѣмцевъ съ гостями другихъ русскихъ земель. Послѣдніе не только могли поднимать въ ущербъ Витеблянамъ иноземныя цѣны, но и ронять мѣстныя Витебскія: поводъ къ вмѣшательству тутъ очевидный.

Едва-ли не самою слабою частью труда г. Бережкова является

---

[1]) Bunge, U. — B. VI, 340, 1405 г.: «А малое вамъ (Нѣмцамъ) торговли не купити у Полотьсце по розничи»...

представленіе историческаго развитія ганзейской торговли на Руси въ послѣдніе два вѣка ея существованія. Конечно, было-бы несправедливо утверждать, что г. Бережковъ не удѣляетъ этому предмету никакого вниманія. Напротивъ, у него есть даже особенная (VI-я) глава, посвященная исключительно обозрѣнію исторіи торговли въ XIII, XIV и XV вѣкахъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ Новгородѣ. Но эта глава носитъ совершенно внѣшній характеръ, есть не столько исторія торговыхъ отношеній, сколько враждебныхъ столкновеній между новгородцами и нѣмцами и вытекавшихъ отсюда перерывовъ въ торговлѣ и новыхъ торговыхъ договоровъ. А между тѣмъ исторія торговли есть по преимуществу внутренняя исторія. Она должна давать намъ разъясненіе внутреннихъ вопросовъ, которые волновали торговый міръ и для которыхъ внѣшнія событія были только видимымъ отраженіемъ. Хотя въ главахъ, посвященныхъ внутренней характеристикѣ торговли, встрѣчаются замѣчанія и на счетъ тѣхъ вопросовъ, которые возбуждались торговыми отношеніями въ позднѣйшее время, однако вопросы эти затрогиваются тамъ мимоходомъ и вслѣдствіе этого остаются обыкновенно недостаточно выясненными.

Частный примѣръ лучше покажетъ намъ, въ чемъ дѣло. Перечисляя предметы мѣны ганзейско-русской торговли, г. Бережковъ по поводу торговли солью замѣчаетъ, что въ 1436 году Новгородцы жаловались ганзейскимъ посламъ, что соляные мѣшки не имѣютъ узаконеннаго вѣса; на это послы не безъ тонкой ироніи отвѣчали, что вѣроятно соль на пути отсырѣла и растаяла: извѣстное дѣло, что взятое отъ воды въ воду и обращается; однако новгородцы не всегда убѣждались такими доводами: въ 1407 году они рѣшили получать соль у нѣмцевъ не иначе, какъ на вѣсъ, при чемъ слѣдовательно тѣ стали бы платить и вѣсовыя пошлины; но, какъ видно, опять отступили отъ этого требованія (стр. 163—164). Какъ это ясно съ перваго взгляда, дѣло изложено г. Бережковымъ далеко не удовлетворительно. Торговля солью, медомъ и вообще громоздкими товарами служила предметомъ не только тонкаго остроумія, но и ожесточенной борьбы между заинтересованными сторонами въ теченіе всего XIV и XV вѣковъ. Источникомъ послѣдней послужило то обстоятельство, что торгъ производился не всегда на вѣсъ и мѣру, а очень часто на извѣстныя, установившіяся обычаемъ единицы. Такъ соль продавалась напр. извѣстными мѣшками, а медъ—бочками. При такихъ условіяхъ дѣло безъ недоразумѣній обходиться не могло. И вотъ Новгородцы уже рано

начинаютъ жаловаться на то, что соляные мѣшки слишкомъ малы и слишкомъ легки въ сравненіи съ стариною [1]). Въ особенности же они негодовали на неодинаковое отношеніе нѣмцевъ къ дѣлу у себя дома и въ Новгородѣ. «Мы въ своемъ городѣ, говорили они нѣмцамъ въ 1407 году, прямимъ, принимаемъ не иначе, какъ сполна, но за то и даемъ сполна; вы же — нѣтъ; вы издавна наши воры-грабители: вы берете въ Ревелѣ за ластъ XV мѣшковъ соли, а здѣсь даете только 12; точно также, вы берете у себя дома за ластъ 13 бочекъ меду, а здѣсь въ Новгородѣ даете только 12» [2]). Потери, испытываемыя Новгородцами, привели ихъ наконецъ въ 1407 году къ рѣшенію принимать изъ громоздкихъ товаровъ соль не иначе, какъ на вѣсъ, а медовыя бочки — не иначе, какъ наполненными до втулокъ [3]). Но это рѣшеніе встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны Нѣмцевъ, которыхъ, какъ видно изъ предъидущаго, страшили не однѣ вѣсовыя пошлины, а еще болѣе лишеніе тѣхъ выгодъ, которыя истекали для нихъ изъ торговли на обычныя единицы. Поэтому, не Новгородцы отступили опять, какъ увѣряетъ авторъ, отъ своего требованія, а Нѣмцы затормозили дѣло и создали изъ него вопросъ, который волновалъ обѣ стороны въ продолженіе цѣлаго столѣтія, пока наконецъ онъ не былъ улаженъ къ обоюдному удовольствію въ 1514 году. Вопросъ этотъ не лишенъ большаго интереса, а потому нельзя не пожалѣть, что исторія его, наравнѣ съ изслѣдованіемъ многихъ другихъ подобныхъ предметовъ, не нашла себѣ мѣста въ исторической части труда г. Бережкова.

Къ числу недостатковъ исторической части сочиненія г. Бережкова нужно отнести также совершенное отсутствіе данныхъ

---

[1]) Bunge B. — U., IV, 393, 1402 г.: «Item alse se (Новгородцы и Псковичи) clageden, dat de soltsecke to cleine weren und to licht und nicht en weren alse se van oldinges plegen to wesene ..»

[2]) Bunge, B. — U., IV. 594, 1407 г.: «Des hebben se (тысяцкій съ купцами) uns nu en antworde gegeven, dat se willen dat solt hiir wegen und willen dat honich vul hebben, und dat wi vul geven und ok vul nemen, vente se seggen, se raden in erer stat und wi nicht, und se seggen, dat wi aldus lange ere deve gewesen hebben, und seggen, dat wi nemen to Revel XV sekkesolt vor de last und geven hir XII. Des gelikes seggen se van dem honige, dat wi nemen met uns XIII tunnen und geven hir XI I vor de last».

[3]) Bunge, U. — B., IV, 590, 1407 г.: «unde se (de Russen) hebben einen bref gemaket in deme dinge und besegelt under sik also, dat nen Russe sol kopen van den Dutschen anders, den solt bi der wicht, dat honich bi vullen tunnen, bi L. stukke sulvers»...

о постепенномъ сокращеніи торговли послѣ катастрофы 1494 года, въ особенности же недостаточное вниманіе къ разъясненію причинъ этого упадка. Все, что мы встрѣчаемъ у г. Бережкова по этому предмету, заключается въ одномъ случайномъ замѣчаніи, что «съ пробужденіемъ національнаго чувства и сознанія народныхъ интересовъ для Ганзы стало невозможно удержать свои старинныя монополіи; а съ открытіемъ Америки и развитіемъ мореплаванія по Атлантическому океану усиливаются старые соперники Нѣмцевъ, Голландцы и Англичане» (стр. 133). Но и эти мысли, сами по себѣ не лишенныя если не новизны, то справедливости, авторомъ нимало не развиты. Даже не разъяснены обстоятельно тѣ мотивы, которые привели Ивана III къ закрытію Нѣмецкой конторы въ Великомъ Новѣгородѣ. Полемизируя съ Карамзинымъ, смотрѣвшимъ на закрытіе нѣмецкаго двора, какъ на разрушеніе благаго дѣла вѣковъ, какъ на уклоненіе Ивана III отъ своего собственнаго стремленія быть въ связи съ образованной Европой, г. Бережковъ въ концѣ книги бросаетъ замѣчаніе, что арестомъ нѣмецкаго купечества Великій Князь хотѣлъ отучить на будущее время Ганзу вмѣшиваться въ политику и принимать сторону его враговъ Швеціи, и Ордена; что причиной закрытія конторы было не желаніе прекратить торговлю Нѣмцевъ въ Новгородѣ, а стремленіе сноситься съ Европой безъ тѣхъ препятствій, какія представлялись со стороны Ганзы и Лифляндскихъ городовъ, торговать на всей княжеской волѣ, безъ тѣхъ льготъ, какія представляло для Нѣмцевъ право безпошлинной торговли (стр. 264). Нѣтъ сомнѣнія, что арестъ нѣмецкаго купечества въ Новгородѣ въ 1494 году самъ по себѣ не представлялъ ничего необыкновеннаго и получилъ особенное значеніе только въ силу неблагопріятныхъ для Ганзы обстоятельствъ времени. Поэтому заключать отсюда о желаніи Ивана III во что бы то ни стало прекратить торговлю Новгорода, какъ дѣлаетъ Ризенкампфъ, несправедливо. Но съ другой стороны нельзя признать вполнѣ удачными и тѣ мотивы, которые, по объясненію г. Бережкова, привели Ивана III къ закрытію Нѣмецкаго двора. Мы ничего не знаемъ о желаніи Ивана III давать уроки ганзейскимъ городамъ за ихъ вмѣшательство въ политику, особенно, когда извѣстно, что сами города всегда были не прочь оставаться нейтральными. Еще менѣе мы можемъ искать причинъ недовольства Ивана III Ганзой въ правѣ послѣдней на безпошлинную торговлю. Если бы дѣло шло о недовольствѣ Ивана III правомъ безпошлинной торговли, то для чего было-бы закрывать Нѣмецкій дворъ? Не достаточ-

но-ли было просто наложить на иноземные товары тамгу? Но и независимо отъ этого соображенія, у насъ вообще нѣтъ никакихъ фактическихъ поводовъ предполагать въ Иванѣ III желаніе обложить пошлинами иноземную торговлю. Договоры временъ Ивана III и его преемниковъ показываютъ ясно, что какъ прежде, такъ послѣ Ивана Васильевича единственною пошлиною была пошлина за провѣсъ, которая, быть можетъ, съ переходомъ Новгорода подъ московское владычество, была нѣсколько увеличена откупщиками вѣсовъ [1]). Подобнымъ образомъ, и изъ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя дошли до насъ о новыхъ порядкахъ, введенныхъ Москвою въ новгородскую торговлю, несомнѣнно явствуетъ, что при этихъ мѣрахъ Великій Князь руководился единственно стремленіемъ устранить старые поводы къ недоразумѣніямъ между Новгородцами и Нѣмцами, но не болѣе. Такъ напр. извѣстно, что Новгородцы тяготились розничной продажей хмѣльныхъ напитковъ, предоставленной прикащикамъ Нѣмецкаго двора: и вотъ, какъ-бы въ исполненіе ихъ желанія, великокняжескіе намѣстники окончательно запрещаютъ корчму въ Новгородѣ (въ Псковѣ она была запрещена значительно раньше) [2]). Точно также извѣстно, что Новгородцы тяготились нѣкоторыми пріемами, съ которыми были связаны торговля виномъ, медомъ и солью. Великокняжескіе намѣстники и здѣсь приняли рѣшительныя мѣры. Они запретили Нѣмцамъ колупать воскъ, а въ отношеніи продажи соли и меду стали, вѣроятно, твердо настаивать, чтобы соль продавалась съ вѣсу, а медъ полными бочками, какъ того прежде добивались и сами Новгородцы [3].

Сколько намъ кажется, представленныя соображенія даютъ право заключить, что причинъ закрытія нѣмецкой конторы въ Новгородѣ нужно искать не въ торговыхъ видахъ московскихъ князей, что далекіе отъ мысли давать другимъ уроки за вмѣшатель-

---

[1]) А. З. Р., I, 96, 1481 г.: «а вѣсити... по крестному цѣлованію, а имати отъ воздыма отъ скаловаго, какъ идутъ... противъ»... Ср. Рус. Лив. Акты, 261, 1509 г.: «Dath wage gelt sal mhan nemen vor ein schillinge tegen 3 denninge nha dem olden». Гильдебрандъ, Отчеты о разысканіяхъ, № 356.

[2]) А. З. Р., I. 91, 1481 г.: «А пива и корчмы нѣмцомъ не продавати въ Новѣгородѣ, а ни по пригородамъ». Ср. Гильдебрандъ, Отчеты о розысканіяхъ, № 345.

[3]) А. З. Р., I. 96; 1481 г.: «А на Ругодивѣ Ругодивьскимъ вѣсцомъ воску не колупати; а хто съ кимъ сторгуетъ, ино тому уколупити мало»...Ср. Гильдебрандъ, Отчеты, № 372.

ство въ политику, они сами врядъ-ли не руководились въ своихъ дѣйствіяхъ политическими побужденіями. Въ трудѣ г. Бережкова встрѣчаются намеки и на эту сторону дѣла, но въ видахъ ихъ недостаточности, а также и интереса, представляемаго московскою политикою по отношенію къ западу, мы позволимъ себѣ коснуться этого предмета нѣсколько обстоятельнѣе. Разбирая причины, приведшія къ закрытію Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ, мы не можемъ не признать, что главную роль при этомъ играли територіальные споры и гражданскія отношенія русскихъ, пребывавшихъ въ ганзейскихъ владѣніяхъ и особенно въ Остзейскомъ краѣ. Для того, чтобы понять первое, необходимо вспомнить, что съ водвореніемъ нѣмецкаго элемента въ Остзейскомъ краѣ не только положенъ былъ предѣлъ распространенію Русскихъ въ западномъ направленіи, но и открывается движеніе Нѣмцевъ на востокъ, стремленіе исторгнуть изъ рукъ Русскихъ даже прочно занятыя ими владѣнія. Такъ въ 1224 году Нѣмцамъ удалось отнять у Русскихъ Юрьевъ, въ которомъ послѣдніе были уже довольно близки къ утвержденію [1]). Окриленные этимъ успѣхомъ, Нѣмцы обратили свое оружіе и противъ несомнѣнно русскихъ владѣній, старались захватить въ свои руки Водь, Псковъ и Лотыголу. И если бы дѣло было предоставлено исключительно силамъ однѣхъ боровшихся сторонъ, то несомнѣнно Нѣмцы успѣли бы добиться исполненія своихъ желаній. Но у Новгородцевъ и Псковичей нашлись сильные покровители въ восточно-русскихъ князьяхъ. Владимірскіе князья Александръ Невскій и Ярославъ Ярославичъ избавили Новгородъ отъ расхищенія его наслѣдія Нѣмцами и прочно установили его западную границу [2]). Московскіе князья пошли еще дальше. Они не только приняли подъ свое покровительство Псковъ, но и стали хлопотать о возмѣщеніи тѣхъ потерь, которыя были понесены Русскими въ XIII столѣтіи. Первоначально дѣло открылось съ дипломатическаго ходатайства. Такъ уже въ 1368 году посолъ Димитрія Донскаго долго хлопоталъ въ Юрьевѣ въ пользу Псковичей. Лѣтописецъ съ горечью сообщаетъ, что хлопоты не привели ни къ че-

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 39, 1224 г.: «убиша князя Вячка Нѣмци въ Гюргевѣ, а городъ взяша».

[2]) П. С. Р. Л., III, 54, 1242 г.: «Нѣмцы присланна съ поклономъ безъ князя: что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу, мечемъ, то ся всего отступаемъ.... и усмиришася». Тамъ же, III, 61, 1269 г.: «увѣдавше нѣмцы (прибытіе въ Новгородъ большаго войска) прислаша послы съ молбою: кланяемся на всей волѣ вашей, Норовы всей отступаемся»...

му, что вслѣдъ за возвращеніемъ посла въ Псковъ, во владѣніяхъ послѣдняго явилась и нѣмецкая рать. Но для насъ важенъ самый фактъ дипломатическаго вмѣшательства, какъ свидѣтельство сознанія московскими князьями своего призванія [1]. Вскорѣ вмѣшательство стало выражаться болѣе дѣятельнымъ образомъ. Находясь слишкомъ далеко отъ области Ливонскаго ордена, московскіе князья еще не могли дѣйствовать непосредственно. Но, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и новгородскими князьями, они по крайней мѣрѣ не опускали случая пользоваться своимъ значеніемъ въ Новгородѣ для поддержанія его младшаго брата Пскова. Впервые московскіе князья пытались прибѣгнуть къ этому пути, кажется, изъ дружбы къ Витовту, но къ счастію встрѣтили на этотъ разъ со стороны Новгородцевъ рѣшительный отказъ [2]). Въ дальнѣйшемъ же теченіи исторіи желаніе пользоваться новгородскими силами стало управляться болѣе правильными соображеніями. Въ началѣ XV столѣтія слабому Пскову приходилось выдерживать непосильную борьбу съ Ливонскимъ орденомъ. Въ 1417 году въ эту борьбу счелъ нужнымъ вмѣшаться великій князь московскій и отправилъ въ Новгородъ пословъ поднимать Новгородцевъ на Нѣмцевъ. Новгородцы согласились и разослали биричей кричать по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, чтобы всякъ собирался помогать великому князю на Нѣмцевъ [3]). Дѣло до войны, кажется, однако не дошло, такъ какъ испуганные собиравшеюся съ разныхъ сторонъ грозой Нѣмцы поспѣшили въ томъ же 1417 году заключить съ Новгородцами и Псковичами миръ. Миръ этотъ былъ такъ выгоденъ для послѣднихъ, что Орденъ недоумѣвалъ соблюдать-ли его или же нѣтъ, такъ какъ его собственныя поправки къ договору были отринуты Псковичами. Условія мира обезпечивали именно Псковичамъ на десять лѣтъ безопасность со стороны Ордена. Магистръ обязался

---

[1]) П. С. Р. Л., IV, 192, 1368 г.: «Пріѣхаше посолъ съ Низу отъ в. к. Дмитрея Никита... и бывъ въ Юрьевѣ много дній, не учини ничто-же на добро вимало, и пріѣха во Псковъ, а за нимъ на борзѣ рать нѣмецкая пріиде ко Пскову»...

[2]) П. С. Р. Л., III, 102, 1397 г.: «А князь Василій Московскій и Витовтъ прислаша свои послы съединого къ Новугороду, велѣша разврещи миръ съ нѣмци; Новгородци же не послушаша»...

[3]) Bunge, B—U., V, 196, 1417 г.: «Item ist uns zu wissen wurden, das nu bin nen korz der koning von Mousco seine grosse bodeschaft zu Nogharden hatte gesandt, sie lassen bitten, dat sie im wolden bistondig und behulplich wesen uf die Dutschen»...

на это время не нападать на Псковъ, не поддерживать его враговъ, даже если бы ими оказались епископы Рижскій и Дерптскій, предостерегать въ случаѣ опасности, а по истеченіи мира не начинать военныхъ дѣйствій раньше прошествія четырехъ недѣль [1]).

Вліяніе Москвы на отношенія Россіи къ ея западнымъ сосѣдямъ особенно усилилось съ 1456 года, когда она впервые успѣла пріобрѣсти въ Новгородѣ преобладающее значеніе. Съ этихъ поръ столкновенія на западѣ стали рѣшаться силами не столько отдѣльныхъ земель и городовъ, сколько совокупными силами Москвы и Ливонскаго Ордена. И такъ какъ Москва, могущественная уже сама по себѣ, располагала обыкновенно и средствами Великаго Новгорода и Пскова, то понятно, что всѣ споры стали рѣшаться въ пользу Русскихъ. Такъ уже въ 1461 году, Москва, дѣйствуя совокупно съ Новгородцами и Псковичами, принудила Нѣмцевъ заключить съ Псковомъ перемиріе на пять лѣтъ, по которому каждая сторона обязалась ловить рыбу на спорной водѣ только со своего берега, да сверхъ того Нѣмцы возвратили Псковичамъ захваченныя на обидномъ мѣстѣ иконы и товаръ. Подобнымъ образомъ, только благодаря вліянію Москвы Псковичамъ удалось въ 1463 году побудить Нѣмцевъ къ уступкѣ спорныхъ мѣстъ. Наконецъ, только прибытіе Московскихъ и Новгородскихъ полковъ окончательно утвердило въ 1474 году за Псковичами обладаніе спорными землями и опредѣлило въ пользу Псковичей ихъ взаимныя отношенія къ Нѣмцамъ. По миру 1474 года относительно Великаго (Чудскаго) озера было постановлено, что каждая сторона ловитъ рыбу у своего берега, ни мало не преслѣдуя ловцовъ противной стороны, если буря случайно занесетъ ихъ въ воды сосѣдей [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ были ясно опредѣлены и отношенія къ великому князю Дерптскаго епископа. Мы говорили уже, что стремленія Русскихъ утвердиться на западной сторонѣ Великаго озера не увѣнчались успѣхомъ. Въ 1224 году былъ потерянъ ими городъ Юрьевъ вмѣстѣ съ сосѣдней землей Толовы. Потеря, однако, была небезусловная. За отреченіе отъ територіальныхъ правъ на область Толовы, Новгородъ получилъ именно право на дань съ Нѣмцевъ за жителей этого округа въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она получалась и прежде [2]). Съ

---

[1]) Bunge, U.—B., V, 268—270, 1417 г. Ср. тамъ же, V, 276—278, 285—288.

[1]) См. нашъ Очеркъ внутренней исторіи Пскова, стр. 259—260.

[2]) Script., Rer. Liv. I, 290, 1224 г.: «Miserunt (по взятіи Дерпта Нѣмцами) et Rutheni de Novogardia et Plescowe nuncios in Rigam petentes ea, quae pacis

теченіемъ времени, однако, вслѣдствіе слабости Новгородцевъ, дань эта мало по малу была забыта и уплата ея прекратилась совершенно. Но, у великихъ князей Московскихъ въ отношеніи всего, что касалось русскихъ интересовъ, была хорошая память. И Юрьевская дань была ими своевременно вспомнена и еще по миру 1463 года была выговорена плата ея Москвѣ. Но по всей вѣроятности, проплативши три года, Нѣмцы вновь прекратили внесеніе дани въ княжескую казну. Великіе Князья, однако, твердо стояли на своемъ и по миру 1474 года обязали Дерптскаго епископа не только снова платить дань, но и внести ее за всѣ неоплаченныя восемь лѣтъ. Съ тѣхъ поръ вопросъ о дани въ ближайшее время болѣе не подымался [1]). Кромѣ дани, однако, Юрьевъ былъ связанъ съ древнею Русью и другою связью. Въ Юрьевѣ находился именно Русскій Конецъ. Если не видѣть въ немъ, чтó не невозможно, остатка первоначальнаго поселенія русскихъ въ Юрьевѣ, то необходимо признать въ этомъ Концѣ колонію русскихъ купцевъ, торговавшихъ съ Остзейскимъ краемъ. Намъ неизвѣстны вполнѣ права, на которыхъ существовалъ этотъ Конецъ въ Юрьевѣ; но извѣстно, что къ этимъ правамъ Нѣмцы относились не особенно внимательно. Поэтому уже въ договоръ 1474 года было внесено великими князьями условіе, обязывавшее епископа честно держать Русскій Конецъ въ Юрьевѣ и его церкви [2]). Но должно быть, не смотря на обязательство, дѣло не поправлялось. Вслѣдствіе этого, въ договорѣ 1481 года было прямо выражено требованіе, чтобы Юрьевскій епископъ очистилъ Русскій Конецъ, его церкви и села тѣхъ церквей [3]). Условіе о блюденіи русскихъ церквей въ магистровой державѣ, въ архіепископскихъ и епископскихъ владѣніяхъ, повторяется и въ договорѣ 1493 года, но соблюдалось, очевидно, очень

---

sunt. Et receperunt eos Rigenses, facientes pacem cum eis, et tributum, quod semper habuerunt in Tholowa, eis restituentes. Letthos vero de Tholowa Rigensis episcopus cum Fratribus suis militiae dividebat».

[1]) А. З. Р., I. 84, 1474 г.: «А дани благовѣрныхъ в. к. Рускихъ царей, старыи залоги, и то честному бискупу Юрьевскому за осмъ лѣтъ отдати въ тотъ годъ, по крестному цѣлованію; а отъ сего времени... рускимъ царемъ на честномъ бискупѣ Юрьевскомъ дань своя имати по старинѣ»...

[2]) А. З. Р., I. 84, 1474 г.: «Што св. Божьи церкви у Юрьевѣ, у Рускомъ концы, и Рускій конецъ, и то честному бискупу Юрьевскому...держати честно по старинѣ»...

[3]) А. З. Р., I. 97, 1481 г.: «А бискупу Юрьевскому... церкви Божіи св. Николы и св. Георгея очистити и Рускій конецъ и села тыхъ церквей очистити».

мало и чрезъ это подавало великимъ князьямъ справедливую причину къ недовольству на Нѣмцевъ. И дѣйствительно есть извѣстіе, что вопросъ о русскихъ церквяхъ въ Юрьевѣ игралъ значительную роль въ вопросѣ о закрытіи ганзейской конторы въ Великомъ Новгородѣ [1]).

Подобное же вліяніе на закрытіе ганзейской конторы въ Новгородѣ оказалъ и вопросъ о положеніи русскихъ людей въ Нѣмецкихъ владѣніяхъ. Въ первоначальное время, всѣ дѣла, въ которыхъ были замѣшаны мѣстные интересы, разбирались обыкновенно мѣстнымъ судомъ той стороны, гдѣ дѣло получало свое начало. Судъ этотъ, однако, не успѣлъ внушить къ себѣ уваженія. такъ какъ каждая сторона естественно склонна была мирволить своимъ единоземцамъ. Вслѣдствіе этого въ позднѣйшее время возникаютъ попытки дать судебному разбирательству такія формы, которыя-бы устраняли возможность злоупотребленій. Въ западной Руси, въ Полоцкѣ, было, напр., принято за правило, чтобы каждый судился только своимъ собственнымъ судомъ и для этой цѣли Полочанинъ, совершившій преступленіе въ Ригѣ, долженъ былъ пересылаться въ Полоцкъ, а Рижанинъ въ такомъ же точно случаѣ наоборотъ въ Ригу къ собственнымъ судьямъ [2]). Въ Московской Руси, напротивъ, стремленіе избѣгнуть несправедливостей привело къ установленію особеннаго способа разбора дѣлъ, который можетъ быть названъ международнымъ. Впервые такой порядокъ примѣненъ былъ къ порубежнымъ дѣламъ. По договору 1474 года, въ случаѣ какихъ либо столкновеній на порубежьи, кражи, убійства и т. п., положено было ссылаться объ этомъ заинтересованнымъ сторонамъ до трехъ разъ черезъ посольства [3]). Вскорѣ, однако, такой порядокъ былъ распространенъ и на другія дѣла. По договору 1481 года разборъ обидныхъ дѣлъ, подъ которыми разумѣлись по преимуществу большія потери, понесенныя купечествомъ той или другой стороны, долженъ былъ производиться уже не судомъ той страны, гдѣ случилась потеря, а особеннымъ съѣздомъ, составленнымъ изъ представителей обѣихъ сторонъ, а по договору 1493 года — комисіей изъ пословъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ дер-

---

[1]) А. З. Р., I. 132, 1493 г. Гильдебрандъ, Отчеты о разысканіяхъ въ Рижскомъ и Ревельскомъ арх., №№ 366 и 416.

[2]) Bunge, U.—B., IV, 582, 1407 г.

[3]) А. З. Р., I. 85, 1474 г.: «А гдѣ ни порубежьи съ котороѣ стороны вчиниться татьба, или порубъ или грабежъ, или голову убьютъ, или иная какова пеня вчиниться: ино о томъ послы послати и справы просити трижды»...

жавъ. Окончательно такой порядокъ былъ установленъ въ 1509 году [1]). Что же касается до собственно уголовныхъ дѣлъ, то отъ XV вѣка мы не имѣемъ прямыхъ данныхъ на счетъ примѣненія къ нимъ въ Новгородѣ международнаго порядка. Но необходимо предполагать, что и тутъ господствовало стремленіе къ водворенію того же начала. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что еще въ 1416 году, вслѣдствіе жалобъ Новгородцевъ на дурное обращеніе въ Остзейскомъ краѣ съ ихъ провинившимися братьями, положено было не сажать Новгородцевъ въ тюрьму или дыбу, а заключать въ оковы и немедленно же давать объ этомъ знать сосѣднимъ Новгородскимъ властямъ, которыя и обязаны присылать на мѣсто преступленія родныхъ или знакомыхъ виновнаго. Только съ появленіемъ послѣднихъ долженъ былъ открываться судъ и производиться не иначе, какъ въ ихъ присутствіи [2]) Стремленіе Московскихъ князей къ устройству лучшаго разбора дѣлъ встрѣтило, однако, со стороны Нѣмцевъ не поддержку, а противодѣйствіе. Недовольные энергическою политикою Ивана III въ територіальныхъ вопросахъ, они старались мстить ему разными мелкими придирками въ судебной области. Вопреки ясно выраженному стремленію Великаго Князя къ международному улаженію дѣлъ, въ концѣ XV столѣтія въ Остзейскомъ краѣ были обвинены двое Русскихъ въ незаконныхъ поступкахъ, одинъ — Василій Саранъ — въ распространеніи фальшивой монеты, а другой—въ противоестественномъ содомскомъ грѣхѣ, и тотчасъ же безъ дальнихъ спросовъ первый былъ по Любскому праву сваренъ живьемъ, а второй — въ отвращеніе гнѣва Божія—сожженъ. Къ тому же, когда послы великаго князя, возвращавшіеся съ запада, стали требовать по этому дѣлу удовлетворенія, состоявшаго по нѣмецкимъ извѣстіямъ въ выдачѣ судей, то они подверглись оскорбленіямъ и разнаго рода вымогательствамъ.

---

[1]) А. З. Р., I. 96, 1481 г. Тамъ же, I. 131. 1493 г.: «А о обидныхъ дѣлѣхъ о всякихъ намѣстникомъ государевымъ в. к. Новгородскимъ съ князем мистромъ зсылатися послы... и управа дати всякимъ обиднымъ дѣломъ на обѣ стороны»... Ср. Рус. Лив. Акты, 262.

[2]) Bunge, U.—B., V, 122, 1416 г.: «So is unse erwerdige meister mit en (Новгородскими послами) des also eines geworden, und biddet uns, dat wi dat ok also holden willen, eft welk van eren Russen in deme unsen wor groffliken breke, dat wi den nicht in thorne efte kasten setten, sunder wi solden en slan in de iserne, und screven dat vort deme vagede tor Narwe, dat de dat vort deme borchgreven to dem Nyensloте dat enbede, dat he des mannes vrunde dar bi sende, de sine schult horen und in er jegenwordicheit na sinem broke gerichtet werde».

Въ былое время, въ періодъ господства Новгорода и Пскова, такой образъ дѣйствія быть можетъ легко сошелъ бы съ рукъ Нѣмцамъ; но великіе князья естественно не могли мириться съ такимъ уничтожающимъ ихъ достоинство самоуправствомъ. Силы ихъ однако были еще слишкомъ слабы, чтобы они могли направить ударъ туда, куда слѣдовало, т. е. на Остзейскій край. Неудивительно поэтому, что гроза разразилась надъ невиновнымъ непосредственно ганзейскимъ купечествомъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ остановиться нѣсколько и на взглядѣ г. Бережкова на культурное значеніе ганзейской торговли для древней Руси. Вопроса о культурномъ значеніи западной торговли и нѣмецкаго элемента въ древней Руси г. Бережковъ касается не однократно, но всегда только мимоходомъ, не давая себѣ труда отнестись къ дѣлу обстоятельно, исчерпать его со всѣхъ сторонъ и, такимъ образомъ, достигнуть опредѣленныхъ и точныхъ результатовъ. Страннымъ образомъ, всего полнѣе г. Бережковъ говоритъ объ этомъ предметѣ въ предисловіи. «Мы далеки отъ мысли, замѣчаетъ тамъ почтенный авторъ, признавать за ганзейскими купцами какую-то особенную роль носителей высшей культуры, чрезъ которыхъ будто-бы для Новгорода были открыты врата европейской цивилизаціи, какъ выражается одинъ нѣмецкій ученый. Въ самомъ дѣлѣ, какія стороны европейской цивилизаціи могли показать Новгороду ганзейскіе нѣмцы? Развѣ Новгородскій бояринъ сталъ культурнымъ европейцемъ отъ того, что онъ одѣвался въ цвѣтное нѣмецкое платье, да пилъ нѣмецкое вино? Да и чѣмъ лучше была средневѣковая европейская цивилизація, церковь, государство и общественный строй, наука и образованность вообще, чтобы Новгороду нужно было заботиться объ усвоеніи этой цивилизаціи, предполагая даже, что ганзейскіе купцы могли стать ея провозвѣстниками на Руси? И наконецъ, можно-ли заимствовать чужую культуру? Вѣдь истинная культура, до какой бы степени развитія она не достигала, бываетъ непремѣнно самобытна и національна: привить чужую культуру не въ состояніи не только купцы, но даже люди, гораздо болѣе ихъ сильные властью и интелектуальнымъ вліяніемъ; для купцевъ же довольно и того, что они берутъ за свои услуги нѣкоторые барыши, притомъ иногда довольно значительные, какъ ганзейскіе купцы въ Новгородѣ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что сами ганзейскіе купцы не помышляли о своей культуртрегерской роли; ее навязываютъ имъ только нѣкоторые нѣмецкіе историки, отождествляю-

щіе два понятія, одно другому далеко не равныя: исторію торговли и исторію культуры» (стр. VIII). Намъ кажется, однако, что одинаково вредны для интересовъ науки, какъ голословныя возглашенія о цивилизаторской дѣятельности ганзейскихъ торговцевъ, такъ и голословныя отрицанія всякаго культурнаго вліянія иноземной торговли, и что разсматриваемый нами авторъ не совсѣмъ чуждъ послѣдняго недостатка. Оставляя въ сторонѣ разсужденія автора о значеніи цивилизаціи вообще, какъ не относящіяся прямо къ дѣлу, займемся только тѣми его замѣчаніями, которыя непосредственно касаются интересующаго насъ вопроса. Г. Бережкову кажется невѣроятною самая возможность цивилизующаго вліянія ганзейской торговли, такъ какъ онъ сомнѣвается, дѣйствительно-ли средневѣковая европейская жизнь была выше Новгородской. Намъ кажется, однако, сомнѣніе это не совсѣмъ основательно. Сопоставленіе торговыхъ статей Великаго Новгорода и Ганзы показываетъ ясно, что между тѣмъ какъ Россія сбывала за границу преимущественно предметы первоначальной производительности, въ то время Ганза платила ей за то продуктами обработывающей промышленности, сдѣланными нерѣдко изъ русскаго матеріала. Не подлежитъ поэтому спору, что въ экономическомъ отношеніи западная Европа имѣла значительное превосходство надъ древнерусскою жизнью. Авторъ сомнѣвается далѣе, чтобы Новгородцы, нося нѣмецкое платье и услаждаясь нѣмецкимъ виномъ, становились культурными европейцами. Но нельзя также не согласиться, что чрезъ усвоеніе продуктовъ европейской промышленности они становились культурнѣе, такъ какъ это усвоеніе вело къ внѣшнему облагороженію частной жизни, пищи, одежды и утвари. Съ другой же стороны не нужно упускать изъ виду, что это только одна половина дѣла: а была еще другая, болѣе важная. Авторъ не безъ основанія говоритъ, что исторія торговли есть еще не исторія культуры, но несомнѣнно часть ея и потому всѣ усовершенствованія въ торговомъ быту должны считаться чистыми пріобрѣтеніями въ области культуры. А здѣсь мы встрѣчаемся съ принятіемъ отъ иноземцевъ ихъ орудій вѣса, даже самой системы вѣса (въ нѣкоторыхъ краяхъ), а также орудія мѣны, денегъ, и быть можетъ, съ выработкой подъ иноземнымъ вліяніемъ собственно Новгородской и Псковской монетной системы. Но еще, быть можетъ, было значительнѣе посредственное вліяніе торговли. Благодаря частымъ торговымъ сношеніямъ появляются усовершенствованія въ постройкѣ какъ частныхъ жилищъ, такъ и общественныхъ храмовъ, обязанныя своимъ началомъ нѣмецкимъ мастерамъ.

3*

Совершенствуются далѣе туземные мастера: не даромъ же Новгородцы и Псковичи славились въ древней Руси «каменосѣчною хитростью». Наконецъ, кромѣ зодчества, развиваются и другія искуства. Такъ въ Новгородской иконописи XVI вѣка, если вѣрить компетентнымъ голосамъ, стали появляться новые сюжеты, имѣющіе несомнѣнно западное происхожденіе.

Представленныхъ соображеній совершенно достаточно, чтобы ознакомиться съ отношеніемъ г. Бережкова къ общимъ сторонамъ его задачи. Поэтому, перейдемъ теперь къ его критикѣ, къ установленію имъ цѣлыхъ групъ фактовъ или же просто отдѣльныхъ фактическихъ данныхъ. Общее отношеніе его къ установленію фактовъ можетъ быть названо трезвымъ. Въ особенности выгодно выдается способность автора останавливаться на несомнѣнныхъ источникахъ, а изъ пособій — на лучшихъ, носящихъ всѣ признаки основательности. Исключенія и въ томъ и въ другомъ случаѣ, конечно, есть. Между источниками напр. г. Бережковъ пользуется иногда такими, которые принадлежатъ къ позднѣйшимъ, не смотря на то, что они легко могли быть замѣнены другими, болѣе первоначальными. Такъ мотивы, которыми русскіе оправдывали закрытіе нѣмецкой конторы, авторъ приводитъ по Никоновской лѣтописи, тогда какъ тоже самое онъ легко могъ найти въ гораздо несомнѣннѣйшей, такъ называемой, четвертой Новгородской лѣтописи (стр. 262). Подобнымъ образомъ, свѣдѣнія о вывозѣ въ 1480 году Иваномъ III изъ Новгорода 300 или 400 возовъ съ золотомъ, серебромъ и разными другими драгоцѣнностями г. Бережковъ передаетъ со словъ Олеарія и указываетъ, что послѣдній заимствовалъ ихъ у Герберштейна и Гваньини; но первоначальный источникъ, откуда получила свое начало эта сказка, польскій лѣтописецъ Длугошъ, читателю все таки остается совершенно неизвѣстнымъ (стр. 258). Позднѣйшими источниками авторъ иногда пользуется даже такъ, какъ будто-бы они представляютъ такое же откровеніе истины, какъ древнѣйшіе памятники, даже подлинные акты. Лѣтописный сводъ Татищева является у него совершенно равноправнымъ источникомъ, не смотря на то, что въ этомъ сводѣ часто весьма трудно различить лѣтописныя данныя отъ собственныхъ соображеній ученаго автора. Такъ напр., г. Бережковъ заимствуетъ у Татищева, Рос. Ист., III, 445, слѣдующее свѣдѣніе, относящееся къ 1226 г.: «въ Новгородъ прибыли послы изъ Любека, привезли товара такое множество, какова николи не важивали и просили отъ братія своея многихъ городовъ и земель о любви и

пріязни; и Новгородцы приняли ихъ въ любовь, и учинили договоръ, что всѣмъ купцамъ туда и обратно ходить съ товары и торговать, гдѣ и сколько кто хочетъ, не платя пошлины, а въ строеніи церквей отказали». Фактъ этотъ не встрѣчается нигдѣ въ другихъ источникахъ, да и по содержанію своему возбуждаетъ большія сомнѣнія. Не вѣроятною кажется уже та роль, которую, судя по этому извѣстію, игралъ въ столь раннее время городъ Любекъ. Еще болѣе сомнительно извѣстіе объ отказѣ въ постройкѣ церквей, такъ какъ правомъ имѣть свои храмы въ Новгородѣ нѣмцы несомнѣнно пользовались гораздо раньше. Но не смотря на эти недоразумѣнія, подрывающія свидѣтельство Татищева въ корнѣ, г. Бережковъ принимаетъ его, какъ несомнѣнное, и старается смягчить его странности разными предположеніями (стр. 180, 60; ср. еще 39 — 40). Подобнымъ образомъ, есть промахи и при выборѣ пособій. Доказывая существованіе солянаго промысла на берегахъ Бѣлаго моря, въ областяхъ Двинской, Новоторжской, въ Старой Русѣ, авторъ (стр. 163) ссылается на трудъ г. Аристова «Промышленность древней Руси, стр. 70—71. Но ссылка сдѣлана безъ должной критики. Въ трудѣ г. Аристова въ качествѣ свидѣтельства о томъ, что въ городѣ Старой Русѣ солевареніе существовало уже въ періодъ до XV вѣка, приводятся два факта; но страннымъ образомъ въ одномъ изъ нихъ, хотя и говорится о солевареніи, но о Русѣ нѣтъ никакого помину, а въ другомъ рѣчь идетъ, правда, о Русѣ, но за то напрасно было-бы искать въ немъ указаній на солевареніе [1].

Менѣе счастливъ авторъ, когда, не удовлетворяясь существующими толкованіями, онъ принужденъ прокладывать собственные новые пути. Удачныя соображенія, показывающія присутствіе въ немъ способности къ основательному изслѣдованію, несомнѣнно есть. Въ доказательство можно сослаться на объясненіе имъ словъ trogenissen, troynissen, doynissen и scewenissen, въ которыхъ авторъ совершенно справедливо видитъ нѣмецкую передачу русскихъ словъ тройничи, двойничи и сшитые или по нашему сшиванцы. Рецензенту такое значеніе разсматриваемыхъ словъ было извѣстно довольно давно; но въ печати оно заявлено впервые не-

[1]) Факты эти слѣдующіе. П. С. Р. Л., IV., 192, 1364 г.: «на Рухѣ (рѣкѣ въ Псковской области) поставиша двѣ варницы соль варити, и не бысть и поверогоша». Тамъ же, III, 102, 1403 г.: «поставиша купцы Новгородскіе, прасолы (торговцы соленымъ мясомъ, рыбой и т. п.), въ Русѣ церковь камену».

сомнѣнно г. Бережковымъ. Жаль только, что авторъ ограничился однимъ филологическимъ толкованіемъ этихъ словъ и не постарался раскрыть ихъ матеріальный смыслъ, предоставивъ это дѣло людямъ, близко знакомымъ съ промысломъ скорнячества, да и вообще не приложилъ достаточнаго рвенія къ разъясненію поддѣлки въ мѣховой торговлѣ (см. 172—173). Но повторяемъ: не смотря на присутствіе въ авторѣ способности къ основательнымъ догадкамъ, значительная доля собственныхъ его соображеній не можетъ быть названа особенно счастливою. Въ доказательство приведемъ нѣсколько примѣровъ, разсмотримъ именно сообщенія автора на счетъ сухопутныхъ торговыхъ дорогъ, положенія иноземныхъ торговыхъ дворовъ въ Великомъ Новгородѣ, договора Новгорода съ Нѣмцами 1270 года и роли Новгородскаго заморскаго купечества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы подкрѣпить свои критическія соображенія положительными результатами, представимъ и свои посильныя рѣшенія этихъ вопросовъ. Вопросъ о сухопутныхъ (горныхъ) торговыхъ дорогахъ Новгорода съ Нѣмцами возбужденъ однимъ мѣстомъ грамоты великаго князя Андрея Александровича отъ 1301 года, въ которомъ сказано: «дахомъ имъ (Нѣмцамъ) три пути горніи по своей волости, а четвертый въ рѣчкахъ». Касаясь этого предмета, г. Аристовъ, въ трудѣ своемъ «Промышленность древней Руси», стр. 201, высказалъ предположеніе, что изъ упоминаемыхъ въ грамотѣ 1301 года трехъ горныхъ путей, два шли отъ Ревеля и Дерпта, а третій изъ Риги и Ревеля черезъ Псковъ. Но г. Бережковъ на этотъ разъ усомнился въ справедливости догадки г. Аристова, не безъ основанія разсуждая, что, по указанію послѣдняго, большая часть путей лежала въ Лифляндіи, а между тѣмъ въ Новгородской грамотѣ говорится о путяхъ, сполна находящихся въ Новгородской волости. Но собственная попытка г. Бережкова отыскать эти пути въ предѣлахъ Новгородской области также не можетъ быть причислена къ особенно удачнымъ. «Съ полной вѣроятностью можно полагать, говоритъ г. Бережковъ, что одинъ путь шелъ отъ Нарвы, а другой отъ Пскова; труднѣе сказать, какой былъ третій путь: не шелъ-ли онъ къ Новому торгу» (стр. 156). Нѣтъ никакого сомнѣнія, предположеніе г. Бережкова гораздо раціональнѣе предположенія г. Аристова; но и его отнюдь нельзя считать удовлетворительнымъ. Съ одной стороны, оно въ самомъ себѣ не довольно послѣдовательно; для двухъ путей оно указываетъ на исходные пункты, а для третьяго напротивъ — на конечный; съ другой-же—не даетъ никакого понятія о дѣйстви-

тельномъ направленіи разсматриваемыхъ путей. Такимъ образомъ, и г. Бережковъ оставляетъ вопросъ о сухопутныхъ торговыхъ дорогахъ совершенно открытымъ.

Главная причина неудачи обоихъ изслѣдователей въ разсматриваемомъ вопросѣ заключается въ томъ, что они занимались предположеніями тамъ, гдѣ имѣются всѣ данныя для фактическаго изслѣдованія. Если-бы вмѣсто предположеній, они предпочли обратиться къ помощи источниковъ, то результаты ихъ изслѣдованія были-бы гораздо плодотворнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, сличеніе извѣстій историческихъ памятниковъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, какіе пути разумѣлись въ Великомъ Новгородѣ подъ названіемъ горныхъ. Если въ 1411 (?) году Новгородцы утѣшали нѣмецкихъ купцовъ во временной потерѣ права ѣздить съ товарами черезъ Псковъ тѣмъ, что у нихъ и безъ того довольно дорогъ къ Великому Новгороду, что они могутъ свободно ѣздить туда и обратно и Невой, и чрезъ Вотскую землю (Ватландъ) и по Лугѣ (Lu), то понятно, что три горные пути, которые предоставлены были Нѣмцамъ въ началѣ XIV вѣка, были Вотскій, Лужскій и Псковской [1]. Другія извѣстія, въ изобиліи встрѣчающіяся въ русскихъ и нѣмецкихъ памятникахъ, какъ разрѣшаютъ окончательно еще оставляемыя первымъ недоразумѣнія, такъ и даютъ точныя указанія на исходные пункты путей и даже на самое ихъ направленіе. Первый путь, Вотскій, имѣлъ исходнымъ пунктомъ Ревель и тянулся чрезъ Вотскую землю; точнѣйшее направленіе его неизвѣстно; но извѣстно, что это былъ путь по преимуществу горный и что движеніе по нему совершалось зимой, на саняхъ, особенно когда предстояла надобность перевозить громоздкіе товары. [2]) Что же касается до втораго, Лужскаго, пути, то съ перваго взгляда могло бы казаться, что, по видимому, онъ опредѣленъ нами безъ достаточнаго основанія, единственно въ силу простаго

---

[1]) Bunge, U.—B., IV, 796, 1411 г. (?): «Vordan so geven se (Новгородцы) uns (нѣмецкому двору) to kennende, dat de Dudesche kopman hadde doch wege genoch, to varende aff und to: in erste den weg to der Nu to, und vord den dor Waetlande, und den dorden wech dor de Lu, und dat duchte en nutte wesen, dat de Dudesche kopman der wege brukede bet ter tid, dat se eens wurden mit den Plescowern».

[2]) Bunge, U.—B., IV, 341, конца XIV в.: «und se (Русскіе) hadden dat solt wol half gekoft, dat hir (въ Ревелѣ) was, eer ik her quam, und nu hevetet hir also sere gedoiiet, dat se der sware last nicht van hir en bringen konen, wente dar en is gen snee in Watlande».

созвучія рѣки Lu съ Лугой; однако въ вѣрности этой догадки не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ рѣка Lu въ другихъ актахъ называется Luw, Lauke, Louke, откуда тождество ея съ Лугой совершенно ясно. Исходнымъ пунктомъ этого пути служилъ городъ Нарва,' направленіе же его сообразовалось сначала съ рѣкою Лугой, а затѣмъ, по всей вѣроятности, съ Мшагой, Шелонью и Ильменемъ. Вслѣдствіе принадлежности Эстляндіи Даніи, Лужскій путь до половины XIV столѣтія находился подъ вліяніемъ Датчанъ. [1]) Самое важное мѣсто однако изъ всѣхъ этихъ путей, занималъ Псковской, да и извѣстенъ онъ во всей его подробности. Въ движеніи къ Великому Новгороду купцы слѣдовали первоначально Великой рѣкой, затѣмъ переходили въ Череху; далѣе переволакивались черезъ волокъ, отдѣляющій систему водъ Пейпуса отъ притоковъ Ильменя, входили въ рѣку Узу и слѣдовали ею до мѣста сліянія ея, немного ниже Порхова, съ рѣкою Шелонью, а оттуда уже можно было безпрепятственно добраться до Великаго Новгорода, путь былъ открытый по Шелони и Ильменю. Въ доказательство же того, что таковъ именно былъ псково-новгородскій торговый путь, могутъ быть приведены два обстоятельства. Во 1-хъ, этимъ, и не какимъ либо другимъ путемъ производились и обыкновенныя сношенія Новгорода съ его младшимъ братомъ. Владыка Василій, возвращавшійся въ 1352 году изъ Пскова со своего владычняго подъѣзда въ Новгородъ, ѣхалъ, какъ извѣстно, по Великой и Черехѣ и скончался на рѣкѣ Узѣ при сліяніи ея съ Шелонью. Во 2-хъ, и нѣмецкія извѣстія показываютъ, что иноземные торговцы подвергались со стороны Русскихъ насиліямъ и грабежамъ именно въ мѣстностяхъ, лежавшихъ по этому пути, между прочимъ и на рѣкѣ Узѣ, «in aquis, quae Use vocantur» [2]).

Тоже стремленіе замѣнять фактическое историческое изслѣдо-

---

[1]) Bunge, U.—B., V, 53, 1415 г.: «des bidde wi ju (нѣмецкая контора — ревельскій совѣтъ) to wetende, dat wi senden dor de Luv in ener tunnen werkes, Gotschalk Woethow to behorende, I sak»... Тамъ же, II 383 1345.: «Volumus (Вильдемаръ III) etiam, quad nullus mercator super aquam, quae Lauke (op dem watere, dat Louke het) dicitur, mercimonia debent aliqualiter exercere, nisi in favore castri et oppidi nostri saepedicti (Нарвы) fuerit permansurus».

[2]) П. С. Р. Л., III, 58, 1352 г.: «и благослови дѣти своихъ всихъ Псковицъ, поѣха изъ города, доѣха до Прощеника... на рѣцѣ на Чересѣ сташа, и разболѣся ту; привезоша его въ монастырь къ св. Михаилу, усть Узы рѣки, на Шелонѣ»... Bunge, U.—B., VI, 61, 1288—1311 г.: «haec facta sunt in aquis, quae Use vocantur».

ваніе вѣроятными коньектурами замѣчается у г. Бережкова и при рѣшеніи другаго вопроса, а именно вопроса о мѣстоположеніи заморскихъ торговыхъ дворовъ въ Великомъ Новгородѣ. Начальными попытками дать рѣшеніе этого вопроса мы обязаны митр. Евгенію и г. Красову. Оба изслѣдователя не безъ основанія искали мѣста Нѣмецкаго двора на нынѣшней Большой Михайловской улицѣ, но указывали его, однако, не тамъ, гдѣ оно лежало въ дѣйствительности. Въ частности г. Красову найти истинное мѣсто Нѣмецкаго двора въ Новгородѣ помѣшали два обстоятельства, а именно: отсутствіе значительнаго запаса нѣмецкихъ данныхъ и неосновательное смѣшеніе Готскаго двора съ Нѣмецкимъ и возникавшее отсюда стремленіе согласить разнорѣчивыя свидѣтельства памятниковъ о положеніи Готскаго и Нѣмецкаго дворовъ на какомъ либо среднемъ терминѣ [1]). Въ сравненіи съ г. Красовымъ, разсматриваемый нами авторъ находился въ безконечно лучшемъ положеніи: нѣмецкія извѣстія у него были въ изобиліи, да и смѣшеніе Готскаго двора съ Нѣмецкимъ ему совершенно чуждо. Тѣмъ не менѣе и г. Бережкову не удалось подвинуть дѣла ни на шагъ впередъ. По словамъ г. Бережкова, «на Торговой сторонѣ, въ Словянскомъ концѣ, на Варяжской улицѣ стоялъ древній Варяжскій или Готскій дворъ. Упомянутая улица, по изысканіямъ нашихъ ученыхъ совпадающая съ нынѣшнею Нутною улицей, по всей вѣроятности получила свое названіе отъ варяжской купеческой колоніи, изстари устроившейся въ Новгородѣ. Не подалеку отъ Готскаго двора, на нынѣшней Большой Михайловской улицѣ стоялъ Нѣмецкій дворъ св. Петра; ближайшими сосѣдями того и другаго были Михайловскіе уличане (стр. 133 — 134). Мы склонны, однако, думать, что основанія, которыми подкрѣпляетъ авторъ свои предположенія, не довольно убѣдительны. Нѣтъ сомнѣнія, что Варяжская улица могла получить свое названіе отъ Варяжской (готской) купеческой колоніи; но несомнѣнно также, что она могла получить его и отъ тѣхъ Варяговъ, которые бывали раньше въ Новгородѣ независимо отъ всякихъ торговыхъ цѣлей [2]). Послѣднее даже гораздо вѣроятнѣе, если только принять во вниманіе приводимый самимъ же авторомъ фактъ, свидѣтельствующій, что ближайшими сосѣдями Готскаго

---

[1]) Красовъ, о мѣстѣ положенія древняго Новгорода, стр. 98—99.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 1737, 115 г.: «Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женомъ ихъ. Вставше Новгородци, избиша Варягы во дворѣ Парамони». Ср. тамъ же стр 74, 980 г.

двора были не Варяжскіе, а Михайловскіе уличане. А съ признаніемъ такого происхожденія названія Варяжской улицы, мы теряемъ уже всякое право утверждать, что Готскій дворъ находился на Варяжской улицѣ. Подобнымъ образомъ и положеніе Нѣмецкаго двора опредѣляется г. Бережковымъ невѣрно. Въ этомъ случаѣ авторъ безусловно слѣдуетъ за г. Красовымъ, хотя въ тоже время самъ замѣчаетъ, что г. Красовъ смѣшиваетъ оба двора и вообще въ изысканіи обнаруживаетъ большое колебаніе. Отъ себя же прибавляетъ только, что ближайшими сосѣдями Нѣмецкаго двора были Михайловскіе уличане. Послѣднее, однако, мало вѣроятно. Если Нѣмецкій дворъ, какъ говоритъ авторъ, находился на нынѣшней Большой Михайловской улицѣ, то ближайшими сосѣдями его жители древней Михайловки могли быть только въ томъ случаѣ, если бы онъ лежалъ на мѣстѣ пересѣченія нынѣшнею Большою Михайловскою улицею древней Михайловки, т. е. у церкви св. Михаила. Источники, однако, указываютъ намъ у Нѣмецкаго двора не церковь св. Михаила, а храмъ Іоанна Крестителя [1]).

Мириться съ такимъ печальнымъ результатомъ мы имѣемъ тѣмъ менѣе основаній, что настоящее богатство матеріаловъ даетъ возможность опредѣлить истинное положеніе гостинныхъ дворовъ въ Великомъ Новгородѣ, какъ иноземныхъ, Готскаго и Нѣмецкаго, такъ и Псковскаго, не только съ нѣкоторою вѣроятностью, но и съ достаточною основательностью, чтобы не сказать съ математическою точностью. Прежде всего представимъ нѣкоторыя топографическія данныя изъ мѣстоположенія древняго Новгорода, знакомство съ которыми будетъ необходимо для полнаго уразумѣнія дѣла. Изъ этихъ данныхъ важны свѣдѣнія о положеніи въ Новгородѣ Княжаго двора и улицъ Ильиной и Большой Михайловки, равно какъ и Виткова переулка. Опредѣлить положеніе Ярославова дворища не трудно. Такъ какъ по лѣтописи на Ярославовѣ дворѣ находились существующія и понынѣ церкви св. Николая, Женъ Мироносицъ и св. Прокопія, то ясно, что Княжь дворъ занималъ мѣсто между нынѣшней Большой Михайловской улицей и Волховомъ, причемъ границу его съ сѣверной стороны образовала церковь св. Пятницы. Точно также не трудно опредѣлить и положеніе торга. Какъ это видно изъ положенія церквей, помѣщаемыхъ лѣтописью въ торгу, а именно св. Пятницы, Успенія Богородицы, св.

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 86, 1359 г.: «постави Лазута св. Іоаннъ, церковь камену, у нѣметцкого двора».

Георгія, онъ лежалъ тотчасъ за Княжескимъ дворомъ по направленію къ сѣверу [1]) Сѣверную границу его составляла, кажется, улица Лубяница. Нѣсколько труднѣе указать направленіе искомыхъ улицъ Изслѣдователи обыкновенно полагаютъ, что Ильина улица тянулась по мѣсту нынѣшней Знаменской; но это, кажется, вѣрно только въ самомъ общемъ смыслѣ. Такъ какъ по лѣтописи церковь Успенія Богородицы находилась въ концѣ Ильиной улицы, то ясно, что послѣдняя не вполнѣ сообразовалась съ направленіемъ нынѣшней Знаменской, а нѣсколько отступала къ югу и приходила къ торгу нѣсколько ближе по отношенію къ Княжескому двору [2]). Она имѣла продолженіе и черезъ торгъ по направленію къ Большому Волховскому мосту, которымъ обыкновенно производилось сношеніе между обѣими сторонами города; но это продолженіе Ильиною улицей не называлось. Такъ было на сѣверной сторонѣ. Что же касается южной, то тамъ паралельно съ Ильиной улицей шла Большая Михайловская, или Михайловка, получившая свое названіе отъ церкви св. Михаила, мимо которой она, по всей вѣроятности, проходила. Но такъ какъ съ другой стороны извѣстно, что храмъ св. Михаила помѣщается лѣтописью одинаково и на Витковѣ переулкѣ, то необходимо предположить, что послѣдній перерѣзывалъ Большую Михайловку у указанной церкви, т. е. тянулся въ направленіи отъ Ильиной улицы къ Михайловкѣ и, быть можетъ, занималъ мѣсто нынѣшней Большой Михайловской улицы [3]).

Принявъ во вниманіе эти топографическія данныя, мы не затруднимся уже ни мало въ опредѣленіи положенія всѣхъ иноземныхъ дворовъ въ Великомъ Новгородѣ. Опираясь на тотъ фактъ, что у Готскаго двора происходили постоянныя недоразумѣнія съ населеніемъ Михайловской улицы, мы имѣемъ полное право искать его мѣстоположенія въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ послѣднею [4]. Даже болѣе. Источники представляютъ несомнѣнныя указанія, что Готскій дворъ находился на древней Михайловкѣ и что

---

[1]) Красовъ, О мѣстоположеніи древняго Новгорода, 87 и 90.

[2]) П. С. Р. Л., IV, 91 — 92, 1385 г.: «а у Успенья св. Богородицы, конецъ Ильинѣ улицѣ, внутри церкви велми много погорѣло у купцевъ въ коробьяхъ всякого товара»...

[3]) П. С. Р. Л., III, 241, 1454 г.: «Поставиша церковь каменну изнова св. арх. Михаила на Михаиловѣ улицы, на Витковѣ переулкѣ».

[4]) Bunge, U. — B., III, 271, 1372 г.: «und welk uugemak gescheen is i[n] Goten hove, dat hebbe wi geendiget mit unsen nabure van sante Michels s[...] vruntscop».

ворота его выходили именно на эту улицу. Когда именно прикащикъ Готскаго двора сталъ въ 1439 году поправлять ограду и при этомъ позволилъ себѣ подвинуть косяки воротъ на полфута впередъ, то тотчасъ же передъ дворомъ явились старосты Михайловской улицы, окруженные толпою народа, и стали требовать выдачи виновника, который такъ дерзко позволилъ себѣ захватить принадлежащую имъ землю: обстоятельство, показывающее ясно, что дѣло происходило именно на Михайловской улицѣ [1]). А такъ какъ изъ другихъ памятниковъ извѣстно, что одинъ изъ иноземныхъ дворовъ назывался рѣчнымъ и что это названіе всего скорѣе должно быть отнесено къ Готскому двору, плата за провозъ въ который товаровъ съ рѣки Волкова опредѣляется нѣсколько меньше платы за таковой же провозъ товаровъ въ собственно Нѣмецкій дворъ, называемый иногда горнымъ, то очевидно, Готскій дворъ лежалъ въ той части Михайловской улицы, которая была ближе къ рѣкѣ. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Готскій дворъ находился въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Княжескимъ дворомъ, примыкалъ къ послѣднему именно съ его южной стороны. Отсюда становится совершенно понятнымъ и требованіе заморскихъ купцевъ, чтобы дорога отъ Готскаго двора черезъ Княжескій дворъ къ торгу не была застроиваема никакими зданіями: торгъ, какъ уже раньше указано, лежалъ къ сѣверу отъ Княжескаго двора и потому прямое сообщеніе Готскаго двора съ торгомъ возможно было единственно черезъ Княжескій дворъ [2]) Но если несомнѣнно, что Готскій дворъ находился на древней Михаиловкѣ, то споры Нѣмецкаго двора съ населеніемъ Ильиной улицы показываютъ не менѣе убѣдительно, что послѣдній лежалъ на Ильинѣ улицѣ или по крайней мѣрѣ въ непосредственномъ съ нею сосѣдствѣ, а потому можетъ быть помѣщаемъ и на нынѣшней Большой Михаиловской улицѣ, но только не иначе, какъ въ пунктѣ пересѣченія ея съ Ильиною или нынѣшней Знаменской [3]). Такимъ образомъ и Нѣмецкій

---

[1]) Baltische Monatschrift, XX, 119, 1439 г.

[2]) Bunge, U. — B., I, 527—528, 1269 г.: «via a cruia Gotensium trans curiam regis usque ad forum libera erit et aedificũs inocupata, libertate, quam rex edidit Constantinus».

[3]) Bunge, U.—B., V, 179, 1416 г.: «so hebbe ik es begunt to plankende, men de ute der Ylien hulitzen de doet dar wedderstal ane». Дальше замѣчается, что и Готскій дворъ встрѣчаетъ тоже затрудненіе; ясно слѣд., что здѣсь говорится о дворѣ Нѣмецкомъ.

дворъ занималъ положеніе прямо противъ Княжескаго двора, только съ другой, восточной стороны. Этимъ положеніемъ Нѣмецкаго двора объясняются два обстоятельства, а именно то, что путь изъ готскаго двора въ Нѣмецкій шелъ несомнѣнно чрезъ Княжій дворъ, а во 2-хъ, быть можетъ, и требованіе Нѣмцевъ, чтобы пространство между храмомъ св. Николая и иноземнымъ дворомъ не было вплоть до улицы застраиваемо никакими зданіями. Сколько намъ кажется, пространство это было необходимо для иноземцевъ, какъ открытая дорога отъ одного двора къ другому. По всей вѣроятности, у церкви св. Николая оно примыкало къ тому пути, который велъ изъ Готскаго двора къ торгу [1]). Менѣе точны данныя, которыя уясняютъ намъ положеніе Псковскаго двора; но и здѣсь совокупность фактовъ при внимательномъ изученіи даетъ весьма опредѣленные результаты. По несомнѣнному позднѣйшему извѣстію, Псковской дворъ находился на берегу рѣки Волхова и имѣлъ на послѣднемъ свою пристань, въ сосѣдствѣ съ пристанями улицъ Иванской и Ильиной [2]). А если принять во вниманіе, что въ одномъ случаѣ лѣтопись опредѣляетъ распространеніе пожара по Княжему двору выраженіемъ «отъ Гочкого двора до Плесковского двора», то необходимо допустить, что Псковской дворъ непосредственно слѣдовалъ за Княжимъ дворомъ съ его сѣверной стороны, или иначе лежалъ на продолженіи Ильиной улицы въ направленіи къ Волховховскому мосту [3]). Для нагляднаго представленія, позволяемъ себѣ отмѣтить всѣ эти достигнутые нами результаты на планѣ, который, не претендуя на безусловную точность въ частностяхъ, въ цѣломъ однако можетъ считаться довольно вѣрнымъ отраженіемъ настоящаго положенія дѣлъ.

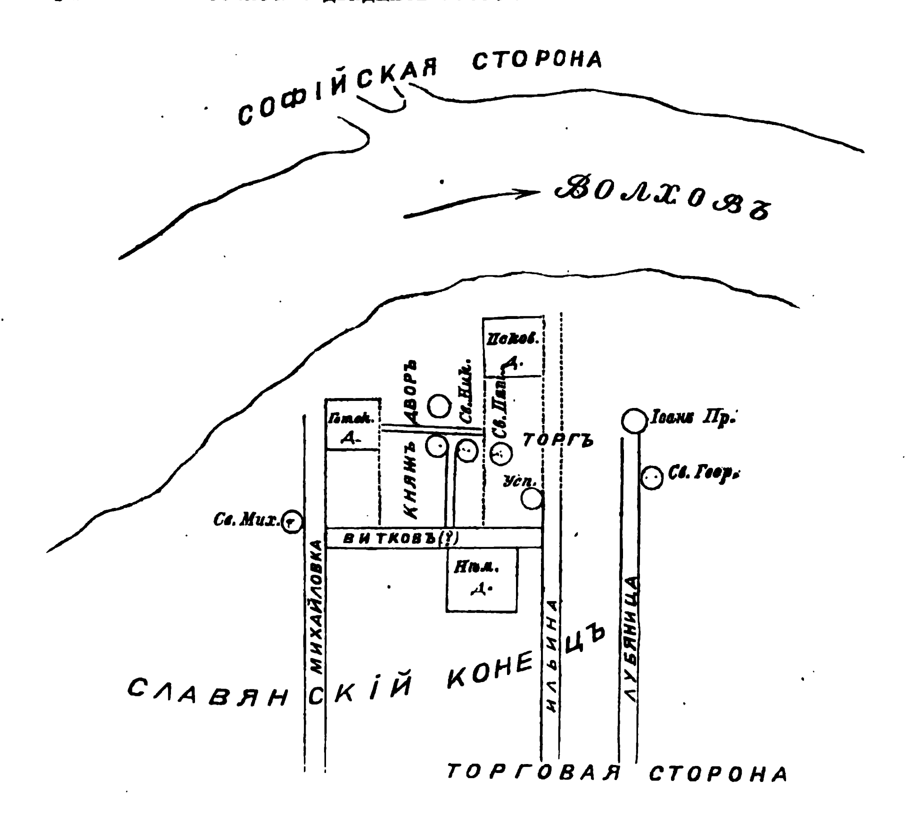
---

[1]) Рус. Лив. Акты, 60, 1331 г.: «Jt scach eynes avendes, dat de dudeschen uter Goten hove scolden ere knapen brenghen in sunte petershof. do se wedei quemen uppe des konighes hof tuschen de holtenen kerken und de grydnissen»... Bunge, U.—B , I, 523—4; «Jtem ab ecelseia S. Nochalai usque ad curiam hospitum curcia non debet occupari aedificiis usqüe ad plateam».

[2]) А. А. Э., I, 401, 1586 г.: «А съ судовые пристани на посадѣ, по обѣ стороны рѣки Волхова, сбирати съ пристани у Ильины улицы, а у Иваньскіе улицы, подъ рыбнымъ рядомъ, и подъ Псковскимъ дворомъ, и подъ иными улицами»...

[3]) П. С. Р. Л., III, 103, 1406 г.

Не всегда, г. Бережковъ понуждался къ выставленію новыхъ соображеній неудовлетворительностью старыхъ. Есть случаи, когда онъ, побуждаемый стремленіемъ къ новизнѣ, принимаетъ на себя трудъ давать новые отвѣты на вопросы, которые достаточно разъяснены уже предшествующею критикою. Къ числу такихъ вопросовъ относится, напр., вопросъ о времени заключенія и содержанія договора 1269—70 года. Въ опредѣленіи внутреннихъ отношеній ганзейскаго купечества на Руси упомянутый договоръ такъ важенъ, что то или другое отношеніе къ нему далеко не безразлично. Прежде всего важно знать точно обстоятельства, при которыхъ заключенъ былъ этотъ договоръ Новгорода съ Нѣмцами. Почтенный изслѣдователь торговли Руси съ Ганзою ищетъ причинъ замедленія договора 1260 — 70 года, частію въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ Новгорода къ Лифляндіи и Эстляндіи, частію же въ его домашней неурядицѣ, въ раздорахъ съ великимъ княземъ Ярославомъ (стр. 184). Послѣднее однако совершенно невѣрно. Договоръ съ ганзейскими городами заключенъ несомнѣнно до

послѣдней ссоры Новгорода съ Ярославомъ, быть можетъ одновременно или непосредственно послѣ примиренія его съ Остзейскимъ краемъ. Въ этомъ всего лучше убѣждаетъ слѣдующее обстоятельство. Какъ извѣстно, договоръ 1269 — 70 года съ Новгородской стороны заключенъ, между прочимъ, отъ имени тысяцкого Ратибора [1]). Ратиборъ былъ дѣйствительно тысяцкимъ, но только до ссоры Ярослава съ Новгородцами. Коль скоро же открылись недоразумѣнія, то народная ненависть прежде всего обратилась на Ратибора, получившаго свое званіе по настоянію князя и дѣйствовавшаго вѣроятно въ духѣ послѣдняго, и онъ долженъ былъ бѣжать сначала къ князю на Городище, а затѣмъ, по изгнаніи Ярослава, и совсѣмъ вонъ изъ Новгорода [2]). По возвращеніи же великаго князя въ Новгородъ на всей волѣ Новгородской, Ратиборъ, очевидно, уже не могъ стать вновь тысяцкимъ, какъ лицо, завѣдомо преданное интересамъ Ярослава. И дѣйствительно, въ мирной грамотѣ между Ярославомъ и Новгородомъ 1270 года имени тысяцкаго совсѣмъ не встрѣчается [3]). Въ связи съ неправильнымъ взглядомъ на время заключенія договора 1269—70 года стоитъ у г. Бережкова и не менѣе неправильное объясненіе причинъ послѣдней вражды Ярослава съ Новгородомъ. Въ лѣтописи, въ числѣ упрековъ Ярославу со стороны Новгородцевъ, встрѣчается слѣдующій: «чему выводишь отъ насъ иноземцы, которыи у насъ живутъ?» Слѣдуя за г. Костомаровымъ, авторъ полагаетъ, что подъ иноземцами тутъ никакъ нельзя разумѣть членовъ нѣмецкой конторы (стр. 185). Ганзейскіе купцы обыкновенно не назывались такимъ именемъ, да притомъ Ярославъ и не могъ выводить ихъ, такъ какъ Ганзейцы уже два года не посѣщали Новгорода и далеко не по винѣ только Ярослава, а по случаю войны Лифляндіи съ Новгородомъ и Псковомъ, и по настоянію ордена прекратить торговлю съ Русскими. А если такъ, то ничего не остается, какъ признать, что иноземцы, въ выводѣ которыхъ Новгородцы упрекали великаго

---

[1]) Bunge, U. — B., I, 518, 1269 г.: «Jc coning Jeretslawe, coning Jeretslawen sone, hebbe geprovet mit dem borchgreven Paucen, mit dem hertogen, heren Ratibore»...

[2]) П. С. Р. Л., III, 61, 1270 г.: «начаша изогнити князя Ярослава изъ города... а заутра побѣгоша къ князю на Городище тысячьскый Ратиборъ, Гаврило Кыяниновъ и иніи пріятели его, и взяша домы ихъ на разграбленіе»...

[3]) С. Г. Г. и Д., I, 3, 1270 г.: «Благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника Павше, и отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ, и отъ всего Новагорода, къ господину князю Ярославу».

князя, были не болѣе не менѣе какъ служилые и промышленные люди, которые прибывали въ Новгородъ изъ западной Европы и потеря которыхъ ему не могла не быть прискорбною по разнымъ обстоятельствамъ (стр. 186). Такимъ образомъ г. Бережковъ ищетъ причинъ раздора Новгорода съ своимъ княземъ въ такой области, которая не стоитъ ни въ какомъ соотношеніи съ торговлей, да и вообще врядъ-ли имѣетъ какое-либо серіозное значеніе. А между тѣмъ несомнѣнно извѣстно, что причины вражды Ярослава съ Новгородомъ лежали отчасти именно въ торговой сферѣ. Всего лучше это видно изъ того обстоятельства, что во взаимный ихъ мирный договоръ отъ 1270 года внесено условіе, ставящее, между прочимъ, князю въ обязанность не затворять Нѣмецкаго двора и не приставлять къ нему приставовъ [1]). Сопоставляя это ограниченіе съ тѣмъ упрекомъ, который Новгородцы дѣлали князю по лѣтописи, мы не можемъ не признать, что въ сущности оба они имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ. Въ переводѣ же лѣтописный языкъ «затворять дворъ» значитъ именно «выводить иноземца» изъ Новгорода, такъ какъ съ закрытіемъ двора необходимо долженъ былъ слѣдовать отъѣздъ заморскихъ гостей на родину. Не трудно догадаться, кáкія обстоятельства вызвали со стороны Ярослава такой образъ дѣйствія. Обстоятельства эти заключались не въ чемъ иномъ, какъ именно въ договорѣ Великаго Новгорода съ Нѣмцами, крайне неблагопріятномъ для великокняжеской власти. Договоръ 1269—70 года отнималъ именно у князя право суда въ дѣлахъ между Новгородцами и Нѣмцами [2]). Не будучи въ силахъ на практикѣ примириться съ этимъ ограниченіемъ, Ярославъ вѣроятно сталъ выказывать свое неудовольствіе какими-либо затрудненіями для иноземной торговли, грозившими удалить Нѣмцевъ изъ Новгорода, и тѣмъ возбудилъ противъ себя уже извѣстное намъ нареканіе.

Что же касается до самаго содержанія договора Новгорода съ Нѣмцами отъ 1269 — 70 года, то, какъ извѣстно, у насъ имѣются двѣ редакціи его, латинская и нѣмецкая. Въ отношеніи ихъ, предшествующая критика если и не безъ исключеній, то довольно со-

---

[1]) С. Г. Г. и Д., I, 4, 1270 г : «А въ Немецьскомъ дворѣ тобѣ торговати нашею вротиею, а двора ти не затворяти, а приставовъ ти не приставливати».

[2]) Bunge, U. — B., I, 522, 1269 г.: «Schut en twist tuschen den dudeschen un den Nogarderen, de twist sal endegen up sente Johannes hove vor deme borchgreven, deme hertogen unde vor den copluden».

гласно утверждала, что латинскій изводъ грамоты есть не что иное, какъ простой проектъ договора 1269 — 70 года, а что настоящій текстъ его представляетъ редакція нѣмецкая. Въ свое оправданіе критика этого направленія приводила между прочимъ то обстоятельство, что въ латинскомъ изводѣ грамоты стоитъ слово postulant, указывающее на то, что грамота заключаетъ въ себѣ не болѣе, какъ только желанія, а не дѣйствительныя мирныя условія, а также и то, что въ латинской редакціи нѣмцамъ предоставляются нѣкоторыя права, несообразныя съ господствовавшими въ Новгородѣ обычаями. Грамота именно налагаетъ за незначительныя кражи наказаніе розгами и клейменіе, а за крупныя—даже смертную казнь. Но, вѣроятно-ли, возражалъ уже Карамзинъ, чтобы за воровство маловажное клеймили, а за важнѣйшее казнили смертью въ землѣ, гдѣ самый убійца откупался серебромъ? Но г. Бережковъ не соглашается признать латинскій изводъ простымъ проектомъ; ему хотѣлось-бы вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть въ немъ и подробную редакцію договора 1269—70 года, краткій изводъ котораго мы имѣемъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ (стр. 189). Однако соображенія, которыми авторъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе, не довольно убѣдительны. Прежде всего, намъ кажутся недостаточными тѣ возраженія, кото. рыми онъ пытается ослабить силу замѣчаній предшествующей критики. Въ опроверженіе Карамзина, напр., г. Бережковъ приводитъ то соображеніе, что латинская редакція отнюдь не устраняетъ откупа совсѣмъ, что напротивъ отъ наказанія за кражу въ полгривны серебра можно было, по этому изводу, откупиться платой въ десять гривенъ серебра (стр. 190). Но это замѣчаніе, не отстраняя вполнѣ возраженія Карамзина, только прибавляетъ новую странность: выходитъ, что за маловажную кражу преступникъ долженъ былъ подвергаться или сѣченію розгами и клейму, или же той же самой пени, которая по прежнимъ договорамъ платилась въ случаѣ убійства. Еще менѣе мы можемъ признать состоятельною попытку г- Бережкова выставить латинскую редакцію въ свѣтѣ, выгодномъ для Новгородцевъ. Выгодныя стороны, которыя онъ старается отыскать въ латинской редакціи въ противуположность несомнѣннымъ преимуществамъ нѣмецкой, оказываются при ближайшемъ разсмотрѣніи весьма проблематическими. Въ латинскомъ изводѣ, указываетъ намъ г. Бережковъ, мы читаемъ, что если бы гость, прибывшій въ Новгородъ изъ верхнихъ частей области, пожелалъ отправиться въ Готландію, то онъ долженъ былъ давать церкви св. Пятницы гривну серебра; въ нѣмецкомъ же изводѣ мы не встрѣ

чаемъ, напротивъ, никакого намека на подобный взносъ, столь выгодный для Новгородцевъ (стр. 197). Совершенно вѣрно; но только не изъ чего не видно, чтобы подачка, которую предлагали нѣмцы, могла достойно возмѣстить тѣ потери, которыя могли понести Новгородцы отъ удовлетворенія ихъ желанію. Но объ этомъ еще рѣчь впереди. Подобнымъ образомъ, г. Бережковъ находитъ непонятнымъ, почему опущена въ настоящемъ договорѣ (т. е. въ нѣмецкой редакціи) статья, трактующая о размѣрѣ пошлинъ, которыя взимались въ пользу Новгорода въ Гостинномъ полѣ (стр. 197). Статья въ дѣйствительности не пропущена, а только выражена иначе. Въ латинскомъ изводѣ читается, что по прибытіи въ Гостиннопольскую пристань, каждая ладья, нагруженная цѣнными товарами, должна была платить гривну кунъ, ладья, нагруженная громоздкими предметами, хлѣбомъ, мукой и т. п.,—только полгривны, а ладья со съѣстными припасами — ровно ничего. Напротивъ, въ нѣмецкомъ изводѣ говорится только, что пошлина въ Гостинномъ полѣ должна платиться по старинѣ, а такъ какъ мы не знаемъ, въ какомъ dазмѣрѣ пошлина платилась въ старину, то легко можетъ статься, что опредѣленіе нѣмецкаго извода для Новгородцевъ было выгоднѣе [1]).

Въ связи съ неправильнымъ взглядомъ на латинскій изводъ договора 1269 — 70 года стоитъ у г. Бережкова и его недоразумѣніе относительно роли Новгородскаго заморскаго купечества. Фактъ существованія въ Новгородѣ въ древнѣйшее время компаніи купцевъ, производившихъ торговыя поѣздки за море, несомнѣненъ и въ этомъ смыслѣ нельзя не одобрить полемики автора какъ противъ Лерберга, считавшаго эту компанію за нѣмецкую, а построенную ею церковь св. Пятницы за варяжскую, такъ равно и противъ г. Гедеонова, искавшаго въ компаніи общества славянскихъ поморскихъ гостей, принявшихъ въ Новгородѣ православіе (стр. 71—72). Оба эти предположенія такъ явно несостоятельны, что много останавливаться на нихъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Но признавая

---

[1]) Bunge, U. — B., I, 519, 1269 г.: «Cum autem hospites memorati devenerint ad locum, qui dicitur Gestevelt, quaelibet navis honerata bonis theloneabit unam marcam cunen. Navis honerata gravibus, utpote carnibus, farina, siligine vel brasio theloncabit dimidiam marcam cunen; navis vero honerata victualibus ad nichilum obligatur. Thelonearius ibidem scrutabitur bona, pro quibus dandum est theloneum, nec dabitur theloneum, antequam bona in Nogardiam veniant». Тамъ же, I, 520: «Unde swenne de gast upwart comet to Gestevelde, so sal he geven, also he van older tit hevet gegeven, unde nicht mer».

справедливыми критическія замѣчанія г. Бережкова на мнѣнія его предшественниковъ, мы въ то же время не можемъ не замѣтить, что и его собственныя представленія о роли Новгородскихъ заморскихъ купцевъ не совсѣмъ правильны. Все, что можно сказать о Новгородскомъ заморскомъ купечествѣ на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, заключается въ слѣдующемъ. Купечество образовало особенную компанію, но это была только одна изъ многихъ частныхъ артелей, существовавшихъ въ Великомъ Новгородѣ. Она имѣла свою патрональную церковь св. Пятницы; но и это не представляетъ ничего необыкновеннаго, такъ какъ патрональные храмы имѣли, какъ хорошо извѣстно и самому автору, и компанія купцевъ, промышлявшихъ и торговавшихъ въ Югрѣ, и общество Новгородскихъ купцевъ прасоловъ, торговавшихъ съ Торжкомъ [2]). Къ этому можно прибавить, что въ качествѣ богатѣйшихъ купцевъ, члены этой компаніи имѣли всѣ средства вносить вклады, которые требовались въ Новгородѣ для того, чтобы быть причисленнымъ къ разряду «пошлыхъ», т. е. потомственныхъ новгородскихъ купцевъ, и чрезъ это легче другихъ получали доступъ къ вліянію на дѣла Иванскаго торговаго учрежденія. Но г. Бережкова такіе скромные результаты не удовлетворяютъ; ему хотѣлось бы видѣть въ Новгородскомъ заморскомъ купечествѣ явленіе общественной важности, имѣющее стройную организацію, одаренное, пожалуй, особыми привилегіями, соперника или, по крайней мѣрѣ, нѣчто тождественное съ Иванскимъ купечествомъ, представлявшимъ въ Новгородѣ средоточіе всѣхъ торговыхъ порядковъ (стр. 76) [1]). Но на такую роль заморскаго купечества источники не представляютъ никакихъ указаній. Единственное основаніе, которое можно серіозно привести въ пользу общественнаго значенія заморскаго купечества, заключается въ

---

[1]) П. С. Р. Л., III, 12, 1156 г.: «поставиша заморьстіи церковь св. Пятницѣ на търговищи». Тамъ же, III, 30, 1207; 82 — 83, 1345 г. П. С. Р. Л., III, 133, 1365 г.: «Югорци заложиша церковь каменую св. Троицу, на Редятинѣ улицѣ». Ср. тамъ же, IV, 65, 1365 г.

[2]) Стремленіе возвеличить роль заморскаго купечества привело автора къ слѣдующей любопытной ошибкѣ. Встрѣтивши въ лѣтописи извѣстіе, что церковь св. Пятницы была вновь построена частнымъ лицомъ, г. Бережковъ требуетъ, чтобы мы отличали эту церковь отъ церкви заморскаго купечества и такимъ образомъ готовъ признать существованіе въ Новгородѣ на одномъ и томъ же торговищѣ двухъ пятницкихъ церквей (стр. 71, прим. 45). Въ сущности, однако, нѣтъ къ тому никакихъ поводовъ. Извѣстно, что улицкія церкви строились какъ цѣлыми союзами, такъ и отдѣльными христолюбцами изъ среды улицкаго населенія.

сообщеніи латинскаго извода договора 1269—70 года, по которому гость, приходившій въ Новгородъ изъ верхнихъ земель области и желавшій отправиться на Готландъ, обязанъ былъ платить въ церковь св. Пятницы одну гривну серебра, а не больше [1]). Но мы уже говорили, что латинскій изводъ грамоты есть не что иное, какъ проектъ, и что поэтому постановленіямъ его нельзя придавать никакого значенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло попасть въ настоящій договоръ постановленіе, имѣвшее въ виду выгоды не всего Великаго Новгорода, а исключительно только одной частной компаніи, и притомъ такія выгоды, которыя даже въ существѣ своемъ являлись еще весьма проблематическими? Прибавимъ въ заключеніе, что и самое объясненіе мотива, побудившаго нѣмцевъ сдѣлать предложеніе о взносѣ въ пользу Пятницкой церкви извѣстной пошлины, дается г. Бережковымъ совсѣмъ не вѣрно. Авторъ утверждаетъ именно, что «если обратимъ вниманіе на то, что ее платили не всѣ нѣмцы, а только тѣ, которые ѣздили торговать по Новгородской области, то можно полагать, что означенная плата взималась именно за право торговли внѣ Новгорода: ибо, отправляясь торговать внутрь Новгородской области, нѣмецкіе купцы являлись конкурентами домашнему купечеству, а потому если не наравнѣ съ нимъ привлекались къ уплатѣ проѣздныхъ и другихъ пошлинъ, то по крайней мѣрѣ дѣлали небольшой взносъ въ купеческую церковь» (стр. 72). Мы склонны, однако, думать, что дѣло идетъ тутъ совсѣмъ не о купцахъ, торговавшихъ въ Новгородской области, такъ какъ съ одной стороны такіе купцы всѣ непремѣнно должны были желать ѣхать на Готландъ, а въ грамотѣ говорится только: если пожелаютъ; съ другой же, если бы дѣло шло тутъ о торговлѣ нѣмцевъ во внутреннихъ краяхъ Новгородской области, то было-бы непонятно, почему же пошлина предлагалась въ пользу не всего Новгородскаго купечества, которое терпѣло ущербъ отъ подобной льготы, а только одной компаніи, ѣздившей за море? И дѣйствительно, сличеніе латинской редакціи съ нѣмецкой показываетъ ясно, что въ разсматриваемомъ случаѣ разумѣется отнюдь не торговля нѣмцевъ въ Новгородской землѣ, а нѣчто совершенно другое. По договору 1269 — 70 года было постановлено именно, что нѣмецкій гость имѣетъ право на свободное движеніе въ Новгородъ и обрат-

---

[1]) Bunge, U.—B., I, 525, 1269 г.: «Si hospes, veniens de superioribus partibus terrae versus Gotlandiam ire voluerit, dabit ecclesiae sancti Vridach marcam argenti, non plus».

но, но такимъ образомъ, что прибывши Невой, онъ долженъ былъ и возвращаться Невою же, а гость, пріѣхавшій горой, долженъ былъ и обратно ѣхать тѣмъ же путемъ [1]). Постановленіе это очевидно, возникло въ 1269 — 70 году не впервые; нѣтъ сомнѣнія, что оно имѣло силу и прежде. Но должно быть, нѣмцы находили его для себя стѣснительнымъ и въ латинскомъ изводѣ рѣшились предложить даже нѣкоторое вознагражденіе на тотъ случай, если бы Новгородцы позволили гостямъ, прибывавшимъ къ нимъ горой (такъ, очевидно, слѣдуетъ понимать слова: «hospes veniens de superioribus partibus terrae»), ѣхать назадъ не тѣмъ же путемъ, а на Готландъ. Ущербъ, который причинялся этою уступкою Новгородцамъ, падалъ исключительно на заморское купечество, возившее мѣстные товары на Готландъ, а потому со стороны нѣмцевъ было совершенно естественно стараться задобрить именно торговое товарищество св. Пятницы.

Въ дополненіе къ представленной нами характеристикѣ критическихъ пріемовъ г. Бережкова, позволимъ себѣ прибавить нѣкоторые частные случаи неправильнаго толкованія фактовъ, которые легко могли бы быть избѣгнуты, если бы къ дѣлу приложено было болѣе вниманія. Желая показать многолюдство ушкуйническихъ партій, авторъ сообщаетъ: «если положить, что на каждомъ ушкуѣ помѣщалось до 50 человѣкъ, то окажется, что въ походахъ напр. 1366 и 1409 годовъ было до десяти тысячъ участниковъ, что составляетъ населеніе довольно значительнаго русскаго города» (стр. 44). Не станемъ спорить противъ количества насадовъ, приводимаго авторомъ по Никоновской лѣтописи, не всегда согласной съ другими источниками; но не можемъ не замѣтить, что число людей, помѣщавшихся на каждомъ ушкуѣ, опредѣляется г. Бережковымъ довольно произвольно и преувеличенно. Если бы авторъ принялъ во вниманіе, что въ ушкуйническомъ походѣ 1375 года число судовъ было 70, а количество помѣщавшагося въ нихъ народа простиралось только до полуторы тысячи, то онъ имѣлъ бы возможность убѣдиться, что въ Новгородѣ ушкуй вмѣщалъ въ себѣ не болѣе 20 человѣкъ [2]). Въ дѣйствительности, вѣроятно, вмѣсти-

---

[1]) Bunge, U.—B., I, 526, 1269 г.: «So we bi der Nu comet, de sal bi der Nu weder varen, comet he bi lande, bi lande sal he weder comen sunder hindernisse».

[2]) П. С. Р. Л., IV, 41, 1375 г. «въ то время пришедше Новгородцы, Великаго Новагорода ушкуйници, 60 ушькуевъ... Новгородци же видѣвше гражанъ Костромичь много, болѣе 5000, а самыхъ мало съ полторы тысячи»...

мость его была даже нѣсколько меньше. Есть основаніе думать, что насадъ былъ судномъ тождественнымъ или подобнымъ ушкую, а между тѣмъ несомнѣнныя данныя показываютъ, что насадъ вмѣщалъ въ себѣ во Псковѣ не болѣе 12 человѣкъ [1]). Взявъ изъ этихъ двухъ величинъ какую-либо среднюю цифру вмѣщаемости ушкуевъ, напр. 15 человѣкъ, мы вмѣсто 12,500 и 10,000 человѣкъ, получимъ только 3,750 и 3,000, — цифры, конечно, болѣе скромныя, но во всякомъ случаѣ имѣющія для себя несомнѣнныя фактическія основанія. Подобнымъ образомъ, говоря о договорѣ Смоленска съ нѣмцами, заключенномъ въ половинѣ XIII вѣка неизвѣстнымъ Смоленскимъ княземъ, г. Бережковъ сообщаетъ: «двѣ новыя статьи особенно любопытны; по одной князь выговариваетъ себѣ право вѣдать отъѣздъ гостей въ другія земли, какъ это бывало при его отцѣ Мстиславѣ Романовичѣ и братѣ Мстиславѣ: «о немъ (отъѣздѣ) ся прошати, а мнѣ ѥ по думѣ пущати»; это право станетъ понятно притомъ предположеніи, что князь обѣщалъ давать нѣмцамъ проводниковъ на волокъ въ сосѣднія княжества» (стр. 99). Мы склонны думать, однако, что такое предположеніе не объясняетъ ровно ничего. Мы не только ничего не знаемъ объ обѣщаніи князя давать нѣмцамъ проводниковъ въ сосѣднія земли, но и не можемъ понять, какое вліяніе оно могло оказывать на рѣшеніе князя пускать или не пускать нѣмецкихъ гостей въ другія княжества. Да и въ сущности дѣло было совсѣмъ не въ проводникахъ. Договоромъ 1229 года поѣздки нѣмецкихъ купцевъ изъ Смоленска въ другія земли были допущены безусловно [2]). Но должно быть, Смоленскіе князья съ теченіемъ времени замѣтили, что равноправность, которая гарантировалась тѣмъ же договоромъ для русскихъ, не совсѣмъ соблюдалась, что русскіе купцы не только не пользовались правомъ свободнаго проѣзда съ Готскаго берега до Травны, но, можетъ быть, не достигали безпрепятственно даже и самаго Готскаго берега. Вслѣдствіе этого неизвѣстный Смоленскій князь отмѣнилъ безусловное право поѣздокъ нѣмецкихъ купцевъ изъ Смоленска въ другія земли. Пользованіе этимъ правомъ стало зависѣть теперь отъ «думы» или соображенія князя, на сколько сами нѣмцы

---

[1]) П. С. Р. Л. IV, 182, 1265 г.: «въ пяти насадахъ, съ 60-тью мужь Псковичь».

[2]) Рус. Лив. Акты, 432, 1229 г.: «Аще латинскій оусхочетъ ѣхати и—Смольнеска... своймь товаромъ въ йноу сторону, про то его князю не держати, ни иному никому же.Тако Русину ѣхати изъ Гочкого бѣрѣга дъ Травны».

добросовѣстно исполняютъ соотвѣтственныя условія договоровъ въ отношеніи русскихъ. Наконецъ, изслѣдуя расположеніе Нѣмецкаго двора, г. Бережковъ замѣчаетъ, что «послѣ пожара 1299 года, истребившаго Нѣмецкій дворъ, ганзейскій посолъ хлопоталъ въ Новгородѣ объ увеличеніи мѣста подъ новый дворъ: въ то же время онъ просилъ позволенія провести водосточную трубу отъ церкви до берега Волхова; согласились-ли тогда Новгородцы на эти просьбы, неизвѣстно; если и согласились, то по всей вѣроятности за извѣстную плату со стороны нѣмцевъ» (стр. 135). Странное предположеніе: какъ будто Новгородцы не доступны были никакимъ другимъ соображеніямъ кромѣ денежныхъ!

Обращаясь къ третьей и послѣдней сторонѣ, съ которой мы предположили разсмотрѣть трудъ г. Бережкова, къ полнотѣ заключающихся въ немъ данныхъ, мы не можемъ не признать, что въ этомъ отношеніи сочиненіе отличается значительною обстоятельностью. Авторъ успѣлъ собрать въ немъ почтенное количество разнообразныхъ фактическихъ данныхъ и дать имъ общепонятную форму, дѣлающую ихъ доступными и для лицъ, не знакомыхъ близко съ древне-нѣмецкимъ языкомъ, на которомъ писана большая часть источниковъ. Конечно, и здѣсь нерѣдко встрѣчаются пропуски и недомолвки. Въ научныхъ трудахъ весьма важно, чтобы въ каждомъ частномъ случаѣ фактъ установлялся на основаніи данныхъ, представляемыхъ всѣми существующими источниками. Г. Бережковъ дѣйствительно пользуется кромѣ ближайшихъ, такъ сказать, непосредственныхъ своихъ источниковъ, и многими другими, болѣе отдаленными; но здѣсь полнота его, какъ и естественно ожидать, далеко не исчерпывающаго характера. Нѣкоторые источники имъ упущены совершенно или не приняты въ уваженіе въ достаточной мѣрѣ. Такъ напр., касаясь отпуска льна за границу, г. Бережковъ говоритъ, что «на сколько была развита въ ту пору обработка льна на низу, за Волокомъ, въ нынѣшней Вологодской губерніи, собственно въ Новгородской и Псковской землѣ,—по недостатку данныхъ судить трудно; неизвѣстно также' какъ значителенъ былъ отпускъ льна нѣмцамъ. Во всякомъ случаѣ, ленъ не имѣлъ въ то время того значенія, какое имѣетъ онъ теперь въ отпускной Рижской торговлѣ» (стр. 174—175). Намъ кажется, однако, что жалоба на недостатокъ данныхъ не совсѣмъ основательна. Какъ не безызвѣстно и самому г. Бережкову, постановленія договоровъ Новгорода съ восточными князьями о взиманіи проѣзжихъ пошлинъ характеристично опредѣляютъ ихъ примѣни-

тельно къ льнянымъ и хмѣльнымъ коробамъ, а это обстоятельство указываетъ ясно не только на оживленную обработку льна въ Восточной Руси, но и на значительный ввозъ его въ Великій Новгородъ. Далѣе, Писцовыя книги представляютъ тоже не мало указаній на состояніе обработки льна и въ предѣлахъ самой Новгородской волости. Наконецъ, что касается до заграничнаго отпуска льна, то независимо отъ нѣмецкихъ данныхъ, мы имѣемъ на этотъ счетъ любопытное русское указаніе въ отношеніи Пскова. Разнообразіе мѣстъ, гдѣ по этому извѣстію, производилась въ послѣднемъ покупка нѣмцами льна, показываетъ довольно наглядно, что торговля льномъ велась тамъ въ значительныхъ размѣрахъ. Договоромъ 1509 года нѣмцамъ предоставлено было именно покупать во Псковѣ ленъ какъ на Нѣмецкомъ подворьѣ, такъ и на берегу, равно какъ и на самыхъ учанахъ или лодкахъ [1]). Подобное же недостаточное знакомство съ данными отдаленныхъ источниковъ обнаруживается г. Бережковымъ и въ разсужденіи его о Юрьевской дани. «Была-ли это дань, говоритъ авторъ, за православныхъ жителей Русскаго конца въ Дерптѣ, или основаніемъ къ ея полученію служило въ своемъ родѣ историческое право, такъ какъ Юрьевъ, основанный Ярославомъ Мудрымъ, искони былъ русскимъ городомъ, а Дерптскій епископъ представлялся какъ бы только леннымъ владѣтелемъ его относительно великаго князя русскаго, неизвѣстно въ точности; но во всякомъ случаѣ видно, что юрьевская дань платилась издавна, хотя не всегда исправно» (стр. 257). Мы осмѣливаемся, однако, думать, что оба предположенія автора одинаково несправедливы. Что юрьевская дань не была данью за православныхъ жителей Русскаго конца въ Дерптѣ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. На какомъ основаніи Московскіе князья могли требовать за это дани съ Нѣмцевъ? не слѣдовало ли наоборотъ имъ самимъ скорѣе платить дань Юрьеву за проживательство въ немъ Русскихъ? Затѣмъ, и историческое право представляется г. Бережковымъ далеко не вѣрно. Положимъ, что Юрьевъ былъ построенъ Ярославомъ Мудрымъ; но чтобы онъ былъ искони русскимъ городомъ, на это нѣтъ никакихъ указаній. Источ-

---

[1] Погодинъ и Дубенскій, Книга посольской метрики вел. княжества Литовскаго, стр. 164, 1509 г.: «А конопли и ленъ любити (купити?) Немцомъ на подворье, или на учане, или на берегу, а толко к скалавницы привезуть, ино отъ скалавницы конопель или льну не ворочати и по весемъ (по вѣсѣ?) не выметывати».

ники показываютъ только, что русскіе пытались утвердиться въ этомъ городѣ, но довольно безуспѣшно [1]). Право на дань съ Дерптскаго епископа истекало не изъ обладанія имъ городомъ Юрьевомъ, а изъ отнятія у Русскихъ, какъ мы уже говорили раньше, земли Толовы, платившей прежде дань Новгороду.

Гораздо съ бóльшею полнотою и обстоятельностью исчерпаны авторомъ его ближайшіе источники, т. е. тѣ сборники, которые явились по ганзейской торговлѣ какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣднее десятилѣтіе. Не безъ похвальной ревности, изъ всѣхъ изъ нихъ онъ старался собрать въ свой трудъ данныя, которыя могутъ быть полезны для характеристики не только торговаго быта, но и другихъ сторонъ древнерусской общественной жизни. Такъ какъ, однако, объ абсолютной полнотѣ вообще не можетъ быть рѣчи, то и тутъ мы замѣчаемъ недосмотры и упущенія, относящіеся какъ къ единичнымъ фактамъ, такъ и къ цѣлымъ группамъ фактовъ. Между единичными фактами г. Бережковымъ оставлены безъ всякáго разсмотрѣнія напр. стачки лодочниковъ, возившихъ нѣмецкихъ гостей по рѣчному пути, установленіе цѣнъ товарамъ Новгородцами и занесеніе нѣмцами провинившихся передъ ними Новгородцевъ «на лѣстницу» или «на вѣсы». Стачки лодочниковъ представляютъ любопытное явленіе для характеристики Новгородской артельной жизни. По условіямъ договоровъ Великаго Новгорода съ нѣмецкими городами вознагражденіе лодочникамъ опредѣлено было только по отношенію къ однимъ харчамъ: на харчи лодочникъ, встрѣчавшій гостей въ рѣкѣ Невѣ, получалъ 5 гривенъ кунъ или окорокъ, а выѣхавшій на встрѣчу къ Ладогѣ или выше — 3 гривны или половину окорока. Что же касается до собственной платы за провозъ, то она, какъ нужно предполагать, была предоставлена взаимному соглашенію [2]. Послѣднее обстоятельство открывало новгородскимъ

---

[1]) П. С. Р. Л., V, 136, 1030: «Иде в. князь Ярославъ на Чюдь и побѣди я и постави градъ Юрьевъ». Тамъ же, III, 6, 1133 г.: «Иде Всеволодъ съ Новгородьцы на Чюдь и възя городъ Гюргевъ». Тамъ же, III, 20, 1191 г.: «иде князь Ярославъ съ Новъгородьци, и съ Пльсковици, и съ оболостью своею на Чюдь и възя городъ Гюргевъ».

[2]) Bunge, U.—B., I, 520, 1269 г.: «Unn de lodieman, de gewunnen is to ter Nu un weder up, dhe schal hebben vor sine spise V marc cunen ofte enen baken (въ лат. изв.: quaelibet lodia accipiet pretium s uum et pernam vel V marc cunen pro perna); is he gewunnen van Nogarden wante tote Aldagen un veder up, III marc cunen ofte enen halven baken vor sine spise (medietatem pretii et dimidiam pernam, vel III marc. cunen)».

лодочникамъ обширное поле для дѣйствія и, нужно сознаться, они пользовались имъ не безъ искусства. Не извѣстно, образовали-ли они въ Новгородѣ изъ себя строгую артель; но несомнѣнно, что въ отношеніи нѣмцевъ они каждый разъ являлись, какъ единое цѣлое, и что о свободной конкуренціи не могло быть и рѣчи. Лодочники запрашивали съ нѣмцевъ за провозъ цѣны, какія хотѣли, а хотѣли они обыкновенно не малаго. Послѣднее въ извѣстномъ смыслѣ было необходимостью. Такъ какъ на встрѣчу нѣмцамъ выѣзжало нерѣдко такое количество лодочниковъ, которое легко могло превысить запросъ на лодки со стороны нѣмцевъ, то понятно, что нѣкоторые изъ нихъ неизбѣжно должны были оставаться въ убыткѣ. Но при такомъ условіи взаимная солидарность, очевидно, не могла имѣть мѣста. И вотъ для поддержанія послѣдней, лодочники поневолѣ должны были брать съ нѣмцевъ такія цѣны, чтобы и самимъ не оставаться въ накладѣ, да и получать возможность давать отступное товарищамъ, не получавшимъ нѣмецкой клади [1]). Еще болѣе важное значеніе имѣли стачки между самимъ русскимъ купечествомъ. Мы до такой степени свыклись съ предразсудкомъ объ алчной эксплоатаціи нѣмцами Новгородцевъ, что совсѣмъ не обращаемъ вниманія на факты, свидѣтельствующіе, что положеніе дѣлъ было совершенно иное, что у Новгородцевъ въ свою очередь было много средствъ отражать удары Ганзейцевъ. Кромѣ затронутыхъ раньше, къ числу такихъ средствъ можно отнести еще и установленіе цѣнъ товарамъ. Къ этому средству Новгородцы и вообще русскіе стали прибѣгать особенно часто уже въ періодъ упадка торговли; но есть примѣры, что имъ пользовались и въ болѣе раннее время. Такъ напр. нѣмецкое купечество еще съ XIV—XV вѣкѣ изливалось въ горькихъ жалобахъ на то, что Новгородскіе купцы установливаютъ опредѣленныя цѣны какъ на иноземные товары, такъ и на свои собственные [2]).

Стачки лодочниковъ и купечества были орудіемъ борьбы Новгородцевъ противъ нѣмцевъ; въ занесеніи на лѣстницу или на

---

[1]) Bunge, U.—B., IV, 815, 1412 (?) г.: «so maken de Russen gesette in der Nu mit den lodegen, wo se willen, so mote wi en geven, un de lodegen, de up varen, de moten illik 1/2 stucke geven den, de dar leddich liggende bliven».

[2]) Рус. Лив. Акты, 100, XIV—XV b.: «Des klaghe wi ju nu kleghelken, wo de uppersten van kopluden to Nogarden valselken unn untruwelken hebben ghestifted, stemped unn ghemaked nyge, quade, falsche settinge up den kopman unn up syn ghud, des ghelike ny er ghesed is. De settinge heft ghestan van der tyyd alse de kopman erst to Nogarden quam»...

вѣсы мы встрѣчаемся съ подобнымъ же орудіемъ со стороны нѣмцевъ (см. соч. г. Бережкова, стр. 145 и 221). Занесеніе на лѣстницу служило именно въ рукахъ нѣмцевъ средствомъ понужденія Новгородцевъ къ удовлетворенію предъявляемыхъ имъ требованій. При постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ между русскими и нѣмцами, дѣло, конечно, не могло обойтись безъ того, что послѣдніе временами не видѣли своихъ интересовъ нарушенными частію вслѣдствіе отказа русскихъ платить долги, частію же вслѣдствіе неправильнаго взятія съ нихъ денегъ или другихъ какихъ либо неблаговидныхъ поступковъ. По видимому, такія нарушенія должны бы были передаваться на разсмотрѣніе судебныхъ властей; но должно быть нѣмцы для защиты своихъ интересовъ судомъ не всегда имѣли необходимыя данныя и потому ограничивались въ послѣднемъ случаѣ тѣмъ, что для понужденія извѣстнаго лица къ возмѣщенію причиненныхъ имъ убытковъ «прибивали» имя его на лѣстницѣ и сообщали объ этомъ своимъ собратамъ въ нѣмецкихъ городахъ, а тѣ въ свою очередь заносили его «на вѣсы»[1]). Слѣдствія занесенія для Новгородцевъ были довольно непріятныя. Если Новгородецъ былъ купецъ, то выставленіе на лѣстницѣ или на вѣсахъ было равнозначительно для него не только съ закрытіемъ доступа въ Нѣмецкій дворъ, но и съ воспрещеніемъ торговли во всѣхъ городахъ ганзейскаго союза; а если онъ былъ содержателемъ лодокъ, перевозившихъ по рѣчному пути нѣмецкіе товары, то лѣстница обозначала для него полное прекращеніе его промысла [2]). И этотъ запретъ тяготѣлъ надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не удовлетворялъ требованіямъ нѣмцевъ или не заглаживалъ своей вины какъ-либо иначе. Тогда его снимали или выписывали вездѣ съ доски и сношенія съ нимъ объявляли дозволенными. Любопытнымъ поясненіемъ такой практики нѣмцевъ можетъ слу-

---

[1]) Bunge, U.—B., IV 821, 1412 г.: «dar reep do de hertige up und al de Nouwerdes, de dar bi weren, wer dat de kruss kussinge in holde, dat men ere broder, de uuvorvolget vor en weren, solde setten in den bref edder in de wage, ofte hir in de treppen, und seden, dat et were unrecht, wente de krusskussinge dat nicht ut en wiste».

[2]) Bunge, U.—B., IV, 802, 1412 г. (?): «Dar op de kopman ens geworden is in einer gemeine, stevenes dat mit dissen vorbenomeden luden nummant handelinge hebben en sal, noch gud laden, en sal in der Nu eder nergen bi X mark. War umme wi begeren van ju, dat gi desse vorben. lude der gelike mit ju an de wage laten scriven, bi demeselven broke, wante wele schaden schut vanden loddien luden deme kopmanne».

жить дѣло Кузьмы Царькова (Sarken). Въ началѣ XV столѣтія, нѣмецкіе купцы, прибывшіе съ товарами въ Новгородскую землю, сѣли на суда новгородца Кузьмы Царькова. Но на пути гости должно быть вспомнили, что Кузьма Царьковъ принадлежитъ къ числу лицъ, записанныхъ на ихъ родинѣ на вѣсы, и потому по прибытіи въ Ижору, стали вдругъ требовать, чтобы товаръ ихъ былъ выгруженъ. Кузьма отказался отъ выгрузки и просилъ объясненія, почему они не хотятъ съ нимъ ѣхать. Вмѣсто объясненія, нѣмцы пошли и выгрузили товаръ сами и отправились въ дальнѣйшій путь. Кузьма послѣдовалъ за ними въ лодкѣ въ Новгородъ и призвалъ ихъ тамъ на судъ къ тысяцкому. На судѣ Кузьма обвинялъ нѣмцевъ въ причиненіи ему большихъ убытковъ и по прежнему требовалъ объясненія, въ чемъ такомъ онъ провинился, что нѣмцы не хотятъ теперь съ нимъ ѣздить, какъ ѣздили прежде. Нѣмецкіе гости отвѣчали, что Кузьма записанъ ихъ старшинами на вѣсахъ за пособничество, оказанное имъ нѣкоторымъ лицамъ въ несправедливомъ взятіи зимой съ Детмора Бухгольта двухъ гривенъ серебра. Кузьма на это замѣтилъ, что онъ готовъ дать удовлетвореніе нѣмцамъ, какое ему слѣдуетъ. Тогда тысяцкій и окружавшіе его Новгородцы возгласили, что заносить ихъ братью въ письма, на вѣсы или здѣсь на лѣстницу, не преслѣдовавъ судомъ, противорѣчитъ крестоцѣлованію и постановили, чтобы нѣмцы примирились съ Кузьмой. Кузьма явился для этой цѣли къ нимъ во дворъ и нѣмцы, сообразивъ, что Кузьма не былъ главнымъ виновникомъ взятія денегъ съ Детмора, согласились на мировую и обѣщали ѣздить съ нимъ, какъ ѣздили прежде. Непосредственнымъ слѣдствіемъ примиренія было то, что имя Кузьмы было снято наконецъ съ вѣсовъ, но только его одного: товарищи же Кузьмы продолжали красоваться на нихъ и послѣ [1]).

Нигдѣ, быть можетъ, недостаточность собраннаго г. Бережковымъ матеріала не чувствуется столь сильно, какъ въ вопросахъ о монетной системѣ въ Новгородѣ и Псковѣ и о вѣсѣ и его орудіяхъ. Коснуться обстоятельно положенія монетнаго дѣла въ сѣверо-западной Руси необходимо было во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, нѣмецкіе памятники, главный источникъ по ганзейской торговлѣ, заключаютъ въ себѣ много указаній на кунную систему, которыя не должны оставаться не замѣченными по ихъ важности для опредѣленія какъ сущности, такъ и отдѣльныхъ единицъ по-

---

[1]) Bunge, U.—B., IV, 821—822, 1412 г.

слѣдней. А затѣмъ, коснуться положенія монетнаго дѣла необходимо было и потому, что собственно измѣненіе кунной системы въ рублевую совершилось въ Новгородѣ и Псковѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ торговыхъ сношеній съ нѣмцами. Было время, когда въ Новгородѣ и Псковѣ обращались исключительно однѣ нѣмецкія деньги. Даже можетъ быть, что и самая новгородско-псковская рублевая система образовалась не безъ вліянія системъ нѣмецкихъ. Но не смотря на такія важныя побужденія, г. Бережковъ не только проходитъ совершеннымъ молчаніемъ вопросъ о монетномъ дѣлѣ въ Новгородѣ и Псковѣ, но даже и въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя онъ даетъ случайно объ обращеніи въ Новгородѣ иноземныхъ денегъ, не выказываетъ достаточной осторожности. Такъ напр. онъ безъ дальнихъ справокъ называетъ шведскою монетой ходившіе нѣкоторое время въ Новгородѣ и Псковѣ нѣмецкіе артуги (стр. 167). Положимъ, что такого же мнѣнія на счетъ этого предмета держатся и нѣкоторые другіе писатели; но все это еще—не порука. Подобнымъ образомъ, нельзя не замѣтить значительной неполноты данныхъ и въ представленіи вопроса о вѣсѣ и его орудіяхъ. Касаясь орудій вѣса, г. Бережковъ сообщаетъ только, что «какъ видно, взвѣшиваніе на ремнѣ нѣмцы находили неудовлетворительнымъ, а потому уговорили Новгородцевъ замѣнить его болѣе чувствительными скалками; но отложили-ли пудъ на всегда, это неизвѣстно навѣрное (стр. 158—159). Но ознакомившись нѣсколько обстоятельнѣе съ относящимися къ этому предмету данными, г. Бережковъ могъ бы не только легко рѣшить свое недоразумѣніе, но и прійти, въ добавокъ, къ разнымъ любопытнымъ въ исторіи вѣса на Руси соображеніямъ. Мы указывали уже на то, что торговля громоздкими товарами, въ особенности же солью и медомъ, служила для Новгородцевъ источникомъ постоянныхъ потерь и что во избѣжаніе ихъ послѣдніе положили въ 1407 году покупать соль не иначе, какъ на вѣсъ. Для того, чтобы покупать соль на вѣсъ, необходимо было имѣть для этой цѣли и подходящее орудіе взвѣшиванія. Такимъ орудіемъ всего удобнѣе могъ служить старый пудъ. И дѣйствительно, есть извѣстія, что одновременно съ принятіемъ рѣшенія покупать соль на вѣсъ, Новгородцы постановили ввести вновь въ употребленіе при взвѣшиваніи на ряду со скалками и пудъ, или большой безмѣнъ [1]). Указы-

---

[1]) Bunge, U.—B., IV, 584, 1407 (?): «des bede he uns (тысяцкій—нѣмецкому двору) puncte voer: int erste de korte van den laken und de wichte van deme

вая на опущенія труда г. Бережкова въ отношеніи денегъ и вѣса, мы, впрочемъ, не имѣемъ въ виду ставить ихъ въ особенную вину почтенному автору. Вопросы эти такъ трудны и требуютъ такой точности, что основательное рѣшеніе ихъ можетъ быть ожидаемо не иначе, какъ развѣ отъ спеціальнаго изслѣдованія.

Сводя въ одно цѣлое всѣ результаты представленнаго нами разбора, мы не можемъ не сознаться, что трудъ г. Бережкова далеко не вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя въ настоящее время могутъ быть предъявлены къ сочиненію, имѣющему своимъ предметомъ торговлю древней Руси съ Ганзою. Многіе изъ существенныхъ вопросовъ, поставленныхъ уже предшествующими трудами и ожидавшихъ новаго освѣщенія отъ массы собраннаго за послѣднее время матеріала, или вовсе оставлены авторомъ безъ отвѣта, или затронуты слишкомъ слабо, или же наконецъ рѣшены не совсѣмъ правильно. Таковы вопросы: объ отличительныхъ чертахъ Ганзейской торговли, о характерѣ мѣны, о степени активнаго участія въ торговлѣ русскихъ и ея относительной выгодности для послѣднихъ, равно какъ и объ особенностяхъ, какія имѣла Ганзейская торговля въ разныхъ краяхъ древней Руси, въ Смоленскѣ, Полоцкѣ, Великомъ Новгородѣ и Псковѣ. Таковы далѣе вопросы объ историческомъ развитіи торговыхъ отношеній въ послѣдніе два вѣка существованія торговли, о причинахъ ея упадка, мотивахъ закрытія въ Новгородѣ нѣмецкой конторы и о культурномъ вліяніи сношеній съ Ганзою на древнюю Россію. Точно также и критика г. Бережкова оставляетъ желать еще многаго. Въ нѣкоторыхъ, хотя и довольно рѣдкихъ случаяхъ, авторъ пользуется сомнительными источниками, какъ несомнѣнными, и принимаемыми только къ свѣдѣнію пособіями, какъ вполнѣ научными. Но въ особенности должно быть выставлено на видъ, что г. Бережковъ не всегда строго придерживается фактическаго изслѣдованія и позволяетъ себѣ замѣнять его вѣроятными конъектурами, которыя, какъ оно и естественно при такихъ условіяхъ, выходятъ часто не довольно удачными. Но съ другой стороны, трудъ г. Бережкова имѣетъ и свои положительныя достоинства. Онъ обнаруживаетъ въ авторѣ хорошее знакомство съ литературою предмета. Но главное, въ немъ собрано значительное количе-

solte, dat se willen, dat solt hir so gewegen hebben, also to Darpte edder to Revele, und wilt hir hebben einen punder, und se willen dat honich vull hebben bette to deme spunde».

ство данныхъ, не только такихъ, которыя замѣчены были уже предшествующими работами, но и много новыхъ, почерпнутыхъ впервые изъ накопленнаго за послѣднее время матеріала. Данныя эти переданы авторомъ въ общепонятной формѣ, дѣлающей ихъ доступными даже для лицъ, не знакомыхъ близко съ тѣмъ нарѣчіемъ, на которомъ писаны первоначальные источники. Заслуга эта тѣмъ болѣе достойна вниманія, что, по справедливому замѣчанію автора, чтеніе древне нѣмецкихъ актовъ уже само по себѣ дѣло далеко не легкое и что потому передача ихъ могла совершиться не безъ большаго напряженія и труда. Принимая въ соображеніе въ особенности это послѣднее обстоятельство, рецензентъ, самъ довольно знакомый съ трудностями, съ которыми приходилось бороться г. Бережкову, не можетъ не признать, что хотя и не чуждое важныхъ недостатковъ, сочиненіе послѣдняго «О торговлѣ Руси съ Ганзой до XV вѣка» во всякомъ случаѣ заслуживаетъ ученаго поощренія.

II.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ГАЛИЦКОЙ И УГОРСКОЙ РУСИ,

СОБРАННЫЯ Я. Ѳ. ГОЛОВАЦКИМЪ.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Москва 1878, 3 части въ IV томахъ.

Рецензія Члена-кореспондента Имп. Академіи Наукъ А. А. Потебни.

I.

Сборнику пѣсень предпослано изслѣдованіе «*Карпатская Русь.* Географическо-статистическіе и историческо-этнографическіе очерки Галичины, сѣверо-восточной Угріи и Буковины» (ч. I 557 сл.), состоящее изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Территорія.

1. *Карпатскія горы* (Главныя дѣленія Карпатъ. Общій характеръ. Наиболѣе высокія вершины. Нѣкоторыя свѣденія о производительности почвы, 557 сл.).

2. *Рѣки и ихъ притоки;* краткія свѣденія о климатѣ (568 сл.).

3. *Проходы черезъ Карпаты* и пути сообщенія древніе и нынѣшніе (573 сл.).

II. *Политическое дѣленіе* прикарпатскихъ земель и нѣкоторыя статистическія показанія. А. Галичина и Буковина (581 сл.). Б. Угорщина (605 сл.). [О способѣ пріобрѣтенія этихъ земель Австріею. Величина площади, дѣленіе ея по качеству (пахатная

земля, лѣсъ и пр.). Административныя дѣленія. Количество населенія, степень его густоты и распредѣленіе по вѣроисповѣданіямъ [1])].

III. *Историко-Этнографическое обозрѣніе*. 1. Галичина (616 сл.). 2. Угорская Русь и Буковина (687 сл.).

IV. *Объясненіе Этнографической карты* Галичины, сѣв. вост. Угріи и Буковины (671 сл.) и

Объясненія къ (этнографическимъ) изображеніямъ (1—24).

Несчитая возможнымъ взять на себя оцѣнку степени новости, точности и важности свѣденій, сообщаемыхъ въ этомъ изслѣдованіи, я отмѣчу лишь кое что въ III и IV его главахъ.

Авторъ, на основаніи одного мѣста у Безыменнаго Нотарія короля Белы, полагаетъ, что первоначальныя границы Польши, Угріи и Руси находились не на самомъ хребтѣ Карпатъ, а у южной подошвы Карпатскаго погорья, и что Владиміръ В. занялъ у Ляховъ не только Червенскіе города (какъ пишетъ Несторъ; «земли до Карпатъ и до р. Сана», Кулишъ. Ист. возс. Р. I, 4), но и закарпатскую страну по мѣст. Солоную (Slana, Soóvár), р. Теплу (притокъ Ондавы) и Тису (стр. 619.). Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что Русскіе горцы (Гуцулы, Верховинцы, Бойки и Лемки) «*выдѣлились* еще въ доисторическое время изъ общей семьи Славянъ.... Имя *Русинъ*, *Русь*, *Русскій* испоконъ закрѣпилось за ними посредствомъ господствованія князей Русскаго поколѣнія и утвержденія греч. православія и славянскаго богослужебнаго языка и, не смотря на это, все таки черты племенной разности и первоначальнаго происхожденія нестушевались такъ сильно, какъ въ другихъ низменныхъ странахъ» (724—5). Галицкіе Хорваты, предполагаемые предки Лемковъ, упоминаемые Несторомъ и Кадлубкомъ подъ 850, 907, 981 и 983 и простиравшіеся Карпатскимъ хребтомъ къ самому Кракову, «приняли крещеніе при Владимірѣ В., а можетъ быть и раньше, и *послѣ* (Владиміра?) усвоили себѣ названіе Русскихъ (Русняковъ)» (727). И такъ, слѣдуетъ ли считать Червоную и Угорскую Русь Русью только со времени Владиміра, или Руссизмъ этихъ странъ, независимо отъ наименованія, происхожденія болѣе древ-

[1]) Всего народонаселенія Русской народности въ Австріи авторъ принимаетъ на стр. 614—3, 022, 723 (со включ. ок. 3000 вр. раскольниковъ), а на стр. 747 (вѣроятно по болѣе позднимъ свѣденіямъ) —2, 835, 540. Г. Будиловичъ въ Статист. таб. распредѣленія Слав. и пр., Спб. 1875, насчитываетъ 3,223,100, а въ Дополнит. табл. къ Этн. К. Мирковича и Ритт. значится 3,032,600+2300 врусс.

няго? Принимаемое авторомъ «выдѣленіе» Русскихъ горцевъ произошло ли изъ *русской* семьи, или же Русь, какъ этнографическая особь возникла позже этого выдѣленія, между прочимъ при помощи православія и богослужебнаго языка, непревратившихъ однако въ Русь ни Сербовъ ни Болгаръ? Вопросы эти могутъ казаться напрасными, но они обрашаютъ на себя вниманіе ученыхъ. Приведу для сравненія мнѣніе г. Кулиша, если не болѣе доказательное, то болѣе ясное:

«Въ тѣ времена, съ которыхъ начинаются историческія Польскія и Русскія преданія.... населеніе *Польско-русской* равнины *говорило*, вѣровало и управлялось или одинаково, или съ небольшими мѣстными особенностями. Когда князья Русь... были призваны Новгородцами для поддержанія обычнаго у нихъ порядка, Русью сперва называли только тѣ области, которыя ввѣрили имъ у себя... судъ и пр. Когда же эти князья взяли подъ свою власть поднѣпровскія и др. славянскія области то... и эти назвались Русскою землею, и смыслъ этого названія былъ нестолько тотъ, что Русь владѣла ею, сколько тотъ, что Русь охраняла въ этой землѣ установившійся обычаемъ порядокъ». Когда Владиміръ... завладѣлъ землями до Карпатъ и Сана... «Русью стали называтся и тѣ области, которыя прежде находились подъ властью Ляховъ. *Если бы Владиміръ овладѣлъ всѣмъ пространствомъ до Вислы и даже до Одера, все это была бы Русь*» [1].... «Сколько бы славянскихъ племенъ ни вошло т. о. въ кругъ княжеской власти... всѣ они, непереставая называться прежними именами, напр. Бужанами, Мазовшанами, Куявянами, назывались бы Русью»... «какъ это произошло съ жителями правой стороны р. Сана, которые до Владиміра, также какъ и славяне, жившіе за Саномъ, были извѣстны подъ именемъ Бѣлыхъ Хорватовъ, а со времени Владиміра начали называться Русью» (Истор. возсоед. Руси I, 3—5)

Въ отличіе отъ этого «имена *Польша*, *Польскій край*, *народъ* введены въ употребленіе государственными людьми позднѣйшаго времени и распространены по обѣимъ сторонамъ Вислы искуственно».... «Польское государство строилось помимо народа и въ противоположность народнымъ обычаямъ, вовсе нетакъ, какъ Русское. Въ то время, когда князья Русь поддержали на сѣверѣ, по Днѣпру и до самихъ Карпатъ порядокъ жизни, установившійся

[1]) «Ему представлялась полная возможность превратить всю Польшу въ Русь» (ib. 11.)

обычаемъ, за Вислою уже рѣзко выдѣлилось изъ народа высше сословіе, отрознилось отъ него обычаями, позаимствованными отъ Нѣмцевъ».... «Изъ этого сословія размножилась шляхта которая имя Польскаго народа присвоила исключительно себѣ». «Исторія земель, составившихъ впослѣдствіи Польшу, начинается борьбою притѣсненныхъ классовъ съ притѣснявшими и побѣдою послѣднихъ съ помощью латинскаго, пришлаго изъ нѣмецкихъ земель духовенства. Занятіе кн. Владиміромъ Червенскихъ городовъ и кн. Даниломъ земли Люблинской согласовалось съ духомъ возстанія массъ», было «возстановленіемъ равноправности, нарушенной полноправствомъ пановъ» и «самоуправленія, которому въ Русскихъ областяхъ былъ большой просторъ даже при случайномъ самовластіи нѣкоторыхъ Русскихъ князей...» «На этомъ основаніи можно полагать, что имена: *Русь*, *Русская земля*, *народъ* первоначально принимались одинаково на всей равнинѣ, которая впослѣдствіи является въ видѣ двухъ государствъ, Польскаго и Русскаго». Вѣчевое право, нѣкогда общеславянское, во всей древней Руси было общимъ для всѣхъ сословій, а въ областяхъ, составившихъ Польшу, присвоено панами исключительно своему сословію. «Гдѣ только хоть временно господствовало вѣчевое, уравнивающее всѣ классы право, тамъ на вѣки народъ остался въ собственномъ смыслѣ Русскимъ, какое бы правительство ни повелѣвало имъ». «Слово *Русскій* въ періодъ созиданія политическаго тѣла Польши значило, можно сказать, тоже, что *Славянскій*, неподвластный онѣмеченнымъ, латинизованнымъ панамъ, своеобычный, народоправный» (ib. 6—9).

Здѣсь сила не въ томъ, идетъ ли имя Руси съ сѣвера, или, какъ въ числѣ прочихъ думаю и я, скорѣе съ юга [1]), а въ попыткѣ свести этнографическія различія ко временамъ историческимъ и причинамъ относительно извѣстнымъ.

Противопоставленіе государствъ Польскаго и Русскаго кажется слишкомъ рѣзкимъ. Въ одномъ случаѣ теченіе государственной жизни встрѣчаетъ заранѣе готовое ложе вѣчевого права и вообще народныхъ обычаевъ, а въ другомъ оно прорываетъ себѣ новое русло, несмотря на препятствія, поставляемыя ему тѣми же

---

[1]) Такъ что первоначально Варяги не суть Русь. Въ извѣстіи почти на сто лѣтъ предшествующемъ Лаврентьевскому сп. лѣт. сказано: «Придоша Русь» слѣдуетъ запятая или двоеточіе) «Чудь, Словѣне, Кривичикъ Варягомъ, рѣша: земля наша» и прусс. Никиф. патр. лѣтопис. по сп. 1283—4, Срезн. Пам. Р. письма 237.

обычаями. Не лучше ли допустить готовыя, хотя и различныя русла въ обоихъ случаяхъ и примѣнить и къ Польшѣ mutatis mutandis тотъ взглядъ, по которому на пр. не Рюриковичи создали извѣстную степень единства домосковской Руси, а Русскія племена, между прочимъ посредствомъ Рюриковичей? Этимъ вліяніе личностей и меньшинства не отрицается, но подчиняется вліянію силъ, на видъ болѣе страдательныхъ, но дѣйствующихъ болѣе постоянно и продолжительно. Иноземныя вліянія немогутъ объяснить особенностей сѣверозападной группы славянскихъ племенъ, къ которой принадлежатъ какъ польское простонародье, такъ и шляхта. Причины образованія какъ этой группы, такъ и составляющихъ ее единицъ неизвѣстны. Не иноземныя вліянія и вылѣпленная ими изъ общеславянскаго тѣста шляхта создали этнографическія особенности польскаго простонародья, а масса польскаго населенія выдѣлила изъ себя шляхту и собою опредѣлила нормальныя границы Польскаго государства. Утвержденію, что если бы Владиміръ овладѣлъ землями до Одера, то и они стали бы Русью, можно противопоставить другое: власть Владиміра за этнографическіе предѣлы Руси непереходила, а если бы перешла, и за ними укрѣпилась, то Ляшскія племена могли бы обнаружить такую же устойчивость, какъ Червоная Русь подъ властью Польши. Каковы были различія нравовъ и обычаевъ между Ляхами и Русью въ X вѣкѣ, этого мы незнаемъ; но вѣрно то, что о народѣ, имѣющемъ письменные памятники, столь далекіе отъ предполагаемаго славянскаго безразличія, какъ договоры 907—971 г. никакъ нельзя сказать, что и за 100 лѣтъ до нихъ онъ говорилъ *почти* одинаково съ племенами ляшскими Ограничиваясь общеизвѣстнымъ, можно сказать, что у Руси въ X в. было полногласіе, между тѣмъ какъ у всѣхъ остальныхъ славянъ, по всей вѣроятности, его уже небыло; у Ляшскихъ племенъ были носовыя гласныя, при чемъ вѣроятно, что въ ѫ повсемѣстно звучало *a*, а у Руси ѫ = у (и развѣ гдѣ либо на окраинѣ — съ носовымъ призвукомъ, напр. если р. Угъ = ѫгъ), ѧ = *я*; у Ляховъ было ѕ изъ *г*, у Руси вѣроятно уже *з*; у Ляховъ было обще-западно-славянское измѣненіе дј, тј, а у Руси спеціально русское. Связь звуковъ языка съ другими этнографическими особенностями намъ неизвѣстна, но звуки вѣрно указываютъ на существованіе племенной особности. Поэтому вовсе не смѣло утверждать, что въ X вѣкѣ и раньше было бы ошибочно сказать, что «Словѣньскъ языкъ и Русьскый — одинъ» въ другомъ смыслѣ, кромѣ общаго родового сходства. *Русскій* и тогда значило прежде всего—отличный отъ Ляшскаго, Чеш-

скаго, Болгарскаго и т. д., а не подчиненный Варяжскимъ князьямъ, народоправный и т. п. Другой вопросъ, представлялъ ли въ то время русскій языкъ единство самъ въ себѣ, остается открытымъ. Возвращаясь къ вышеприведенному мнѣнію Я. Ѳ. Головацкаго объ этнографической особности русскихъ горцевъ еще въ доисторическое время, я думаю, что говорить объ этомъ до указанія доступныхъ обсужденію признаковъ такой особности, преждевременно.

Въ то время, говоритъ авторъ, когда въ нынѣшней средней Россіи еще только водворялась русская жизнь среди инородцевъ, она уже давно процвѣтала въ Перемышлѣ, Ярославлѣ, Теребовлѣ, Галичѣ, Бельзѣ, Бужскѣ, Звенигородѣ и др. городахъ Червоной Руси (670); но весьма рано начинается и тянется до нашего времени рядъ обстоятельствъ, столь неблагопріятныхъ для этой жизни, что удивительно, какъ она могла уцѣлѣть. Татарское, потомъ татарско-турецкое разореніе идетъ съ Батыя и до XVII в. включительно. Въ 1-ой половинѣ XIV в. оканчивается политическая самостоятельность Галицкаго княжества, оно вовлекается въ связь съ Польшею, а въ 1432 становится Польскою областью подъ именемъ Воеводства Русскаго или Червоной Руси (622). Со времени завоеванія Галицкой Руси Поляками началось и продолжалось почти 500 лѣтъ политическое и религіозное ея угнетеніе. Оно было здѣсь продолжительнѣе и сильнѣе, чѣмъ въ областяхъ литовско-русскихъ (627). Свободныя сословія русскія частью денаціонализуются, частью закрѣпощаются (627); хозяйство изъ мѣлкопомѣстнаго становится великопомѣстнымъ, ко вреду низшихъ классовъ (629). Авторъ слѣдитъ за постепеннымъ движеніемъ полонизма и католицизма со времени основанія католическихъ церквей въ Галиціи (635 — 44). За древнюю западную границу Руси онъ принимаетъ р. Вислоку (не Вислокъ, впадающій въ Санъ) и Вислу. Въ 1326—8 въ Решовскомъ и Ясельскомъ уѣздахъ было всего 18 католическихъ приходовъ; нынѣ же Решовскій уѣздѣ, считавшійся до самаго паденія Польши въ Воеводствѣ Русскомъ, весь ополяченъ и окатоличенъ (630 — 1). А. находитъ: 1) что пропаганда сильнѣе дѣйствовала въ XV (при Ягайлѣ) и XVII в. (Сигизм. III), чѣмъ въ XVI и XVIII в.; 2) что польское населеніе держится болѣе городовъ и мѣстечекъ, чѣмъ селъ [1]); 3) что во многихъ самыхъ древнихъ като-

---

[1]) Авт. думаетъ, что названія селъ въ вост. Галиціи, какъ *Ляшки, Ляховичи Ляховцы, Ляцкое* и т. п., свидѣтельствуютъ, что это были поселенія польскія но весьма древнія, ибо во всѣхъ ихъ огромный перевѣсъ русскаго населенія

лическихъ приходахъ поразительно мало католиковъ и поляковъ; 4) что первыя Польскія поселенія появились вокругъ Львова и въ Бельзскомъ Воеводствѣ (644). Послѣднія двѣ православныя эпархіи обращены въ Унію: Перемышльская въ 1691 и Львовская въ 1700. Ревность католической пропаганды, ослабѣвшая въ XVIII в. вновь усиливается послѣ присоединенія Галиціи къ Австріи (1772) и затѣмъ опять съ 40 годовъ нашего вѣка. Распространеніе полонизма и католицизма продолжается и до сихъ поръ, хотя въ послѣднее время встрѣчаетъ менѣе пассивное сопротивленіе со стороны представителей русской народности. Съ 1772 польскія поселенія въ вост. Галиціи прекратились, но призваны правительствомъ нѣмецкіе колонисты, живущіе особыми деревнями (болѣе 100) и, какъ и у насъ, неоказывающіе замѣтнаго вліянія на окрестное русское населеніе (стр. 632, 683, 686).

Весьма вѣроятно, что Мадьяры уже застаютъ русское населеніе на южномъ склонѣ Карпатъ, но политическая связь этого населенія съ остальною Русью, если и была, то рано прекратилась. Въ XI в. русская лѣтопись называетъ Карпаты уже горами Угорскими (687). Условія жизни въ кор. Угорскомъ бывали относительно благопріятны, судя по тому, что сюда неоднократно направляется приливъ новаго русскаго населенія. Такъ въ половинѣ XIV в. кн. Ѳедоръ Коріятовичь со многочисленнымъ подольскимъ людомъ перешелъ къ угорскому королю и получилъ отъ него въ удѣлъ обл. Мукачевскую и Маковицкую (690). Въ XVII в. в. православные Галичане десятками тысячь бѣжали въ Угорщину отъ религіознаго и политическаго гоненія, къ прискорбію людей, вѣрно понимавшихъ пользу Рѣчи Посполитой. Въ судьбахъ Угорской и Буковинской Руси важную роль играютъ ея почти постоянно дружественныя связи съ Румынами. Во 2-ой половинѣ XIII в. король Владиславъ

и ни въ одномъ нѣтъ костела, что немогло бы случиться, если бы они образовались во времена польскаго владычества (622 — 3). Нисколько невозражая противъ того, что въ вост. Галиціи были польскія поселенія потомъ обрусѣвшія, думаю, что изъ приводимыхъ авт. названій селъ на племенной первоначальный составъ могутъ указывать развѣ *Ляцкое* и *Воля Мазовецкая*; остальныя же могутъ значить, что село разрослось изъ хутора, въ коемъ сидѣлъ нѣкій *Ляшко*, или *Ляховецъ*, который могъ уже и небыть Полякомъ, или *Ляховичъ*, коего прозвище рѣшительно Русское. Т. о. въ южн. и зап. Руси, какъ и въ друг. славянскихъ странахъ, названія селъ образуются по одному типу съ названіями странъ (въ Ляхы, въ Чехы, въ Половьця), именно переводомъ во множественное число имени первоначальнаго жителя: села *Бабаи*, *Овлаши*, *Тишки*, *Бацманы*, *Сокиринцы*—отъ *Бабая*, *Овлаша*, *Тишка*, *Бацмана*, *Сокиры*.

Куманъ поселилъ Румынъ между р. Марошемъ и Тисой, въ Мармарошѣ. Румыны и тамошняя Русь тамъ сьобща отбивались отъ нападавшихъ на нихъ католиковъ (688). Въ 1352 или 59 воевода Богданъ Драгошъ переселился изъ Марамароша въ Буковину, вскорѣ распространилъ свою власть на всю эту страну и Молдавію и основалъ Молдавское господарство со значительнымъ русскимъ населеніемъ, занимавшимъ преимущественно область Черновецкую и Хотинскую, а частью и Ясскую и Сочавскую. Связи Руси съ Румынами сказываются во многомъ: въ употребленіи ц. слав. языка въ богослуженіи въ Молдавіи и Валахіи до половины XVII в.; въ непрерывныхъ сношеніяхъ галицкой церковной іерархіи съ молдавскою до окончательнаго введенія уніи въ Галичинѣ въ XVII в. (655); въ употребленіи русскаго языка въ гражданскихъ актахъ въ Молдавіи; въ многочисленныхъ семейныхъ связяхъ русскихъ пановъ и молдавскихъ господарей; въ обоюдныхъ этнографическихъ вліяніяхъ.—Съ XV до конца XVII в. продолжаются попытки Польши подчинить себѣ Буковину и Молдавію, дорого стоившія обоимъ сторонамъ. Во многократныхъ походахъ Поляковъ на Молдавію участвовала и галицкая, большею частью ополяченная шляхта; но и въ молдавскихъ рядахъ сражалось немало Руси (655). Столкновенія Польши съ Турціей изъ за Молдавіи кончилась тѣмъ, что эта страна вмѣстѣ съ Буковиной осталась за Турціей до русско-турецкихъ войнъ XVIII в. Съ 1769 по 1775 Буковина была занята русскими войсками, потомъ возвращена Турціи, а ею, на основаніи конвенціи съ Россіею 2 Іюля 1777, уступлена Австріи (667). Австрія приняла Буковину съ 80,000 населеніемъ Русскимъ и Румынскимъ, исключительно православнымъ, а теперь тамъ жителей болѣе 500,000, въ томъ числѣ ок. 50,000 католиковъ, а по народностямъ много Евреевъ, Нѣмцевъ, Мадьяръ (667—9).

Для сравненія съ этнографическою картою Я. Θ. Г. у меня есть подъ рукою только Этн. к. Славянскихъ народностей Мирковича, дополненная Риттихомъ, Спб. 1875, гдѣ отдѣленіе малорусскаго населенія отъ великорусскаго, не смотря на большой просторъ для этого, сочтено излишнимъ, и карта южнорусскихъ нарѣчій и говоровъ, составл. въ 1871 г., приложенная къ VII т. Тр. этн. эксп. въ юзп. кр. Послѣдняя, не смотря на свое спеціяльное назначеніе, представляетъ лишь общія грубыя очертанія, относительно Галичины и Буковины исполнена неточностей, въ родѣ названій: Жол*нѣ*въ

Новы-Сандекъ, Стары-Сандекъ, Пржемысль, Стры, Коломія, Черновецъ, а въ Закарпатской Руси ни одного названія. Карта гг. Мирковича и Риттиха, въ той своей части, которая здѣсь идетъ въ сравненіе, кромѣ меньшей подробности сравнительно съ картой г. Г., вполнѣ, впрочемъ, извинительной, и кромѣ неточностей, подобныхъ вышеупомянутымъ (напр. Ст. и Нов. Снѣдецъ, Дуколь), представляетъ и другія отличія отъ к. г. Г., я думаю, не въ свою пользу. Такъ на ней въ Закарпатьи окрестности городовъ Пряшева, Кошицъ, Ужгорода, Мукачева изображены въ видѣ мадьярско-нѣмецкихъ островковъ среди преобладающаго или сплошнаго русскаго населенія, тогда какъ у Г. южная граница такого населенія проходитъ сѣвернѣе этихъ городовъ, а далѣе на югъ русское населеніе изображено только узкими извилистыми полосками среди словацскаго и мадьярскаго. Т. о. мнѣ кажется, что для русскаго читателя карта Г., по относительной подробности, вѣрности названій и отчасти новости заключенныхъ въ ней свѣдѣній, пока незамѣнима. Конечно, при лучшемъ исполненіи, можно бы достигнуть большей разборчивости (теперь и лупа невсегда помогаетъ) и вмѣстѣ подробности: стоило оставить бѣлымъ или покрыть болѣе блѣднымъ цвѣтомъ то, что окрашено зеленью, названія писать мельче, но чотче, горы изображать нетакъ грубо. Карта незаключаетъ въ себѣ весьма многихъ данныхъ, приведенныхъ въ изслѣдованіи, къ коему приложена. Такъ въ ней нѣтъ селъ, которыя были бы нужны, если бы карта соотвѣтствовала такому описанію границъ преобладающаго русскаго населенія, какъ напр. опис. запад. границы въ народоопис. Шафарика, приводимое и Я. Ѳ. Г. въ соч. «Розправа о яз. южно-рус.»; нѣтъ названій многихъ изображенныхъ на картѣ притоковъ; вовсе нѣтъ названій горныхъ вершинъ. Согласно съ этимъ неслѣдуетъ принимать въ точномъ смыслѣ словъ автора: «для удобнѣйшаго осмотра карты опишемъ подробно, что на ней находится» (I, 674), ибо на картѣ — гораздо меньше, чѣмъ въ описаніи. Какъ бы ни было, кто имѣетъ въ виду, что лучшее, если и есть, то мало-доступно; что это — приложеніе къ изслѣдованію и сборнику (почему на пр. изъ селъ обозначены почти только тѣ, гдѣ записаны пѣсни, внесенныя въ сборникъ), тотъ скажетъ спасибо автору.

Въ IV-ой гл. Изслѣдованія (*«Объясн. этн. к.)* обращаютъ на себя вниманіе топографическія и этнографич. названія, которыя, какъ замѣчаемъ авт. (I 674), малоизвѣстны или вовсе неизвѣстны въ пра-

вительственномъ мірѣ и въ письменности, но большею частью изстари сохраняются въ преданіяхъ народа.

Сначала разсматриваются названія мѣстностей и жителей по мѣстностямъ: *Горы* (какъ собств. имя Карпатъ нынѣ и въ древней Руси) и *Горяне* (274—5), *Подгорье* (276), *Чорногоры*, *Бескиды* (275 и раньше, 557—8), *Дѣлъ (Діл)* и *Поддѣляне*, *Задѣляне* (276), *Верховина* и *Верховинцы* (276 — 8), *Краина* (278—80), *Маковица* (280), *Покутье*, *Ляцкая* и *Волоская земля* (281 — 2), *Коломыя* [1]) (какъ названіе страны по городу) и *Коломыйцы* (281 — 2) [2]), *Подолье* и *Подоляне*, *Ополье* (*Поле* Ипатьевской лѣт.) и *Ополяне* (682 — 4), *Полѣсье* Галицкое) *и Полѣщуки* (684—5).

По поводу нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ здѣсь словъ замѣчу слѣдующее.

Понятно, что въ равнинной части южной Руси карпаторусскія названія горъ и т. п. неизвѣстны. Таковы напр. *полонина* (интересное примѣчаніе у Гол. I, 577); *бърда* (серб. чеш. брдо), скалистая гора; *бърце*, холмъ; *борола*, утесъ (слов. bralo, чеш. bradlo); *боўд*, камень, скала (б. м. въ связи съ мр. *бовдур*, вр. *болдырь); цiп*, тѣснина (ср. серб. процијеп, ст. русс. проскѣпъ); *хеб;* гребень или хребетъ горы; *кичера*, лѣсистая гора (Wahilevič, Čas. Č. M. 1841. 513), *Магура* (у Гол., I 562, это собств. имя, у Вагилев. l. c. *могыра*, огромный); *Граготь* v. *Грохоть* (у Гол. ib 563—собств. имя горы въ Коломыйск. окр., на югъ отъ села Космача; серб. *гр̏охот*, камењак, стијена = скала, скалистое мѣсто); *мучна*, horská luka (Wah.): *плой*, горный путь (и какъ собств. имя; рум. *plaiй*); *осуга*, stržina (Wah. ib); *облазъ* («пустилися білі мраки долів облазами», Гол. III, 224); *щолб*, culmen (Wah.); *татра*, горная вершина покрытая лишь низменною растительностью; *вертеб* или *вертеба* (?), воронкообразная котловина, футовъ въ 90—100 въ поперечникѣ; въ Коломый-

---

[1]) Замѣчу къ слову: въ вост. Малороссіи (не говоря уже о запад.), а отсюда и въ Великой Россіи, довольно обыкновенна фамилія *Коломыець*, *Коломыйченко*, *Коломыйцевъ*, откуда — «болѣе облагороженная» (во вкусѣ «Саллогубъ» изъ Салогубъ или Сологубъ)фамилія одного изъ героевъ Тургенева, Калломейцовъ (*е* изъ *ы* произносимаго какъ э), неимѣющая связи съ Коломенцевъ и Коломна. *Коломыя* впрочемъ есть противень *Коло-мнѣ* (стар. Коло-мьно, напр. Новг. I л. 30), какъ и *Калугѣ* и *Коно-топу*. Фамиліи, какъ Коломыець, Бойко и т. п., встрѣченныя гдѣ нибудь в Бассейнѣ Дона или Волги, суть мѣлкія иллюстраціи великаго теченія народа на востокъ.

[2]) Стр. 275—282 обозначены ошибочно вм. 675—682.

скомъ, Чортковскомъ, Черновецком у. лѣтомъ туда ставятъ пасѣки, (Гол. I, 566) и др. (см. ib. 562 et pass.).

Съ другой стороны можно бы ожидать, что иныя изъ этихъ названій, хоть съ затемненнымъ значеніемъ, изъ горъ перейдутъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ; однако такихъ случаевъ удалось замѣтить очень мало:

Въ вост. мр. «там такі нéтрі, такі яри та *бескéди....*»; въ одной рукописной мр. поэмѣ (авторъ, кажется, — Кременчуц. у. Полт. г.) я отмѣтилъ: «там *бескета*, там западня, твань»; «темная *бискета* глибокого проваллян». Это врядъ-ли можетъ быть отдѣлено отъ *Бескидъ*, *Bieszczad*, гряда горъ и горныхъ пастьбищъ, полонинъ, съ зап. на вост. отъ Яблонковскаго перевала до истоковъ Стрыя на сѣв. склонѣ Карпатъ и Латорицы на южномъ. Сближеніе этого слова дѣлаемое канон. Петрушевичемъ (Гол. I 558) некажется мнѣ убѣдительнымъ.

Грунь ж., соб. имя горы (Гол. I, 562), какъ нарицат. — покрытая лѣсомъ возвышенность (Wah. I. с. 51); у Подгалянъ *gruń* strmé ubočí; слов. «z gruňa do doliny, a z vrška do hory (Koll. I, 103 у Дювернуа, Объ ист. насл. въ слав. словообр. 5). Въ вост. мр. въ смыслѣ нарицательномъ невстрѣчалось, но *Грунь*, ж., село между Ахтыркою и Зиньковомъ, на лѣсистой возвышенности, идущей по правому берегу р. Ворскла (м. р.). Г. Дюверуа l. с. смѣшиваетъ это слово съ вр. *грунь*, ж., малая рысь (ити на *груняхъ*, *грунью*; *взгрунь*, нар. шибко, съ *въз-* начинательнымъ, какъ въ *на взрыдъ*, мр. *наздогін*), куда и ст. русс. «поидоша къ собѣ на грунахъ обои, Лавр.' 161; да поидуть тихо на грунахъ, Ип.' 93,5. Наиболѣе вѣроятно, что *гру-нь*, рысь = **грж(д)*нь, съ опущеніемъ *д* [какъ въ ст. сл. *повонь* (Mikl. Lex. Jo Экз.; Библ. 1499 у Бусл. Матер. для ист. письм. 49), мр. (галиц.) *повень* (Wahil. Gram. IX), *повінь* powódź, наводненіе, и какъ въ вр. *запань*, заводь, заливъ], и съ корнемъ одинаковымъ съ польск. *gręda* (= *гржда), рысь и граджь. Менѣе удобно предположеніе основной ф. съ *у* (не съ *ж*) и безъ *д*, при чемъ *гру-* = *гар (скр.*джар*-а-тê двигается, приближается, подходитъ, BR., б. м. родствен. съ *чар-*, curro). Я говорю здѣсь объ этомъ потому, что послѣднее объясненіе въ звуковомъ отношеніи годилось бы для *гру*-нь, лѣсистая гора (к. **гар* (= **гру*), что въ *гора*) если бы это слово своимъ начальнымъ g (а не h) въ словацкомъ неуказывало на свою иноземность. Ср. серб. *грумен*, глыба и сред. лат. gruminus, acervus (Matzenauer Cizí sl. s. v.).

Въ стихѣ «Ой летіла зозуленька через *діловання*» (Чубин. V, 468),

а въ другом варіантѣ *делування*, можетъ значить «черезъ гору». По крайней мѣрѣ мнѣ невидно смысла въ предположеніи что здѣсь — *дилювання* = п. dylowanie, das Dielen (криниченька дилём дилёвана, Чуб. V, 157, 363, рубленая, со срубомъ). Ср. глубокодревнее *дѣлъ* въ зн. горы (какъ водораздѣла? серб. *дијел*, *део*, гора; *уздијел* — взгору), оставшееся въ Карпатахъ и какъ нарицат. (ср. *ділъ*, Wah. Čas. 1841, 51 = mírná vyšina), и въ соб. именахъ: *Сухаръ-дѣлъ* (=діл), въ Буковинскихъ Карпатахъ, на зап. отъ села Якобенъ (Гол. I, 564), *Рускій дѣлъ*, *Ямненскій дѣлъ* (ib. 686); въ Ипатьев. лѣт. (175). — *Борсуковъ дѣлъ*, на пути отъ мѣст. Шипота черезъ Кирлибабу въ мѣст. Родну (Голов. ib. 579).

Уже какъ нѣчто непонятное звучатъ въ колядкѣ, запис. въ Уманскомъ у.

«А в лісі, лісі, лісі *недоборі*....»
(Чуб. III, 419).

Здѣсь — указаніе на происхожденіе этого варіянта стиха. *Недоборъ* есть *Медоборъ*, о коемъ у Голов. (I, 555—6) — слѣдующее: сѣверная половина пространства на сѣверъ отъ Днѣстра, ровная и лѣсистая (Полѣсье), съ юга окаймлена крутыми спусками отроговъ Европейскаго водораздѣла (*Медоборы* и *Товтры*); южная же половина (Ополье и Подолье) представляетъ плоскую возвышенность, съ которой параллельно текутъ притоки Днѣстра.

При вышеупомянутомъ *щолб*, culmen, вост. мр. *щолопок*: «почвалав на щолопок у край гори»; «виліза меж люд на щолопок (видное мѣсто Ѕ) з закамарка» (ркп. стихотв. Бублія).

Затѣмъ авторъ переходитъ къ тремъ названіямъ этнографическаго характера: *Гуцулы* (685), *Бойки* (712) и *Лемки* (775).

Гуцулы или *Гоцулы* — русскіе горцы въ Станиславовскомъ и Коломыйскомъ у. Галиціи а также въ Мараморошѣ и Буковинѣ «Названіе ихъ производятъ отъ рум. *гоцъ* или *гуцъ* (разбойникъ) съ членомъ -*ул*.... Это имя могло быть сначала нарицательнымъ браннымъ» (686). Оно встрѣчается впервые въ занесенныхъ въ актовыя книги начала XVIII в. дѣлахъ о разбояхъ опришковъ, въ шайкахъ коихъ, что характерно, находились и Бойки, и Волохи (ib), но конечно гораздо древнѣе этого времени, равно какъ и тѣсно связанное съ нимъ нариц. *опришокъ* (ib. 706, 11).

Опришки для мѣстностей, населенныхъ Гуцулами и Бойками,

были до половины XVIII в., а въ преданіи остаются до нынѣ тѣмъ, чѣмъ для южныхъ славянъ гайдуки и ускоки. «Пійти у опришки» (Г. I, 164) имѣло при себѣ синонимичное «пійти въ гайдамахи» (Żeg. Pauli. P. L. R. II, 201). Говоря вообще, въ опришки шли люди не съ дуру [1]), не изъ жажды наживы, которая могла служить лишь второстепеннымъ побужденіемъ, а потому, что, какъ говоритъ серб. пѣсня о гайдукѣ Новакѣ, ихъ гнала «голема неволя» «врат ломити, по гори ходити». Коломыйка, запис. въ Чортковскомъ у. говоритъ:

Черезъ тиї рекруточкі, черсъ тиї Ляшкі
Покидаю вітця, матер, та йду в гайдамашкі.
Ž. P. II, 205.

До рекрутчины бывало другое подобное, такъ что основы карпаторусскому гайдамачеству могли быть положены одновременно съ переходомъ Галичины подъ власть Польши, а можетъ быть и до этого. Авторъ приводитъ слова Длугоша объ исконныхъ насельникахъ и дѣдичахъ земли Русской и Подольской, которые, будучи тѣснимы лакомствомъ польскихъ пановъ, понуждаемые бѣдностью и отчаяніемъ, бѣжали къ Татарамъ и наводили ихъ на свою прежнюю батьковщину (Г. I, 628), и извѣстіе Кромера подъ 1491 г. о нѣкоемъ Мухѣ, rusticanus homo, который, набравши изъ Волошии и Покутской Руси 10,000 войска, воевалъ съ Поляками (ib. 692—3). Поселеніе Волоховъ въ Буковинѣ — массами, а отдѣльно и въ другихъ мѣстахъ Галицкой Руси, связало и ихъ съ карпаторусс. гайдамачествомъ и дало, по всей вѣроятности, самое имя Гуцуламъ. Опришки, между прочимъ именно Волохи, нѣсколько разъ упоминаются въ запискахъ современниковъ о Хотинскомъ походѣ (Pamiętniki o wyprawie Chocimskiej, r. 1621. Z rękopismów współczesnych i druków mniej znanych zebrał Żegota Pauli. Krak. 1853): Подъ 14 авг. 1621: «Opryszkowie, padłszy na czeladź, co po trawę z tamtej strony Dniestru jeździła siła ich pobili i żywcem pojmali (стр. 115; тоже подъ 27 и 29 авг.: «Opryszkowie z Tatarami się złączywszy... 122—3). Подъ 2 сент.: «ks. Czartoryski z ludem swym pod Żwańcem stanął, o północy od opryszków Woloszy rozgromiony tak, że mu i czeladź pobito i konie pobrano (ib 78). 5 septembris, w niedzielę: Wołoszy, która w kuczkach i w budkach pod zamkiem mieszkała, dla tego że opryszkami przed tem byli (да еще были-ли) i o Janczarach, których

---

[1]) «Такъ, отъ нѣчего дѣлать, со скуки». Это мнѣніе В. Кельсіева, почему-то цитируемое Авторомъ (I, 707).

się kilkaset do nas przekinąć..chciało, Cesarza przestrzegli i obóz snać (!) w nocy zapalić mieli z naprawy nieprzyjacielskiej.... zrzucono z mostu osób kilkadziesiąt....; białym głowom i dzieciom nieprzepuszczano, i to stupendum, iž ono, mając związane nogi i ręce, gdy je do wody miotano, a jednak tak dobrze płynęli, namniej się niezalewając [1]), až ich na wodzie z muszkietów bito i strzelano» (48; ср. ib. 81: Волохи занимались маркитанствомъ и обозная челядь при избіеніи ихъ могла имѣть въ виду выручить заставленныя у нихъ вещи). Подъ тѣмъ-же числомъ: «Dostali kozacy opryszka jednego z Rzepnicy Rusina, który przenajęty od Cesarza Tureckiego za dwadzieścia czerwonych złotych i obietnicami wielkiemi omoroczony, miał był zapalić obóz nasz; na mękach powołał kilku poddanych p. Humińskiego... a sam nazajutrz gardło dał od rąk katowskich» (ib 133). Подъ 12 окт.: Gromili naszych tež ukradkiem Tatarowie i po goscińcu do Kamieńca oprzyszkowie» (180; ср. 182). Опришки упоминаются здѣсь, какъ нѣчто давно извѣстное: т. о. южная опришнина документально немногимъ новѣе Московской, изъ чего неслѣдуетъ, что между этими явленіями была другая связь, кромѣ этимологическаго смысла имени.—Въ свр. причитаньи вдова говоритъ:

«Вся въ собраньицѣ любимая семеюшка.
«Они пьютъ, сидятъ теперь да угощаются;
«Ужъ какъ я, бѣдна кручинная головушка,
«*Опришенна отъ* любимой отъ семеюшки,
«Отряхнулась я отъ свѣтлой новой свѣтлицы,
«Отрѣшилась самоваровъ я шумячіихъ
(Барсовъ, Причит. 40);

Сирота:

«Навязалася злодійка лиха мачиха:
«Ейны дѣти бытто сыръ въ маслѣ катаются,
«Опришенной я, какъ варомъ обливаюся...
(ib 85—6).

Конечно, ошибочно мнѣніе издателя, что *опришенной* есть отрѣшенный.

Южные опришки были тоже люди волею-неволею ставшіе *опрись*, кромѣ, внѣ общества, вдали отъ его относительнаго спокойствія и удобства. Вѣроятно большинство опришковъ могло-бы примѣнить

[1]) Ср. топленье вѣдьмъ въ «Конотоп. вѣдьмѣ» Квитки.

къ себѣ то, что въ коломыйской пѣснѣ говоритъ о своемъ положеніи попадя Маруся, ставшая любовницею опришка:

«Ой як же мені сумненькій небути?
«Ненавчила я ся корчима ходити,
«З звора воду пити, с торби хлібом жити,
С торби хлібом жити, на камени спати...
...«Ой як же мені та несумовати?
Покинула ж бо я попа молодого,
Попа молодого та ще недужого,
Детинку маленьку, та й росповитеньку,
Коровки дійниї та й слуги вірниї:
Попонько читає, мене споминає;
Детину купают, мене споминают;
Коровки ревут, волосінько мечут,
Детинонька плаче, серденько вриває,
Мені молоденькій все жалю додає!
(Гол. I 156).

О въ *о-присно*, *о-присьно*, коихъ неслѣдуетъ смѣшивать съ *опроче*, *опрочь* (въ моей ст. Зам. о мр. нар. 30), можетъ значить тоже, что въ *о-проче*, *о-кромѣ*, *о-собѣ*. Впрочемъ не отъ него зависитъ въ самомъ *присьнъ* знач. *особый*, отдѣльный, развившееся изъ знач. близкій, родственный, свой, собственный. Этому «стати о собѣ» въ *опришникъ*, *опришокъ* соотвѣтствуетъ серб. одврћи *се*, *одметнути* се у хајдуке (съ обозначеніемъ мѣста, куда: у равно приморје, Кар. П. II, 401—2).

Въ южной опришнинѣ, какъ и въ гайдамачествѣ XVIII в., мало замѣтно сознаніе высшихъ политическихъ и соціальныхъ цѣлей, что немѣшало народному сочувствію быть на ея сторонѣ. Замѣчательно между прочимъ слѣдующее: «На Добошеву хату, Добошеву кирницу указываютъ еще и нынѣ... какъ на священные памятники, а потомки Стефана Дзвінки, убившаго изъ ружья Олексу Добоша [1]) (ок. 1739), живутъ до сихъ поръ въ селѣ Космачѣ особнякомъ, подъ народной опалой. Никто ни дружится, ни сообщается съ ними» (Г. I, 709; ср. ib 686 прим. Пѣсня о Добошѣ въ Рус. Днѣстр. 7, Гол. I, 152). Какъ Фридрихъ Рыжебородый, Марко Королевичъ, Стенька Разинъ, Михайликъ (Кулиш, Зап. о Ю. В.), Добошъ принадлежитъ къ лишь на время удалявшимся ге-

[1]) Одинъ изъ послѣднихъ, памятныхъ народу опришковъ.

роямъ entrückung, bergentrückung), которые рано или поздно должны возвратиться: «Сонечко вже потало у Чорнугору, щоби там нашому панові Добошеві поклонитися, тай його у «красний храм» (на храмовой праздникъ) запросити. Чогось баритця ще любчик наш, але прийде він колись, хиба би тоту Чорнугору вітер уж роздув» (Въ одной изъ повѣст. Федьковича, по видимому на основаніи народнаго сказанія).

По свѣдѣніямъ 1872-4 г., подробно приводимымъ авторомъ (I, 688-91), Гуцуловъ въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорщинѣ за 107,000.— Изъ сообщаемаго авторомъ о ихъ бытѣ, особенно о главномъ занятіи, скотоводствѣ, отмѣчу нѣсколько словъ подтверждающихъ другія соображенія о томъ, что карпатскіе горцы до нѣкоторой степени обособились не только въ силу условій мѣстности, но и въ силу инонароднаго южнаго, преимущественно румынскаго вліянія. Таковы:

Бриндза (и=ы), родъ овечьяго сыра, слово вм. съ самою вещью получившее извѣстность и далеко на сѣв. отъ Кракова; Рум. бржнзъ brẽnzè, сыръ (Matzenauer).

Вурда, овечій творогъ, бѣлѣе брындзы и менѣе жирный, сл. перешедшее и въ восточную Малороссію, гдѣ приготовленіе сыра кипяченіемъ молока въ народѣ мало извѣстно, уже со значеніемъ творогообразной накипи (бармы) на маковомъ молокѣ, за тѣмъ—*макухи*, маковыхъ и конопляныхъ выжимокъ («вареники з урдою»). Серб. хорв. *урда*, lac coogulatam, словац. serum lactis, рум. урдъ творогъ.

У Лемковъ *кглякг* (*кг* = лат. g), у Гуц. *кглякг*, молоко ссѣвшееся въ телячьемъ желудкѣ, самый этотъ желудокъ, употребляемый для створаживанья («молоко зкгледжилось»), словац. морав *glag*, *klag*, coagulum, Греч. (гомер.) γλάγος, молоко. «Это указываетъ, говоритъ Авторъ, на близкія сношенія нашихъ карпатскихъ горцевъ съ Греками въ самой отдаленной древности, когда, по словамъ Нестора, «Словѣне сѣли суть по Дунаеви» и пр. Тамъ въ сосѣдствѣ Греціи предки нашихъ Гуцуловъ, Бойковъ и Лемковъ научились *глягати* молоко и дѣлать брындзу. Оттуда они вынесли слова, какъ *колиба* (пастушій шалашъ, χαλύβη) и *Бескиды* (горныя пастбища, βόσκω)» стр. 700—1,558. Мнѣ это кажется весьма сомнительнымъ, ибо, если-бы кглякгъ было заимствованіемъ столь древнимъ, то въ немъ *кг* = лат. g измѣнилось-бы въ г = лат. h. Заимствованія съ Греческаго, конечно посредственныя, встрѣчаются и относительно новыя, напр. черноморское *агел*, кошара для овецъ (ἀγέλη стадо) — отъ

румын. чабановъ въ XVIII в. (Я. Кухаренко, Вівці и чабани въ Чорноморії, Основа 1862, май), или слышанное мною отъ старухи въ Ром. у. Полт. г. *аркгат*, работникъ, наймитъ (серб. аргат, гр. ἐργάτης), от Сербов или Болгаръ. Замѣчу еще, нерѣшаясь на какіе-либо выводы, большое сходство сл. *glag* съ Лит. *krékėti*, створаживаться, *krėkenos* ж мн. молозиво, *sąkrėkos* ж. мн. = *клякгяный сиръ* (слово извѣстное, хотя и мало, въ вост. малоросс. оно есть и въ Граммат. Павловскаго).

Пастухи въ горахъ доятъ весь скотъ (т. е. овецъ, козъ) *въ гаљ* (въ одно мѣсто), сливаютъ молоко въ мѣдный котелъ, нагрѣваютъ съ небольшимъ количествомъ *кляекгу*, затѣмъ собираютъ творогъ въ *бундзы* или *будзы* (большіе комья; у Бойковъ—*грудки*, Wahilew. Čas. l. c.), просушиваютъ на полкахъ, переминаютъ съ солью и набиваютъ брындзу въ *бербеницы* (бочонки, рум. бербенцъ, мадяр. berbencze, которое по Миклош. Fremdwört. м. б. слав. происхожденія, во всякомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ слав. суффиксъ.

Струнка, заборъ особаго устройства въ *стаљ* (оградѣ для скота), приспособленнный для доенія *дробу* (*дріб*, мѣлкій дойный скотъ), словац. *strunga*, id., серб. *струга* id. и вообще отверстіе въ плетнѣ, заборѣ, рум. *струнгъ* отара, алб. *štrungъ*, н. греч. στρούγγα, ограда, обора. У Гуцуловъ» въ оградѣ, называемой загорода, въ одной стѣнѣ оставляются между кольями такія отверстія, что чрезъ нихъ овца или коза можетъ пролѣзть. Когда настанетъ пора доенія (рано утромъ и вечеромъ, когда пригонятъ скотъ съ пашни), пастухи присѣдаютъ съ дойницами внѣ ограды въ дырахъ струнки, а одинъ идетъ въ загороду и батогомъ нагоняетъ овцы въ струнку, приговаривая *птрутъ*-гá! фють! Когда овца собирается пролѣзть сквозь отверстіе, стоящій снаружи задерживаетъ ее, выдаиваетъ, пускаетъ вонъ и принимается за другую, тѣснящуюся за первою (Г. I 700). Если русс. *приструнить*, припереть, строгостью заставить что-либо дѣлать, зн. соб. «припереть къ стрункѣ» и отлично по происхожденію отъ *струнить* волка, лису, т. е. поймавши живьемъ, перевязывать сворой рыло; то сл. струнка было извѣстно и въ вост Малороссіи. Однако въ Черноморіи, куда вмѣстѣ съ бывшими запорожцами переселилось при Екатеринѣ отъ Днѣстра немало Волоховъ, знающихъ чабанское дѣло, оставившихъ послѣ себя и до нынѣ прежніе чабанскіе порядки и терминологію, большею частью нерусскую, это слово неизвѣстно, а вмѣсто него употребляется русс. *роскіл* (Я. Кухаренко. l. c.).

Плекати. Передъ «полонинским ходомъ» «лихо визимованих» яг-

нятъ, которыя недойдутъ въ полонину, хозяева отдаютъ бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, «щоби собі *виплекали*» (Гол. I 698). Въ Черноморіи «овець вимъя́тих (з порченим вимъям) відлучають в *я́лову*, а ягнятко «*пля́кається* чабаном під другою вівцею молошною... Коли одна вівця *непопляка* обох ягнят, то...» (Кухар. l. c.). Отсюда въ Галиц. плекати, воспитывать вообще, нѣм. *pflegen*?

Еще одинъ чабанскій терминъ неяснаго для меня происхожденія, но несомнѣнно заимствованный, даетъ поводъ разсмотрѣть и всю пѣсню, въ коей онъ встрѣчается. Пѣсня эта (у Гол. I, 225—6; II, 678; III, 29 (№ 18), 189—90, 293—4; Чубин. V, 414), весьма извѣстная и на вост. (напр. въ Харьков. г.), содержаніемъ, а отчасти и формою своею указываетъ на то, что она идетъ отъ Днѣстра или Прута. Одни изъ лучшихъ варіантовъ именно буковинскіе.

Владѣлецъ стада и вм. съ тѣмъ чабанъ, отаманъ, *ватаг* (у Гуц. старшій пастухъ, начальникъ *стаи*; Микл. ср. съ рум. *вътав*, dux, но здѣсь, кажется, скорѣе Румыны взяли отъ Руси впрочемъ нерусское слово)

...вівці *корняє*,
теленочку виграє
(Г. I, 226: корн*яя*, выгр*ая*).

*Корня*ти = черномор. *пурняти*; *пурняло*: лѣтомъ, напоивши овецъ ночью идутъ «на пурняло» на ночной попасъ (Кухар. l. c.). Стало быть въ пѣснѣ чабанъ останавливаетъ или гонитъ отару на отдыхъ. Согласно съ этимъ *телен*очка можетъ б. сближено съ серб. (заимств.) *тенан* въ выраженіи «на тенану», bei musse, bequem, и есть б. м. мотивъ, играемый на сопилкѣ или козѣ (ср. у Кухар. l. c. описываемый имъ чабанскій наигрышъ «штирі — вирі»), какъ сигналъ, на шаба́шъ, или просто на досугѣ.

Этотъ «ватагъ» на мѣстѣ отдыха созываетъ своихъ чабановъ, даритъ имъ по овцѣ (Харьков. вар: На молодці гукає: «Ой ви хлопці молодці! Ой нате же вам по вівці) и поручаетъ имъ сказать дѣвкѣ, чтобъ она его неждала, лѣтъ нетеряла, п. ч. я молъ еще молодъ, да и (иронія) бѣденъ:

«Стадо коней въ бушнику,

(т. е. въ бучнику, буковомъ лѣсу; такъ слѣдуетъ читать вм. въ бужнику, Гол. I, 226; вар. *въ дубнику*, появился тамъ, гдѣ уже нѣтъ бука)

«Скриня з грішми в земнику,
«Сім сот овец дійнику (Гол. *в* дійнику),
«Ялівнику без ліку,
«А дівчина — в літнику»,

т. е. только у нея и есть, что на ней лѣтникъ. Онъ боится неровни, какъ Волоскій воевода въ пѣснѣ XVI в. (моя ст. Мр. н. п. по сп. XVI в. 3). Но на сторонѣ дѣвицы тоже сила: по совѣту матери, она чаруетъ, варитъ приворотный корень, идеальное растеніе *розмайзілля*. *Розмáй*-зілля есть вост. мр. искаженіе, угорскорусскаго *розмария* rosmarinus. (Гол. I, 337, и пр.) Эта послѣдняя форма вмѣстѣ съ символическимъ значеніемъ розмарина (дѣвство, и пр.) зашла черезъ Словаковъ от западныхъ Славянъ: у Хорватовъ Угорских «Mila moja, mila, ruda (ruta?) rozmarija», Kurelac, Jačke, 25; у. В. Луж. дѣвичій вѣнок изъ руты, розмарина (rósmarija), гвоздик, Schmaler — H. II, 183. Въ силу этихъ чаръ привороживаемый долженъ прилетѣть по воздуху [1]), но на вопросъ

«А що тебе принесло?
«Ци човенчик, ци весло?

онъ отвѣчаетъ:

«Приніс мене сивий кінь
«До дівчини на поклін.

Отсюда видно, что и самыя чары — только черта условнаго поэтическаго языка, а въ дѣйствительности это «чари готові: білее личко и чорні брови (Гол. III, 30 и др.). Хотя отрывокъ, записанный въ Мукачевскомъ уѣздѣ, прибавляетъ весьма реальную подробность полета, именно, что причарованный опустился на вершину груши (такая черта встрѣчается въ разсказахъ о полетахъ при помощи помощи вѣдемскихъ снадобій), но смягчаетъ этотъ реализмъ символизмомъ:

Голуза ся схилила,
Милейка ся вклонила (Г. III, 243).

Въ первыхъ стихахъ пѣсни:

По тім боці Дуная,
Недалеко від края
Чабан...

---

[1]) Ср. Караджич. Пjес. I, 350, гдѣ такія же чары, размѣръ тотъ же (4 + 4), но пѣсня совсѣмъ другая.

слѣдуетъ видѣть не географическое указаніе, а такой же символизмъ, какъ и въ другихъ началахъ той же пѣсни:

При бéрезі, при морі
Гуляв козак доволі (Г. III, 29),

коими объясняется уже вовсе лишенное реальнаго смысла

Ой *на* морі, на морі
Гуляв козак... (Чуб. V, 414)

Образъ «быть у воды, около воды» значитъ: быть въ порѣ любви, любить; этому состоянію молодца въ разсматриваемой пѣс. соотвѣтствуетъ у дѣвицы то, что она

По світлонці ходила
Косу русу чесала,
На молодці моргала (Г. III, 29)

Т. о. относительно реальны здѣсь только черты чабанскаго быта и богатства. За позднѣйшія искаженія считаю 1) то, что въ нѣкоторыхъ вар., м. б. подъ вліяніемъ реально понятаго начала п. съ Дуная, вм. овецъ—гуси, а вм. овчаря почему то писарь:

На широкім Дунаю
Писарь гуси зганяє (Г. II, 678);

2) что во мн. вар. стои́тъ «чабан вівці *ганяє* или «*зганяє*» (замѣна термина *корняє-пурняє*, ставшаго непонятнымъ); 3) то, что въ вар. у Г. III. 189 чабанъ за причину отказа дѣвицѣ выдаетъ:

Бо я хлопец молодий
Ще до того *войсковий;*
Як я піду на війну,
Тебе лишу на біду...,

но тѣмъ не менѣе въ концѣ совсѣмъ некстати описывается богатство чабана и противопоставляется тому, что «дівчина въ літнику».

Позволю себѣ еще выписать слѣдующее:
«Полонины (какъ Нѣмцы называютъ, die Alpen), нагорныя пасть-

бища, пространствомъ отъ 500 до 1000 десятинъ и больше, принадлежатъ нѣкоторымъ богатымъ владѣльцамъ изъ крестьянъ. Однако же общинное право, сохранившееся съ древнихъ временъ, допускаетъ всѣхъ жителей деревни пасти свой скотъ за условленную награду владѣльцу земли. Плата постановлена натурой (8—12 бербеницъ брындзы за лѣто) и землевладѣлецъ несмѣетъ ее отмѣнить. На основанiи этого обычая бываетъ ежегодно передъ *полонинскимъ ходомъ* сгонъ скота на пробное доенье (*мѣшенье*). Для *мѣшенья* выбираютъ близь полонины лежащую гуцульскую усадьбу съ просторной *цариной* (поляной). Въ условленный день каждый хозяинъ, желающiй въ извѣстномъ полонинскомъ пашеньи участвовать, пригоняетъ весь свой дойный скотъ на мѣсто мѣшенья. При угощенiи хозяиномъ усадьбы, нанимаются на лѣто пастухи (*вівчѣрі бутеї, ледіні*) и выбираются изъ нихъ *ватагъ* или *ватажко* и старшiй пастухъ. Плата (сембриля) производится также брындзой съ придачей по парѣ постоловъ (кожаныхъ лаптей). Послѣ приготовляютъ извѣстной вмѣстимости дôйницу или гарчикъ, въ который каждый хозяинъ, при свидѣтеляхъ *ватагъ* и *леденяхъ*, доитъ свой скотъ. Они мѣряютъ и отмѣчаютъ на особой къ этому дѣлу приготовленной дощечкѣ (*лещаткъ*) нарѣзомъ или зарубкой (не «чьрты» ли это и «рѣзы» «черноризца Храбра», спрашиваетъ авторъ), сколько гарчиковъ было молока съ $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_8$ и пр. Сообразно пробному удою, опытные овчари разсчитываютъ, сколько хозяинъ долженъ получить брындзы или урды за лѣто...» (I, 697).

Для объясненiя термина *мѣшенье* важны значенiя серб. *мијешати* (незанесенныя въ словарь Караджича): а) сравнивать: «ништа се са здрављем помијешало није»; «ништа се с образом није измијешало» = ничто неможетъ сравниться со здоровьемъ; нѣтъ ничего дороже чести (стыда, совѣсти), Кар. Посл. 225, 274; б) мѣнять, торговать: «са својим и пиј и једи, али ништа немијешај (v. нетргуй)» ib 275. Значенiе сравненiя и мѣны предполагаетъ зн. измѣренiя, во всякомъ случаѣ тѣсно связано съ нимъ: скр. *mâ* — metiri, въ Ведахъ зн. также мѣнять (tauschen, wechseln); вр. *примѣрять*, сравнивать=*примѣнять:* «лицо... примѣнить къ снѣгу бѣлому, щечки къ маку алому, русы волосы—ко травонькѣ къ муравонькѣ» (Перм. Сб. I, 32; Даль Слов.); *примѣряться* къ чему = *примѣняться*, приспособляться. Думаю, что вышеприведенное серб. *мијешати* зн. первоначально мѣрять; юр. *мѣшенье* — соб. измѣренiе; то и другое можетъ быть отнесено къ тому *мѣс-*, возводимому къ *mâ* мѣрить, которое въ *мѣс-яць* (какъ измѣритель времени), и отдѣлено отъ скр. *miç*, (въ

мисра), слав. *мѣсити-мѣшати*, лит. *misзti-maisзyti*, miscere, смѣшивать. [1])

Лещадку съ нарѣзками раскалываютъ пополамъ, такъ чтобъ на обѣихъ половинахъ оставались тѣ же значки; одну половину беретъ владѣлецъ скота, а другую ватагъ, для справокъ (Г. I, 698). Эта архаическая форма обоюдной расписки примѣняется, какъ мнѣ сообщали, въ вост. Малороссіи, когда на пр. къ куску сукна, отдаваемаго на сукновальню, привязывается одна половина расколотой вдоль бирки, между тѣмъ какъ другую беретъ тотъ, чье сукно.

Самое сл. *лещадь* — а) палка, *расколотая* съ одного конца, для ущемленія чего либо, на пр. для съема съ дерева плодовъ (ср. ст. русс. *про-скѣпъ*, Лавр. л. подъ 1071, серб. *процијеп*), а также, какъ выше, и совсѣмъ расколотая; вр. плита (какъ отколотая: *лещить* камень, колоть). Поль. *leszczotka* = лещадка. Ср. лит. *reszkiu*, *reksзti*, рвать, на пр. цвѣты, плоды (значеніе сродное съ *чесать* въ см. рвать и колоть, мр. одчахнути); *rėksзсзеі*, *іu*, вилы сѣнныя. Иначе Миклошичь, который въ Gram. II, 210 сравниваетъ *лещадь* въ см. плиты съ *лѣск*— въ *лѣштати са*.

Бойками (ед. *Бойко*, *Боёкъ*, *Бойцунъ*) называютъ жителей сѣвернаго склона Карпатъ отъ Ломницы на востокѣ до истоковъ Днѣстра, въ Стрыйскомъ и Самборскомъ у. «Въ Дрогобичѣ, Добромилѣ, Перемышлѣ, Львовѣ говорятъ: Бойки — за Днѣстромъ, въ горахъ». «Гуцулы говорятъ: «вітер з Бойка повіяв», т. е. съ сѣверозапада», но по ихъ мнѣнію Бойки и надъ Прутомъ, и надъ Днѣстромъ; Подоляне у Гуцула тоже Бойки. Подгоряне въ Струтинѣ и Рожнятовѣ (Стрый. у.), стало быть въ мѣстностяхъ, которыя г. Кочубинскій (Отчетъ о занят., XVIII т. Зап. Новоросс. Ун., отд. отт. 40) почему то считаетъ средоточіемъ Бойковъ, сказываютъ, что далѣе на югъ въ Перегіньску, Ясінью, Сливкахъ *уже* Бойки; но Ясіньці отнѣкиваются, указывая на западъ, а съ ними и Вагилевичъ, тамошній уроженецъ, неназываетъ своихъ земляковъ ни Бойками, ни Гу-

---

[1]) + *мис*-мѣрить внѣ связи съ *мишень*, щит для стрѣльбы въ цѣль (= серб. *нишан*, scopus вѣроятно изъ тур-тат.), а отсюда гербъ: «да два блюда лебежье, да два блюда гусины, одно гладко, а на другомъ четыре мишени, имя Вел. Кн. Ивана Васильевича... на десати мисахъ на краехъ по три мишени, на шти мисахъ на краяхъ по мишенцу, а на дву мисахъ по мишени по Литовскому» Гр. 1509 г. С. Г. гр. I, № 147). Тамъ же отличены синонимы: «Имя Вел. князя.. въ трехъ кружкѣхъ... *клейно*, а на клейнѣ звѣрокъ оленецъ золоченъ».

цулами, а чѣмъ то среднимъ между тѣми и другими (Г. I, 719—20). На прозвище «Бойко», именно, по видимому, съ присоединеніемъ эпитета *«жовточеревий»*, служитъ отвѣтомъ брань: «бойкнуло би тобі в череві» (ib). Поводъ и смыслъ этого эпитета неизвѣстны. Полс. *żółtobrzuch*, pasibrzuch, обжора, чревоугодникъ. У Даля *желтобрюхъ*, желтопузъ, безногая ящерица, ophiosarus serpentinus, что въ примѣненіи къ племени могло бы напомнить серб. «змиjо од Турака». При такихъ условіяхъ врядъ ли можно придавать важность тому, что по свѣдѣніямъ 1874 г. *считалось* (кѣмъ и по какимъ признакамъ) горцевъ Бойковъ 75,937 (Г. I, 716). Это число, а равно и неприбавленное къ нему 14,500 жителей Тухольщины (нѣсколько деревень въ верховьяхъ р. Орявы и Опора, по имени дер. Тухли и Тухольки), коихъ авторъ называетъ прямо горцами Верховинцами показываютъ не число Бойковъ, а число жителей такихъ то деревень

Авторъ допускаетъ, что страна Боики Константина Багрянороднаго *могла* находиться между Днѣстромъ, Ломницей и горами; что жителями ея *могли* быть нѣкогда Кельтскіе *Бои*: они ушли или истребились въ войнахъ, а остатокъ ихъ снизошелъ до положенія презираемаго окрестнымъ населеніемъ, но, и окончательно ославянившись, сохранилъ за собою прежнее прозвище (Г. I, 721). Полемика автора съ Вагилевичемъ относится въ сущности къ степени достовѣрности мнѣнія этого послѣдняго о кельтизмѣ Бойковъ и къ частностямъ этого мнѣнія (ib. 728). Разъ мы въ кругу возможностей, можно допустить и то, что прозвище Бойко дано окрестнымъ русскимъ населеніемъ по неизвѣстнымъ причинамъ, въ родѣ приводимыхъ лѣтописью о Радимичахъ («Пищаньци волчья хвоста бѣгають», подъ 896), и принадлежитъ языку этого населенія. Въ такомъ случаѣ можно бы думать о связи съ *боятися*. Говорятъ, будьто «Бойко робокъ, неразвязенъ, но трудолюбивъ, тогда какъ Гуцулъ смѣлъ и лѣнивъ» (Кочубин. 1. с. 38), что впрочемъ какъ всякая общая характеристика значительнаго населенія («хохолъ лѣнивъ, хитеръ» и т. п.) сомнительно. Возможно, что прозвище Бойко, которое становится документально извѣстнымъ одновременно съ именемъ Гуцуловъ (1703—4, Гол. I, 719) относится не къ столь глубокой древности, какъ думаютъ, и сложилось подъ вліяніемъ мысли о противоположности характера Бойковъ и Гуцуловъ. Коломыйка:

Ой Гуцули, Гуцуленьки, де сьте Бойка діли?
Ци ви его испеклисте, ци сирого зъїли?

—Ни ми єго испеклисмо, ни сирого зъїли,
Ино пшов черезъ гору та го вовки зъїли»
(Г. I, 722)

въ окончательной своей формѣ неможетъ быть древнѣе имени Гуцуловъ, т. е. по всей вѣроятности, XIV вѣка, времени переселенія Румынъ въ Буковину, но м. б.—гораздо позднѣе. Во всякомъ случаѣ говорить о слѣдахъ въ ней людоѣдства. (Воеводскій Эт. и миѳ. замѣтки, Зап. Новор. Ун. XXV, отд. от. 57—8) весьма опасно. Въ другой редакціи, производность которой вовсе не очевидна, это — насмѣшка не надъ Бойками, какъ думаютъ о первой, а надъ Гуцулами:

Ой Гуцули, Гуцуленьки, де ви *батьк*а діли?
Чи зварили, чи спекли, чи сирого зъїли?

Въ слѣдующемъ двустишіи, которое могло быть придѣлано вм. другого, какъ отклоненіе насмѣшки отъ Гуцуловъ, подъ батькомъ можно понимать отца:

—Не зварили, ни спекли, ни сирого зъїли,
Лиш до сирої землї до суду зложили
(Г. III, 478);

но можетъ быть первоначально здѣсь разумѣлся попъ и имѣлся въ виду потѣшный разсказъ, въ родѣ извѣстнаго на Руси: Попъ вообразилъ, что забеременѣлъ; отъ стыда пошелъ въ свѣтъ, нашелъ по дорогѣ замерзшаго, отрѣзалъ у него ноги вм. съ сапогами и взялъ ихъ съ собою; попросился къ людямъ ночевать и залѣзъ на печь. Ночью отелилась корова и хозяева положили теленка на туже печь. Попъ проснулся, пощупалъ теленка, пришелъ въ удивленіе что такъ незамѣтно для себя отелился, и опять, отъ стыда, скрылся тайкомъ отъ хозяевъ. Хозяева утромъ нашли на печи ноги въ сапогахъ, подумали, что теленокъ съѣлъ попа, испугались отвѣтственности, ноги закопали, а теленка сожгли. Эта редакція слышана мною въ Пенз. губ., но могла быть другая, по которой сосѣди спрашиваютъ у хозяевъ:

Де сьте батька діли?

а вм. батька потомъ поставленъ Бойко.

Послѣднимъ разсматриваетъ авторъ населеніе Низкаго Бескида отъ р. Сяна по Попрадскую долину въ Сандецкомъ у. Жители этой мѣстности сами себя называютъ *Русинами* или *Русняками*, а у сосѣдей извѣстны подъ именемъ *Лемковъ* (ед. Лемокъ, Лемакъ, ж. Лемчанка). Врядъ ли умѣстны сомнѣнія въ томъ, что *Лемки*, какъ думаетъ А. Торонскій, авторъ ст. «Русины—Лемки» (Зоря Галиц. на 1860), Я. Ѳ. Г. и др., прозваны такъ отъ употребляемой ими словац. частицы *лем* вм. *лиш*. Подобно этому за Карпатами «различаютъ русское населеніе тѣмъ, что называютъ однихъ *Лемаками* (отъ *лем*), другихъ (въ Мараморошѣ) *Лишаками* (отъ *лиш*), о чемъ сообщалъ Чапловичь еще въ 1829 г.»; между Угорскими Словаками прозываютъ однихъ (на Спижѣ) *Чопаками* (отъ чо-пак), другихъ (въ Земненскомъ комитатѣ) *Сотаками* (отъ *со* вм. *цо*, что), третьихъ *Терпаками* (отъ *trpou* вм. teprv, теперь), (I, 726). — Всѣхъ русскихъ жителей этой мѣстности авторъ по Схематизму Перемышльской эпархіи за 1874 г. насчитываетъ ок. 123,000. Предполагаемое уменьшеніе населенія противъ 50-хъ годовъ почти на 22,000 — весьма вѣроятно, т. к. объясняется неблагопріятными экономическими условіями, о коихъ упоминается въ вышеупомянутой ст. Торонскаго (Заря Г. 403—4).

Въ соотвѣтствіе вышеупомянутому *мнѣнью*, отмѣчу слѣдующее свѣденіе, сообщаемое авторомъ. Ежегодно весною болѣе достаточные Лемки, занимающіеся перепродажей скота, преимущественно овецъ [1]), отправляются на востокъ, къ Верховинцамъ. Они извѣстны даже Гуцуламъ въ Буковинѣ подъ именемъ Товтовъ (Мадьяр. *Tot*, Славянинъ). На Верховинѣ, по ихъ прибытіи, собирается сходка старшинъ изъ 20 — 30 селъ, на которой, послѣ угощенія, установляется *токма*, цѣна (овцы съ ягнятемъ, ярчука, ярки), отъ которой потомъ никто несмѣетъ отступить. *Токма* въ см. цѣны, достоинства, извѣстно у Гуцуловъ и по всей Верховинѣ *токмити*, прицѣниваться, нанимать; *стокмитися*, сторговаться (Г. I, 741).

Этимологія этого, по видимому, весьма древняго юридическаго термина, кажется довольно ясною.

---

[1]) Стало б. згонщики, гуртовщики, *прáсолы*. Послѣднее слово—не отъ *пра* и *соль*, какъ понято это слово въ польском и какъ по видимому думалъ Даль; *прас-олъ*, съ суф., какъ въ ст. *худ-олъ бѣд-олъ* (мр. бід-ол-ага) и кор. **прак-*, откуда съ одной стороны *просити* и лит. *piršti* сватать съ другой Лит. *perku* покупаю, *prekia*, *prekis* цѣна.

Есть нѣсколько сходныхъ случаевъ показывающихъ въ славян. и др. языкахъ существованіе, впрочемъ, весьма понятнаго перехода значеній отъ совмѣстности, близости въ пространствѣ къ сравненію, сходству, парности, равенству. Сюда, между прочимъ, относится предлогъ *съ* и нѣкоторыя слова родственныясъ *тък-нѫти*, pungere, tangere: *тъчьнъ*, равенъ, сверстенъ (на пр. Лавр. 101, 9), собств. соткнутый съ другимъ или приткнутый къ..; *точно*, равно, именно, какъ будьто. *Притъча* въ знач. приткнутаго къ слову, сказаннаго къ слову, и отсюда — сравненія, параболы (значеніе, неимѣющее непосредственной связи съ *притъка*, *притъча*, случай, несчастье; иначе Бусл. Оч. I, 18, 122—3; ср. 198), находитъ объясненіе въ слѣд: «да незазираите мене, братие, понеже вы пьсѣхъ притъчю (=сравню съ собаками) ....сего цѣща ни человѣцѣ васъ *притычю* (сравниваю съ..), нъ звѣрии пьсѣхъ, тъже такомь звѣри, иже...» (Златостр. до 1200 г. Срезн. Пам. Р. П.). Значеніе парности — въ серб. «лиjо (=лихо) или *тȃко*, нечетъ (лишка) или четъ, отличномъ отъ *та̏ко*, sic; цсл. *тъкъмъ* четный, равный; Болг. *токму*, равно, Милад. 47, справедливо, ib, 49; карпаторусское *токмити*, подбирать чему пару, ровню и отсюда распредѣлять: «Сам Боже (sic вм. Божий какъ у Голов.) Господь Токмит волики на три плуженьки.... овечки на три струночки (*струнка*— см. выше), ..пчолоньки — та в три рядоньки» [Стрый. у. Гол. II, 14; этому въ другихъ вар. соотвѣтствуетъ: «*цугуе* коні, *паруе* воли на три плуги, *лічит* овечки на три струночки», Колом. у. ib IV, 111; «*шаруе* (=распредѣляетъ по *шарамъ* [series], верстамъ) коровки на три *желка* (? можно ли сравнить лит. gałas, конецъ?).. *кладе* воли у три плуженьки, стоженьки — у три шароньки, бджолоньки — у три *лавоньки* (ряды), срібло—у три бодноньки», Стрый. у. ib II, 15]. Т. о. *токма* въ см. цѣны есть собственно договоръ, какъ *уравненіе* требованій и правъ сторонъ. Такимъ же уравненіемъ представляется въ нѣкоторыхъ словахъ и судъ. Само сл. *токма* вѣроятно относилось и къ судебному примиренію, судя по болг. «едно Гърче.. ни се мирит, ни се *токмит*» (при дѣлежѣ добычи); *тъкмежъ* во Влахоболг. грам.—pactum (Mikl. Lex.) [1] •

Въ заключеніе приведу мѣста, до нѣкоторой степени характе-

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать съ болг. *такам*, серб. *такум* (из турец.?) сбруя украшеніе, Милад. 29; «се промени, се натокми», Верков. Н. п. Макед. Буг. 319.

ризующія воззрѣніе автора на вопросы, съ коими вообще трудно разминуться наблюдателю быта, языка, поэзіи, именно — на народность, на ея процвѣтаніе и порчу.

«Горцы и Подгоряне, вообще охраненные природными заборолами — горами и лѣсами, находились всегда въ какой-то разобщенности съ остальнымъ міромъ, жили въ замкнутости и менѣе поддавались вліянію чужеземщины. Они относились ко всему, что только выходитъ изъ предѣловъ ихъ мѣстности, съ какою то недовѣрчивостью и боязнью. Чужая рѣчь, чужой обычай, чужіе порядки и все, что выходитъ изъ области бытовой народа, или что выше его умственнаго кругозора, все это для него чужеземное, чужестранное: «то-то не по нашему, не по христіянски!» Горецъ непринимаетъ его, даже смѣется надъ нимъ. Благодаря этой замкнутости, отчужденности, отчасти и господствующимъ у него предразсудкамъ, народъ неподдавался и неподдается вліянію Поляковъ, Мадьяръ и Нѣмцевъ, удержалъ свой старинный языкъ, свой древній обычай, свой народный бытъ, и тѣмъ спасъ свою народность» (I, Объясн. этногр. карты 723). «При распредѣленіи обрядныхъ пѣсень» (и др.) «обращалось мною вниманіе на мѣстность, въ которой онѣ поются. Въ этомъ отношеніи я наблюдалъ географическое положеніе страны, этнографическія особенности народнаго быта и разности языка, смотря на край, былъ ли онъ болѣе, или менѣе подверженъ *пагубному вліянію чужестранцевъ* и *чужеязычниковъ*. Съ этой точки зрѣнія всего цѣльнѣе сохранилась Русская народность, а съ нею и чистота обычаевъ и языка, даже высшее достоинство и красота пѣсень въ Заднѣстрянскомъ краѣ, или собственно на сѣверовосточномъ погорьѣ Карпатъ, особенно у Гуцуловъ» [1]). «Къ нимъ близко подходятъ пѣсни Верховинцевъ и Бойковъ»... Пѣсни жителей «Сѣверозападнаго погорья, Лемковъ, двояки: однѣ имѣютъ русскій (мѣстный) обликъ, другія же заимствованы или передѣланы изъ словацкихъ и польскихъ. Первыя и по языку чище, вторыя же переполнены словацкими и польскими особенностями. Такія же по большей части и угорско-русскія пѣсни. Между ними есть даже и (прямо) словацкія» (IV, Распредѣл. и огл. пѣсенъ, 9—10).

Уже изъ этого, а равно изъ другихъ свѣденій, разсѣянныхъ по всему изслѣдованію (напр. о вліяніи Румыновъ), можно видѣть, что

---

[1]) Но вѣдь есть основанія думать, что постороннія вліянія на Гуцуловъ были весьма сильны. Что тутъ было движеніе, а не застой, на это можетъ указывать между прочимъ и новый характеръ Гуцульскихъ пѣсень.

горы вовсе неслужатъ надежной защитой отъ постороннихъ вліяній. Что до Лемковъ, то слова автора: «Лемко неперенимаетъ отъ Мазура *ничего*» справедливы лишь въ томъ смыслѣ, что у Лемковъ замѣтно гораздо большее тяготѣніе по языку, одеждѣ и пр. на югъ, къ Словакамъ, и должны быть сравнены со словами мѣстнаго наблюдателя, А. Торонскаго: «рѣчь Русина Сандецкаго округа такова, что наблюдающій ее съ такого отдаленія, съ котораго нельзя разобрать отдѣльныхъ словъ, подумаетъ, что слышитъ Мазура, а не Русина (Зоря Гал. 423 — 4). Тотъ же авторъ считаетъ характеристичными напр. такіе случаи: Дѣвка Лемчанка служила въ Угорщинѣ, въ слѣдующемъ же селѣ за границею, межъ одними Русинами. Тѣмъ не менѣе, возвращаясь черезъ годъ домой, она уже такъ окликаетъ встрѣчныхъ женщинъ своего села: *«Гей чуѕце? А кадзито пешник до валала?»* (стежка до села). Тѣ смѣются, зная, что она не слишкомъ то далеко побывала. Или: *Настка Стиранка* черезъ два-три года возвращается изъ Угорщины домой уже какъ *Марія Гомбода* и стоитъ на томъ, что это ее имя и прозвище, потому, молъ, что *стиранка* (кушанье, должно б. = мр. *зáтирка*) по мадьярски — *гомбода*, а имени Настка тамъ незнаютъ и ее звали Марця (ib.; ср. Гол. I, Объясн. и пр. 743 — 4). Отъ такихъ наивныхъ экземпляровъ можно заключать и къ менѣе наивнымъ.

Значеніе подобныхъ случаевъ болѣе ясно въ слѣдующей картинкѣ. Сцена — въ корчмѣ на Подолѣ, близь мѣст. Копачинецъ, Чортковскаго у. Много народу; попойка, пляска — въ полномъ разгарѣ. Съ правой стороны, возлѣ печки особнякомъ стоитъ и равнодушно смотритъ на все австрійскій *жóвнѣръ*: на немъ форменныя синія панталоны съ подтяжками, на шеѣ галстухъ, жилетъ разстегнутъ (*комóдъ*), въ зубахъ трубка, на головѣ вицмундирная шапочка *(гольц-мица)*. Къ нему подходитъ мать и, поднося рюмку водки, говоритъ: «на! напийся, синоньку, горілоньки та розвесели душу! Ти-то, бувало, всім перед ведеш.» — «Никс *Бромфен* (brantwein)! Я тепер цісарска дитина, *цум тейфель!* Коби мені *зайдель вайн*, то але́: Якто ми в Штайермарку, або в Бемскім краю с *фрейкою* підем собі штайера и польки, то, *сакрамент инайн*, аж *абцаси* с під *шугів* (schuh) відлітают; а тут, що за *фрейд* танцювати з *кмайн менш* такой *пауер-танц*?» — «Ох, побила мене лихая доля, побила!» вопитъ мать.» Понімечили мою дитиноньку, понімечили: и язик перекрутили, и в німецкую барву перебрали! Бідна-ж моя головонька! Пропав мій рідний син на віки вічниї, пропав!» «И я скажу, прибавляетъ отъ себя авторъ: пропалъ твой сынъ на вѣки вѣчные

Онъ уже не твой, не вашъ, онъ не Русинъ (?)! Онъ уже вкусилъ *западной псевдоцивилизаціи.* Онъ—цісарска дитина, и на команду какого нибудь капрала онъ готовъ васъ рѣзать, колоть, стрѣлять. Вы для него не родня, вы у него *«кмайне пауер,* канальи!» Подобныя сцены мнѣ случалось видѣть и слышать на моихъ странствованіяхъ по Галицкой Руси, и настоящее описаніе—не что другое, какъ воспроизведеніе въ памяти бывшаго» (Гол. I, Объясн. къ изображ. 13—7).

Этотъ жовнеръ типиченъ, и намъ знакомъ, несмотря на другую окраску.

Въ южной Руси, волею судебъ поставленной «якъ горох при дорозі» и осужденной на непрерывное топтанье и колотню, въ теченіе вѣковъ появляются и исчезаютъ цѣлые толпы отступниковъ вольныхъ и невольныхъ (въ узкомъ смыслѣ; въ широкомъ, всѣ невольны и лишь не всѣ равно самодовольны). Исторія знаетъ объ этомъ кое-что, искусство — мало, ибо напр. для повѣсти и романа, какъ и для живописи, южная Русь, не къ пользѣ общерусской, какъ бы вовсе несуществуетъ. Понятно, что авторъ несочувствуетъ порядкамъ, создающимъ явленія, въ родѣ вышеупомянутаго жовнера; но другое, чему онъ сочувствуетъ, частью невполнѣ ясно, частью, какъ отождествленіе народности со стариною и мнѣніе о ложности западной цивилизаціи (вообще или той ея стороны, которая сказывается во вліяніи на иноплеменниковъ?), можетъ подорвать довѣріе къ націонализму въ тѣхъ, для кого это ученіе нестоитъ крѣпко и не неразрывно связано съ самымъ предметомъ ихъ занятій. Развѣ при столкновеніи съ другою, не западною цивилизаціей, напр. византійской, невозможны такія же уродливыя явленія, и развѣ такихъ явленій въ самомъ дѣлѣ небыло? Тутъ, если кто и виноватъ, то не очки, а обезьяна, надѣвающая ихъ на хвостъ. Если бы постороннее вліяніе на народность было само по себѣ пагубно, то новыя народности невозникали бы вовсе. Если способность народа «неподдаваться», т. е. сохранять возможность дальнѣйшей жизни, состоитъ лишь въ удержаніи старины, то она невозможна, какъ и то, чтобы вода немерзла на холодѣ и ледъ нетаялъ въ теплѣ.

Ошибка состоитъ здѣсь въ представленіи народности только содержаніемъ. На дѣлѣ народность реальна по отношенію къ своему прошедшему; но, какъ условленная имъ совокупность способовъ воздѣйствія на новыя вліянія [1]), она формальна до такой сте-

---

[1]) внѣшнія, но не непремѣнно инонародныя, ибо въ концѣ концовъ и на-

пени, что съ сохраненіемъ ея совмѣстимо даже полное, лишь бы постепенное отрицаніе прежняго содержанія [1]). Языкъ, согласно съ этимъ, есть нетолько одна изъ стихій народности, но и наиболѣе совершенное ея подобіе. Какъ немыслима точка зрѣнія, съ которой видны были всѣ стороны вещи; какъ въ словѣ невозможно представленіе исключающее возможность другого представленія: такъ невозможна всеобъемлющая, безусловно-лучшая народность. Если бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы гибельно для общечеловѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди; для народности — другія народности. Послѣдовательный націонализмъ есть интернаціонализмъ, Какъ немногими знаками выражаются безконечныя числа и какъ нѣтъ языка и нарѣчія, которые небыли бы способны стать орудіями неопредѣлимо разнообразной и глубокой мысли, которая однако никогда неможетъ сравняться съ познаваемымъ; такъ всякая народность, хотя бы и низшая, a priori способна къ безконечному одностороннему развитію.

Тутъ нѣтъ очевидно ложной мысли, что всякая народность должна совершать полный кругъ своего развитія [2]); но есть ме-

---

родная жизнь происходитъ въ *я*, для котораго все мимотекущее есть внѣшность.

[1]) Такъ животный организмъ остается самъ собою, не сохраняя въ себѣ своего прежняго вещества. Человѣкъ, воспитанный въ духѣ извѣстнаго ученія, можетъ оставаться вѣрнымъ этому духу, дошедши до отрицанія догматовъ. Эту, впрочемъ, неновую мысль, я нахожу у Штейнталя: католикъ, протестантъ и еврей, сходящіеся въ религіозно философскихъ воззрѣніяхъ, даютъ имъ каждый свою историческую подкладку (Zeitschr. für Völkerps. VIII, 266—7).

[2])
Не вси тоти сади родят, котри зацвітают;
Не всі тоти поберутся, котри ся кохают.
Половина саду родит, половина вяне;
Половина шлюби берут, половина—марне.
Половина саду родит, половина всхнеся;
Половина побереся, решта розійдеся.
(Гол. II, 782 (109), 783 (111); ср. Чуб. V, 198, 457.)

Половина цвіта цвіте, половина вяне;
Ходив козак до дівчини, теперь незагляне.
(Гол. 466 (171)

mento mori для побѣдителей и ободреніе для побѣжденныхъ, пока еще дышутъ: «раненъ — двоемысленъ. а убитъ ужъ спитъ».

Есть два рода націоналистовъ: стоящіе на точкѣ поглощающихъ (А) и — на точкѣ поглощаемыхъ (Б). Нравственности, правды больше на сторонѣ послѣднихъ; о первыхъ большею частью, можно сказать: «може ти, москалю, и добрий чоловік, та шенелія (resp. теорія) твоя злодій». Они носятся съ сознаніемъ своего превосходства: ихъ путь къ идеалу человѣческаго развитія — лучшій; кто упирается ити, куда они гонятъ, тотъ грѣшитъ противъ Провидѣнія, противъ разума исторіи. Имъ лестно считать успѣхъ мѣриломъ достоинства; но на это съ точки Б можно возразить, что бурьянъ глушитъ траву и пшеницу и т. п.:

Найвисшому деревоньку вершок усихає;
Найкрасшому дітятоньку Бог долі недає.
(Гол. II, 781)

Ой поріс ромен [1]) з тином у рівень,
а трава-та по облози [2]);

Половина саду цвіте, половина вяне;
Тяжко-ж мені на серденьку, як вечір настане
(ib II, 774)

Неясность двухъ послѣднихъ мѣстъ устраняется ихъ сопоставленіемъ съ первымъ

[1]) Ромашка дикая, собачья, ни на что неупотребляемая.

[2]) Там ее жалко, п. ч. скотъ вытопчетъ:
Шкода травки и муравки (=трави муравої) тому облогови (v. береговн;)
Шкода мене молодої тому ворогови (вар. неробови, дуракови).
Шкода мене молодої, шкода мого стану,
Та як я ся леда біді у руки дістану
(Гол. III, 291; II 779 [2]; Щасн. Солом. Колом. 63.).
Шкода трави тай мурави, що-м по ней ходила;
Шкода мене молоденькій, що-м дурня любила
(Гол. II, 325).

Облогъ и *берег*ъ = *ворог*ъ:
Ой колись були ярі та пшениці, а тепера облоги;
Ой колись були вірні сусідочки, а тепера вороги.

—

Уси нивки поорані, одна облогує;
Усі дівки на мя добрі, одна ворогує, (Гол. IV, 446).

—

Посіяла-м руту круту меже берегами;
Ой як тяжко мені жити меже ворогами!

Ой нема, нема правди ни в кому,
тільκо в єдиному Бозі!
(Костом. Об. Ист. зн. Р. н. п.)

А упрекаютъ Б въ томъ, что послѣдніе предпочитая «провинціяльный жаргонъ» языку образованныхъ, господствующихъ классовъ добровольно съуживаютъ кругозоръ своей мысли, лишаютъ свои умственные продукты всемирнаго рынка. Наставленіе обращено здѣсь преимущественно къ тѣмъ, отношенія коихъ къ языку особенно интимны, и судьею въ этомъ душевномъ дѣлѣ является постороннее лицо, которому можно сказать: не безпокойтесь; кому дѣйствительно нужно нѣчто сказать («wenn einem ernst ist was zu sagen»... Göthe), тотъ самъ лучше всѣхъ выберетъ слово, какое ему сподручнѣе, лишь бы ему немѣшали. Выходитъ это недурно. По крайней мѣрѣ положительно можно сказать, сославшись на свидѣтельство самихъ мыслителей и художниковъ, что между ними, именно потому что они заинтересованы рожденіемъ своей мысли, небываетъ охотниковъ съ дуру говорить «по херамъ» или по офенски; что многія мысли и многіе образы, нелишенные общаго значенія, вовсе бы неродились безъ «провинціяльныхъ жаргоновъ». Что до вывоза на всемирный рынокъ, то мы знаемъ, что при немъ свои могутъ пухнуть съ голоду и что устраненіе этого голода есть лучшее средство къ установленію нормальной внѣшней торговли.

А упрекаютъ Б, какъ руководителей (большею частью in potentia) низшихъ классовъ, за то, что Б будто бы хотятъ отупить простонародье устраненіемъ его отъ пользованія языкомъ господствующихъ классовъ, хотятъ, но немогутъ, благодаря предупредительнымъ мѣрамъ властей и благоразумію самого народа, которому «противенъ провинціяльный жаргонъ въ школѣ и книгѣ». Это — съ больной головы на здоровую, ибо послѣдовательный націонализмъ нехочетъ власти, поддерживаемой насиліемъ, и потому неимѣетъ интереса въ сохраненіи наличнаго невѣжества и бѣдности, въ недопущеніи людей къ источникамъ знанія. Онъ хочетъ лишь соблюденія основного педагогическаго правила: неигнорировать наличныхъ средствъ учениковъ, а пользоваться этими средствами и развивать ихъ.

А вже-ж моя рута крута береженьки поре;
А вже ж мої вороженьки по під боки коле
(Гол. I, 292—3).

Вообще денаціонализація сводится на *дурное воспитаніе*, на нравственную болѣзнь: на неполное пользованіе наличными средствами воспріятія, усвоенія, воздѣйствія, на ослабленіе энергіи мысли; на мерзость запустѣнія на мѣстѣ вытѣсненныхъ, но ничѣмъ незамѣненныхъ формъ сознанія; на ослабленіе связи подростающихъ поколѣній со взрослыми, замѣняемой лишь слабою связью съ чужими; на дезорганизацію общества, безнравственность, оподлѣніе. Даже когда подавляющіе довольно близки къ подавляемымъ, а послѣдніе нелишаются насиліемъ имущества и необращаются въ рабство грубѣйшихъ формъ, денаціонализація все таки ведетъ къ экономической и умственной зависимости и служитъ источникомъ страданій. Ибо иноязычная школа, будетъ ли это школа въ тѣсномъ смыслѣ, или солдатчина, или вообще школа жизни, должна приготовить изъ сознанія учениковъ родъ палимпсеста, при чемъ ея ученики и при равенствѣ прочихъ условій будутъ отставать отъ тѣхъ, которымъ въ школѣ нужно было не забывать прежнее, а лишь учиться, т. е. прилагать школьныя крохи знанія и прочаго ко внѣ —и до школьнымъ его запасамъ. Извѣстно, до чего вредно для дальнѣйшихъ успѣховъ уныніе, порождаемое сознаніемъ даже мнимой невозможности выбиться изъ послѣднихъ рядовъ. Для денаціонализируемаго народа одна умственная и нравственная подчиненность создаетъ рядъ неблагопріятныхъ условій существованія. Вышеупомянутый австрійскій жовнеръ, ставшій удобнымъ орудіемъ въ рукахъ власти, неполучитъ за это даже капральства.

Между отношеніями народовъ далекихъ другъ отъ друга, напр. Нѣмцевъ и Славянъ и отношеніями внутренними славянскими, внутренними русскими существуетъ не принципіяльная, а лишь количественная разница. Поэтому здѣсь должно привести сказанное однимъ изъ теоретиковъ А о русскомъ языкѣ: «Говоровъ въ народѣ тысячи: всѣ немогутъ быть литературными языками. Одинъ вышелъ побѣдителемъ изъ «*борьбы за существованіе*», другіе его поддерживаютъ и обогащаютъ, пользуясь имъ для цѣлей своего образованія. Такъ было вездѣ; такъ и у насъ до недавняго времени» (г. Будиловичь, въ Ж. М. Н. Пр. 1879. VI, въ ст. Исторія Слав. лит. Пыпина, 286). Мнѣ кажется это въ цѣломъ неяснымъ: Если «провинціяльные жаргоны», какъ выражается этотъ учоный, должны «поддерживать и обогащать», то они должны жить и развиваться, что при нынѣшнихъ условіяхъ невозможно безъ школы и письменности. Въ такомъ случаѣ о борьбѣ за существованіе нѣчего говорить и слѣдуетъ обращаться къ формулѣ давно у насъ из-

вѣстной: «Русскій языкъ.. силу свою.. и богатство беретъ... изъ нарѣчій народныхъ... Величіе цѣлаго зависитъ отъ правильнаго *развитія* частей» (Метл. Нар. Южнор. п. Кіевъ. 1859. V). Если же говорить о борьбѣ за самое существованіе и о побѣдѣ одной стороны, то слѣдуетъ сказать о пораженіи и другой и о томъ, что побѣжденнымъ—горе и что ихъ трактуютъ лишь какъ этнографическій матеріалъ. Если оправдывать это тѣмъ, что такъ бывало, то можно оправдать и людоѣдство.

Болѣе-менѣе рабское состояніе поглощаемой народности должно же когда нибудь кончится. Побѣжденные должны же когда нибудь выучиться языку побѣдителей; но, по словамъ В. Гумбольта, до сихъ поръ, сколько знаю, неопровергнутымъ, «никакой народъ немогъ бы оживить и оплодотворить чужого языка своимъ духомъ безъ того, чтобы непреобразовать этого языка въ другой» (Ueb. Vershied. 208). Народность, поглощаемая другою, послѣ безмѣрной траты своихъ силъ, все таки въ концѣ концовъ приводитъ эту другую къ распаденію. Нынѣшній русскій литературный языкъ можетъ сохранять свое относительное единство лишь до тѣхъ поръ, пока онъ есть органъ незначительнаго меньшинства. Становясь дѣйствительно общерусскимъ, а тѣмъ болѣе общеславянскимъ, онъ въ тоже время распадался бы на нарѣчія [1]). Т. о., по этому взгляду, нѣтъ выхода изъ круга взаимодѣйствія и весь вопросъ въ томъ, будутъ ли сберегаемы при этомъ народныя силы или растрачиваемы въ угоду недостижимымъ цѣлямъ.

Возвращаясь къ мнѣніямъ Я. Ѳ. Г., я думаю, что болѣзнь народности зависитъ не столько отъ того, что этнографическія вліянія на нее сами по себѣ вредны, сколько отъ того, что народность бываетъ поставлена въ невозможность съ достаточною энергіею воздѣйствовать на эти вліянія, обновлять свое содержаніе, совершенствовать свои средства воспріятія.

II.

О *величинѣ* сборника пѣсень Я. Ѳ. Г., кромѣ приведеннаго въ началѣ этой статьи числа страницъ, даетъ нѣкоторое понятіе то, что въ *Оглавленія по началамъ пѣсень*, приложенныя къ IV-му тому

[1]) Такъ дѣйствительно было съ языкомъ церковныхъ книгъ. До недавняго времени «и въ вѣкы вѣковъ» читалось въ южнорусскихъ церквахъ какъ «и во віки вікоу», иначе въ великорусскихъ, еще иначе въ сербскихъ и болгарскихъ.

(не совсѣмъ полныя, на пр. съ пропускомъ стр. 521 — 56 IV-го т.) занесено обрядныхъ и игóрныхъ п. бóльшихъ 484, думъ (въ галицскомъ смыслѣ) и думокъ 1253; многочисленныя мѣлкія пѣсни (коломыйки, шумки и пр.) сюда вовсе невошли. Для сравненія можетъ служить то, что въ «Pieśni ludu galicyjsk. Wacł. z Oleska, Lw. 1833 (516 стр.) южнорусскихъ пѣсень со включеніемъ коломыекъ и т. п. насчитываютъ 567, а въ Pieśni ludu Ruskiego w Galic. Żeg. Pauli. Lw. 1839—40 (177+205 стр.), тоже съ коломыйками и со включеніемъ пѣсень, взятыхъ изъ сб. Максимовича—652.

Я непридаю этимъ разсчетамъ большаго значенія, п. ч. въ нихъ считаются за единицу вещи разнородныя: и пѣсни, единственныя въ своемъ родѣ, и каждый изъ варіянтовъ; и пѣсня, состоящая изъ ряда куплетовъ, и отдѣльные ея куплеты. Важно только то, что изъ наличныхъ сборниковъ галицко-русскихъ пѣсень сб. Я. Ѳ. Г.—бóльшій и лучшій, что всѣ его отдѣлы въ настоящее время незамѣнимы, а отдѣлъ колядокъ и щедровокъ по количеству поэтическихъ мотивовъ и красотѣ образцовъ значительно превосходитъ соотвѣтствующій отдѣлъ сборника г. Чубинскаго.

Какъ почти всѣ большіе сборники произведеній устной словесности, сб. Я. Ѳ. Г. составлялся въ теченіе многихъ лѣтъ (съ 30-хъ по 70-е; пѣсни въ сборникахъ Максимовича записывались въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, въ сб. Метлинскаго—въ 30-хъ и 40-хъ; приблизительно къ тому же времени относится и начало сборниковъ, вошедшихъ въ сб. г. Чубинскаго). Въ немъ сложены труды какъ самого Я. Ѳ., такъ и многихъ лицъ (болѣе 30-и поименованныхъ въ предисловіи, подписанномъ О. М. Бодянскимъ, Чт. въ Об. Ист. и Др. 1863. III) и послѣсловіи Я. Ѳ. Г. (т. IV, Свѣденія о собирателяхъ и пр.), почти исключительно священниковъ, учителей, семинаристовъ, дьячковъ и учениковъ сельскихъ школъ.

Я. Ѳ. Г. держится т. наз. этимологическаго правописанія. Объ этомъ, какъ извѣстно, у насъ съ давнихъ поръ существуютъ различныя мнѣнія. По мнѣ, пусть бы было и этимологическое правописаніе, лишь бы мы знали, какъ его читать. Если думать, что мы знаемъ уже достаточно, что подробности излишни, то можно помириться и съ правописаніемъ этимологическимъ, изображающимъ только общія звуковыя свойства русской рѣчи, даже безъ значковъ, указывающихъ мѣста діалектическихъ измѣненій; и съ правописа-

ніемъ фонетическимъ, принимающимъ часть вм. цѣлаго, избранный говоръ, вмѣсто всѣхъ остальныхъ. Но кто же рѣшится теперь утверждать, что мы знаемъ уже достаточно и что игнорируемое въ обоихъ упомянутыхъ случаяхъ неважно? Изданіе произведеній устной словесности должно быть закрѣпленіемъ ихъ грамотою прежде всего въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застаетъ наблюдатель. Смѣшеніе этого чисто-научнаго дѣла съ дѣломъ практическимъ, каково образованіе объединяющаго письменнаго языка, вноситъ неправду въ то и другое.

Теперь, по крайней мѣрѣ у насъ, подобными разсматриваемому сборниками пользуется лишь небольшой кружокъ учоныхъ, преимущественно филологовъ. Для читателей такого рода *ѣ*, *ô*, *ê*, *ӣ* и *і* десятеричное передъ *й* и въ *міръ*, какъ средства облегченія пониманія и средства объединенія Руси, совершенно ничтожны, а какъ помѣха хорошему изданію текста весьма замѣтны. Хотя и можно до нѣкоторой степени совмѣстить въ правописаніи этимологичность и фонетичность, но это будетъ громоздко и, главное, ни на что ненужно.

Въ прежнее время нѣкоторые изъ писавшихъ и издававшихъ на малорусскомъ языкѣ, или, какъ говорятъ укоризненно, жаргонѣ, могли при выборѣ правописанія руководствоваться мыслью не только облегчить чтеніе предполагаемымъ великорусскимъ читателямъ (изъ тѣхъ, коихъ затрудняетъ *віл* или в*ул* вм. волъ), но и доказать имъ свое родство съ ними и извинить въ ихъ глазахъ свою особность [1]). Врядъ ли можно предположить такія цѣли въ научномъ изданіи нашего времени.

Если нѣтъ средства записывать фонетически вѣрно, т. е. нѣтъ нужнаго для этого знанія, досуга, вниманія (коихъ нужно гораздо менѣе для правописаній объединительныхъ), то на нѣтъ и суда нѣтъ. Лучше блѣдный и даже искаженный образъ народнаго слова, чѣмъ никакого. Но извиненіе неесть оправданіе, и въ принципѣ стоитъ крѣпко, что сборникъ образцовъ устной словесности долженъ удовлетворять и требованіямъ языкознанія. Съ этимъ согласно только правописаніе, систематически избѣгающее всякихъ

[1]) Въ родѣ того, какъ Добчинскій говоритъ:

«Старшій то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака...

Хлестаковъ. Да?

Добч. То есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными узами супружества-съ...

иносказаній; умышленно ничего немаскирующее; не объединяющее, а представляющее раздѣльно то, что и существуетъ раздѣльно; непреслѣдующее другихъ цѣлей, кромѣ научныхъ.

Спрашивается, какая послѣдовательность, какая историческая перспектива въ написаніи на пр. слѣдующаго стиха колядки, записанной въ Сяноцкомъ уѣздѣ:

Другій полетѣвъ быстровъ рѣченьковъ
(Гол. II, 2)?

ій въ *другій* — ни этимологично (ибо въ древ. русс. — *ы* —), ни фонетично (ибо у Лемковъ *ы*), и поставлено по недоразумѣнію, которое видно въ словахъ А. Торонскаго: «замѣчательно, що Русины-Лемки, якъ и прочіе горнаки, *противъ общому правилу руского выговора*, *ы* выговариваютъ, на пр. магкый» (Зоря Гал. 1860, 426). Измышленіе грамматистовъ, считавшихъ русскимъ лишь то немногое, что имъ было извѣстно, принято за общее правило русскаго языка. Въ *полетѣвъ* поставлено древнее общеславянское *ѣ* и *ъ*, и относительно-новое діялектическое *в*, которое б. м. и возникнуть бы немогло, если бы за нимъ сохранилось *ъ*; на предыдущей страницѣ — *пріѣхавъ*, а въ слѣдующей строкѣ *пріѣхалъ*, что въ спискѣ опечатокъ непоправлено. Въ *рѣченьковъ* *ѣ* и *нь* этимологично, но въ слѣдующей же строкѣ — *рѣчейковъ*, гдѣ *ей* фонетично; *ень* — негармонируетъ съ - *овъ*. Послѣ этого послѣдняго окончанія, появившагося вмѣсто исконно-русскаго *ою*, во всякомъ случаѣ вм. окончанія на гласную, поставлено небывалое *ъ*, въ силу рутины.

Или: на стр. 324—5 1-го т. напечатаны 3 пѣсни безъ обозначенія мѣста и лица. Въ 1-ой — этимологическое *ѣ*, по фонетич. *у* изъ *о* и, что было бы интересно, если бы было удостовѣрено, *ю* изъ *е* передъ мягкою (сюмъ сынувъ пѣтунувъ, сюмъ купъ); этимологич. *-ень-* и рядомъ — *ей*: браженька, головонька, но до кумнатойки, бражейку, музычейки, виднейко, мякейко. Во 2-й и 3-й — вездѣ *ень*, а не *ей* (дѣвчиноньку); о=у (и я змук и кунь *змук*ъ, вунъ) и ô (пôду); *ъ* въ будешь и т. (неизвѣстно по какому принципу); за тобовъ (о чемъ выше); *е* (этимологич.?) въ «*чем*ъ нелюбишь; теперь єсъ (*ъ* неизвѣстно по какому принципу; *ъ* въ *єсъ* — какъ знакъ твердости); ся гнѣвам*ъ*, *немамъ*, съ *ъ*, не то по рутинѣ, не то въ предположеніи что въ слав. нар. имѣющихъ эти формы 1 л. ед. наст. въ историческое время (ибо въ этимологич. правописаніи нашего времени врядъ ли кто либо рѣшится возстановлять доисторическую старину) стояло *ъ*, что сомнительно.

Т. о. желающій пользоваться сборникомъ Я. Ѳ. Г. для исторіи звуковъ встрѣтитъ въ правописаніи немало затрудненій. Въ иныхъ случаяхъ, если нельзя будетъ положиться на себя, ему прійдется справляться со сборниками, напечатанными латинскимъ шрифтомъ издатели коихъ держались болѣе вѣрнаго начала.

Впрочемъ необходимо замѣтить, что тѣмъ не менѣе въ сборникѣ разсѣянно много удовлетворительно записанныхъ образцовъ языка, и что то, что мнѣ кажется недостаткомъ правописанія, принадлежало направленію, которому слѣдовали и слѣдуютъ многіе Галичане, а у насъ—памятные своею ученою дѣятельностью М. А. Максимовичь и О. М. Бодянскій. Имѣю основаніе думать, что послѣдній развѣ крайне неохотно допустилъ бы другое правописаніе въ изданіи М. Об. Ист. и Древ.

Распредѣленіе пѣсенъ. Въ послѣсловіи (Распредѣленіе и оглавленіе П. Г. и Уг. Р. т. IV, стр. 5 сл.) почтенный собиратель говоритъ слѣдующее:

«Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, когда я приготовлялъ къ печати пѣсни, помѣщенныя въ I-ой и въ началѣ II-ой части, весь запасъ пѣсень состоялъ изъ однихъ эпическихъ» (т. н. думъ, не въ украинскомъ смыслѣ)» и лирическихъ (думокъ), да изъ нѣсколькихъ обрядныхъ» (смѣшаннаго характера) «и плясовыхъ» (почти всегда лирич.). «Думы и думки напечатаны въ I-ой, обрядныя и плясовыя во II-ой части» (Чт. Об. И. и Др. 1863 и 64). «Когда у меня опять накопилось значительное количество пѣсень, то я, пересмотрѣвъ вновь все собранное, старался привести его въ порядокъ, неизмѣняя при этомъ въ существѣ первоначальной системы. И такъ съ 1870 г стали печататься (ib) *Разночтенія* и *Дополненія* къ пѣснямъ, составившія III-ю (Думы и думки) и IV-ю ч. (Обрядныя)...» «Т. о., по необходимости, строгій порядокъ дѣленія немогъ быть соблюденъ съ начала до конца, въ чемъ вина должна быть приписана, конечно, одному лишь собирателю». Въ восполненіе замѣченныхъ собирателемъ недостатковъ, онъ предлагаетъ въ концѣ (IV т.) «*Систематическое оглавленіе пѣсенъ*», общая схема котораго такова:

Т. I. Обрядныя п. хоровыя.

А. *При общественныхъ праздникахъ и увеселеніяхъ.*

I Колядки и шедровки.

II Меланки (на канунѣ Новаго года и на Новый годъ).

III Гаивки (на Святой н.).
VI Царинныя или русальныя.
V Соботки (на Ивановъ день, т. е. на канунѣ).
VI и VII Обжинковыя и жатвенныя.
Б. *При семейныхъ праздникахъ.*
I Ладканья (свадебныя).
II Крестинныя.
III Круговыя и пировыя.
IV Плясовыя (Коломыйки и т. п.).

Т. II. Пѣсни нехоровыя.

I *Думы* [1]) (=«довга поважна пiсня», съ болѣе важнымъ и протяжнымъ напѣвомъ, чѣмъ думка).

1. Былевыя.

а. О дѣяніяхъ народныхъ; думы козацкія.
б. О событіяхъ изъ жизни обыкновенныхъ лицъ.

2. Бытовыя.

а. Козацкія.
б. Гайдамацкія.
в. Воинскія (солдат.) и рекрутскія.
г. Господарскія и скотарскія.
д. Нравственно-поучительныя и религіозныя.
II *Думки* (п. съ преобладающимъ лирическимъ характеромъ).
а. Любовныя, семейныя и житейскія.
б. Иносказательныя.
в. Колыбельныя.
III *П. Веселыя и охочія.*
а) Шуточныя.
б) Небыличныя.
в) Пьяницкія и корчемныя.

Изъ подраздѣленій отмѣчу въ отдѣлѣ колядокъ: а) запѣвы; б) колядки хозяину или хозяевамъ вмѣстѣ; в) хозяйкѣ замужней; г) вдовѣ; д) сыну; е) дочери; ж) пожеланія и благодаренія. Кромѣ того въ обрядныхъ пѣсняхъ, гдѣ позволялъ матеріалъ, собиратель

---

[1]) Думы въ украин. смыслѣ въ Галиц. и Угорской Руси почти неизвѣстны. Изъ нихъ въ Сб. помѣщена только одна про Коновченка.

распредѣлялъ пѣсни въ этнографической постепенности, начиная съ сѣв.-вост. погорья Карпатъ (Гуцулы, Верховинцы и Бойки), за тѣмъ переходя на сю сторону Днѣстра въ Галицкое Подолье и Ополье (Тернопольскій и Бережан. у.), наконецъ къ Лемкамъ и въ Угорскую Русь. «Кто внимательно прочтетъ самыя пѣсни въ вышепоказанномъ порядкѣ, да къ тому еще разсмотритъ прилагаемыя къ изданію изображенія, тотъ увидитъ постепенность оттѣнковъ народныхъ обликовъ и убѣдится въ справедливости моего дѣленія. Въ свое время можно будетъ подраздѣлить и плясовыя п., а также думы и думки» (Т. IV, Распредѣл. и пр. 10).

Можно замѣтить, что п. шуточныя, принимаемыя за особый отдѣлъ и другими собирателями (Паули, Метл., Чубин.) непредставляютъ какого либо единства; что нельзя усмотрѣть, почему пѣсня иносказательная (отдѣлъ тоже принимаемый и др. собирателями) неможетъ быть въ тоже время любовной или семейной, былевой, на пр. козацкой, невольницкой, шутливой, небыличной. Можно бы также привести примѣры невѣрнаго распредѣленія пѣсень по отдѣламъ нѣсколько болѣе прочнымъ; но вмѣсто этого я представлю нѣсколько общихъ соображеній о систематизаціи пѣсень.

О необходимости формальнаго основанія дѣленія пѣсень. Есть величайшее сходство между словомъ, сохраняющимъ представленіе (образнымъ), и поэтическимъ произведеніемъ; между словомъ, потерявшимъ представленіе, и произведеніемъ прозаическимъ, научнымъ. Отступленіе, которое б. м. слѣдовало бы сдѣлать въ поясненіе этого, я отложу до другого случая, и ограничусь только выводомъ, что такое же сходство — и въ рѣшеніи вопроса о распредѣленіи словъ и поэтическихъ произведеній.

Языкознаніе можетъ распредѣлять слова лишь по ихъ формѣ внѣшней и внутренней. Принявши за основаніе дѣленій содержаніе (дальнѣйшее или послѣднее значеніе) оно, вошло бы въ область другихъ наукъ (мое соч. Изъ Запис. по Русс. Гр. I, 10 — 11). Конечно изслѣдователь языка можетъ пользоваться результатомъ языкознанія для рѣшенія всякаго рода научныхъ вопросовъ; но такое взаимодѣйствіе наукъ должно быть сознательно. Языкознаніе само по себѣ неможетъ удовлетвориться какимъ бы то ни было порядкомъ, внѣшнимъ по отношенію къ слову, на пр. распредѣленіемъ словъ по отдѣламъ космографіи, метеорологіи, физики, минералогіи, ботаники и пр. На оборотъ, историкъ культуры можетъ съ

успѣхомъ пользоваться языкознаніемъ лишь на столько, на сколько самимъ языкознаніемъ изслѣдованы группы и направленія словъ, установленныя на основаніяхъ чисто-формальныхъ и перекрещивающія всякія реальныя классификаціи.

Порядковъ, свойственныхъ языкознанію, въ своей чистотѣ существующихъ только идеально, два: азбучный (на основаніи одной звуковой формы) и основанный на формальномъ значеніи, т. е. на представленіи и отношеніи его къ ближайшему значенію. Корнесловіе есть порядокъ сложный. Этимологическое семейство обособляется на основаніи единства корня, какъ знаменательнаго звука или комплекса звуковъ (Изъ Зап. по Русс. Гр. I, 12 сл.). Въ способѣ нисхожденія членовъ семейства А усматриваются аналогіи со способомъ нисхожденія въ семействахъ Б, В... Такъ какъ эти аналогіи многочисленны, то всегда порядокъ семействъ А, Б, В... принимается въ сущности лишь потому, что нужно съ чего либо начать; чѣмъ многосторонѣе этимологическое изслѣдованіе, тѣмъ разнообразнѣе въ немъ указатели другихъ группировокъ семействъ.

Что языкознаніе — относительно словъ, то исторія поэзіи — относительно поэтическаго произведенія. Точка зрѣнія послѣдней также формальна и изслѣдованіе съ нея также необходимо, какъ условія успѣшнаго пользованія поэтическимъ произведеніемъ для цѣлей житейскихъ и научныхъ (историческихъ и др.), — мысль далеко не новая. Въ частности, существенная односторонность всякихъ распредѣленій пѣсень по признакамъ не историко-поэтическимъ именно и состоитъ въ томъ, что они болѣе-менѣе игнорируютъ поэтичность этихъ произведеній, разсматривая ихъ какъ содержаніе, какъ лѣтописныя замѣтки и т. п. Будь эти распредѣленія послѣдовательны, они должны бы разрушать цѣльность нетолько сложныхъ поэтич. произведеній, но и входящихъ въ нихъ относительно недѣлимыхъ образовъ; они свелись бы на составленіе мозайки изъ кусочковъ, вырванныхъ изъ своей естественной связи и искусственно обдѣланныхъ. Народная пѣсня есть матеріялъ для языкознанія, этнографіи, исторіи, психологіи и пр. Но этимъ наукамъ нужна вовсе не пѣсня, а на пр. языкознанію — звукъ, слово, форма, оборотъ и т. п. Съ точки зрѣнія исторіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова приходится изъ извѣстныхъ пѣсенныхъ семействъ брать лишь тѣ пѣсни, въ коихъ упоминаются такія то лица и обстоятельства, иногда вовсе несущественныя для самой пѣсни, или же, какъ на пр., въ Ист. П. Мр. н. Ант. и Драгом. т. I, № 20, 64, 66, 69, — отклоняться отъ принципа, вдаваясь въ историко-литературныя изслѣдованія.

Подобнымъ образомъ миѳологъ изъ обширнаго круга пѣсень возьметъ лишь немногое. Для языкознанія и этнографіи можетъ быть полезно только распредѣленіе п. по говорамъ и мѣстностямъ, отчасти принятое въ «*Систематич. Оглавл. п.* Я. Ѳ. Г. Мѣстность, говоръ, должны б. отпечатлѣны въ каждомъ образцѣ, такъ, чтобы такое распредѣленіе можно было сдѣлать и изъ всякаго другого, но, будучи принято за главное, этнографическое основаніе разъединяетъ семейства п. Историко-литературный принципъ, какъ въ языкознаніи этимологическій, влечетъ къ выходу за предѣлы говора, нарѣчія, языка, такъ что чѣмъ шире этнографическія границы сборника, тѣмъ совершеннѣе можетъ быть въ немъ генетическая группировка пѣсень. Это принципъ сравнительнаго языкознанія и сравнительной исторіи словесности. Съ этой точки уже теперь чувствуется неудобство отдѣленія въ особыя изданія пѣсень галицко-русскихъ. Само собою, что болѣе обширныя историко-литературно-этимологическія сравненія будутъ хромать безъ извѣстной степени пониманія, добываемой только въ узкихъ этнографическихъ границахъ.

Въ чемъ же именно состоитъ этимологическій пріемъ въ области исторіи народной поэзіи?

Уже въ вышесказанномъ заключено то, что если при посторонныхъ для пѣсень основаніяхъ классификація начинается съ выдѣленія изъ пѣсень извѣстныхъ элементовъ, съ разложенія; то при основаніяхъ внутреннихъ нужно начать съ пѣсни въ ея конкретности.

Пѣсня слагается по образцу прежней, т. е. между прочимъ примыкаетъ къ ней своимъ *напѣвомъ* и *стихотворнымъ размѣромъ*. Это наиболѣе общія формальныя основанія генетическаго распредѣленія. [1]) Установленіе генеалогіи напѣвовъ должно бы ити объ руку съ изслѣдованіемъ генетическихъ отношеній размѣровъ и прочаго. Если это вѣрно, то теперь у насъ объ удовлетворительномъ гене-

---

[1]) Распредѣленіе пѣсень по напѣвамъ было бы только возстановленіемъ, исправленіемъ и закрѣпленіемъ ассоціяцій, уже существующихъ въ мысли пѣвцовъ. Когда Ст. Верковичь спросилъ у нѣкоей Дафины изъ Сереза, отъ которой онъ записалъ около 270 пѣсень, какъ ей приходитъ все это въ голову, она отвѣчала, что находитъ пѣсни только по напѣвамъ, т. е. сначала вспоминаетъ напѣвъ, слышанный еще въ молодости, а тотъ часъ вслѣдъ за тѣмъ и самую пѣсню (Верковић, Нар. п. Макед. Бугара, I, XVI). Т. о. напѣвъ по отношенію къ тексту есть не только нѣчто болѣе общее, но и — оставляющее слѣды, легче возстановляемые памятью. «Мы были», говоритъ другой наблюдатель, «довольно часто свидѣтелями того, что при рекрутскихъ наборахъ матери, разстававшіяся съ сыновьями, послѣ первыхъ приступовъ горя, сказывавшихся лишь отдѣльными звуками и словами, садились на землю и заводили

тическомъ распредѣленіи пѣсень нѣчего и думать. Для него нѣтъ ни достаточныхъ матеріяловъ, ни нужнаго соединенія знаній въ изслѣдователяхъ. Нельзя винить нашихъ собирателей за то, что у нихъ относительно-легкое записыванье словъ неидетъ рядомъ съ записываньемъ напѣвовъ, которое во многихъ случаяхъ одно только и можетъ предохранить отъ неточностей и ошибокъ въ передачѣ размѣра. Мы видимъ, что и при бóльшемъ, чѣмъ у насъ, распространеніи знанія музыки, и при ясномъ сознаніи того, что пѣсня, особенно лирическая, безъ напѣва теряетъ половину жизни и цѣны, что слова, по видимому ничтожныя, получаютъ иногда глубокій, иногда совершенно неожиданный смыслъ отъ напѣва; даже и при этомъ далеко не всѣ собиратели могли слѣдовать примѣру Эрбена и Сушила, которые тоже врядъ ли думали о паралельномъ историко-музыкальномъ и историко-поэтическомъ изслѣдованіи. Для того, чтобы это дѣло могло у насъ пойти впередъ, нужны прежде всего многочисленные собиратели, руководящіеся эстетическими побужденіями; развитіе же образованнаго общества въ этомъ направленіи встрѣчаетъ у насъ нетолько внутреннія, но и внѣшнія препятствія. Это одинъ изъ множества случаевъ, когда вещи, по видимому столь далекія другъ отъ друга, какъ формальная классификація словесныхъ произведеній и устройство общества, находятся между собою въ связи.

Говоря о размѣрѣ малорусскихъ пѣсень, я отвлекаюсь отъ менѣе ясныхъ, требующихъ еще изслѣдованія свойствъ его, зависящихъ отъ ударенія, и останавливаюсь только на томъ, чѣмъ онъ сходится

печальныя напѣвы (Klagemelodien) безъ словъ» (Aigner, Ungarische Volksdichtungen, Pest, 1873, XIX). Это сказано о мадьяркахъ, но замѣчается, по словамъ третьяго наблюдателя (ib) и между Румынками и Сербіянками. На Руси, сколько извѣстно причитанье безъ словъ невстрѣчается, такъ что, вѣроятно, у разныхъ племенъ и въ разныя времена степень отдѣлимости напѣва отъ текста различна. То, что «въ народной пѣсни мелодія предшествуетъ тексту и ведетъ его за собою» (а не раждается вмѣстѣ съ нимъ (Aign. l. c.)» принятое за общее положеніе, такъ же невѣроятно, какъ то, что въ языкѣ членораздѣльные звуки влекутъ за собою значеніе. Вышеупомянутыя мадярскія матери, какъ и Дафина, не создавали напѣва, а лишь вспоминали готовый, уже связанный съ извѣстнымъ текстомъ. Ихъ отличіе отъ Дафины, если было, могло состоять лишь въ томъ, что воспроизведеніе и пересозданіе, т. е. приспособленіе къ данному случаю словесной стороны пѣсни, было въ нихъ чѣмъ либо замедлено или и вовсе сдѣлано невозможнымъ, что было бы явленіемъ такого порядка, какъ возникновеніе чисто-инструментальной музыки съ одной стороны и стихотвореній безъ мелодіи съ другой.

съ размѣромъ нарѣчій, имѣющихъ постоянное удареніе, именно на цезурѣ, стихѣ, куплетѣ. Формула пусть будетъ такая:

$$^2[8+9] = {}^2[(4+4)+(4+5)] =$$

= [(Осичино-березино), (чом негориш, та все куришся?)]
[(Молодая дівчинонько), (чомъ неживеш, тільки журишся?)]
Чуб. V, 548,

т. е. въ скобкахъ [ ] заключенъ стихъ, въ скобкахъ ( ) — полустишіе, дѣленія коего, соотвѣтствующія стопамъ, но всегда составляющія грамматическія единицы, со стороны количества слоговъ обозначены цифрами; число передъ [ ] показываетъ, сколько разъ повторяется стихъ для составленія куплета. Грамматическія дѣленія совпадаютъ съ дѣленіями куплета и стиха. *Enjambement*, если встрѣчается, указываетъ на книжность и польское вліяніе. Т. к. размѣръ избирается одновременно съ напѣвомъ, то главныя музыкальныя дѣленія совпадаютъ съ грамматическими.

Извѣстные разряды малорусскихъ (и др. сродныхъ) п., обозначенные столь явственно, что ихъ неможетъ обойти никакая классификація, кромѣ чисто-реальной, характеризуются прежде всего характеромъ напѣва и размѣромъ. Установляя эти разряды, классификаторы могутъ думать, что они руководствуются назначеніемъ пѣсня, условливающимъ въ общемъ ея содержаніе; но что это не такъ, доказывается существованіемъ прочно установившихся разрядовъ, которые, ни спеціальнаго назначенія, ни опредѣленнаго содержанія, неимѣютъ, ибо на пр. ошибочно думать, что коломыйка есть пѣсня только плясовая. Изъ такихъ разрядовъ прежде всего бросаются въ глаза *колядки*, въ коихъ постоянно выдерживается размѣръ $^2[5+5]$ съ припѣвомъ отъ трехъ слоговъ до двухъ стиховъ и въ коихъ отклоненія отъ этого суть искаженія. Музыкальныхъ мотивовъ колядокъ, кажется, вовсе нѣтъ въ печати. Затѣмъ — *веснянки*. Опредѣленность общаго характера ихъ напѣва такова, что ихъ можно узнать издали. Размѣровъ нѣсколько. Изъ нихъ одинъ — похожій на размѣръ колядокъ ($^2[5+5]$) но безъ припѣва («Ой весна, весна, та весняночка»), и съ бо́льшей сжимаемостью втораго полустишія, сродный съ другимъ размѣромъ $^2[5+3]$: «Ой вербо, вербо, вербице», въ которомъ первое полустишіе можетъ расширяться: «Час тобі, вербице | розвиться». Въ числѣ веснянокъ помѣщаются и другія пѣсни, болѣе-менѣе подходящія къ нимъ по общему содержанію. Выдѣлить ихъ безъ вниманія къ напѣву довольно трудно, б. м. невозможно. Къ веснянкамъ примыкаютъ всѣ лѣтнія

пѣсни: русальныя, петровочныя, гребовичныя. *Свадебныя* пѣсни, обыкновенно распредѣляемыя по времени, когда, и обстоятельствамъ, при которыхъ поются, при чемъ однородное раздѣляется, и на оборотъ, въ формальномъ и генетическомъ отношеніи несоставляютъ одного типа. Размѣровъ въ нихъ нѣсколько, между прочимъ—очевидно связанное съ характеромъ напѣва сочетаніе нѣсколькихъ семисложныхъ полустишій (т. е. стиховъ съ неполнымъ грамматическимъ смысломъ) различнаго внутренняго дѣленія (4 и 3, 5 и 2, 3 и 4 сл.) и съ наклонностью предпослѣдняго или послѣдняго стиха къ растяженію до 9 слоговъ:

«з скрипками, | з цимбалами
з молодими | та боярами»

Опять очевидно соединяются въ одинъ типъ не по содержанію, а т. сказ. по темпу и тону мысли всѣ, а не одни только *историческія* восточно-малорусскія *думы*, отличающіяся неопредѣленнымъ количествомъ слоговъ, преобладаніемъ глагольнаго окончанія стиха и речитативомъ подъ аккомпаниментъ струнного инструмента. Здѣсь мы видимъ, какъ формальные типы могутъ совпадать съ дѣленіями этнографическими. Въ *Коломыйкахъ* — размѣръ $^2[8+6]$ иногда $= {}^2[4+4)+(4+2)]$ или $^2[(4+4)+(2+4)]$ и т. п., размѣръ несжимаемый и нерастяжимый, какъ стихъ колядокъ или серб. эпическихъ пѣсень; количество двустишій — отъ 1 до 4, рѣдко больше. «Дѣло непонятное», говоритъ В. Залѣсскій, «но тѣмъ не менѣе вѣрное, что напѣвъ коломыекъ, постоянно одинъ и тотъ же, однимъ лишь видоизмѣненіемъ тона (przez modyfikacyą tonu) весьма хорошо приспособляются къ выраженію какъ самаго печальнаго чувства, такъ и самаго разнузданнаго веселья» (Wacł. z Oles., XLI — II). Размѣръ коломыйки, господствующій и въ болѣе длинныхъ, спеціяльно гуцульскихъ и верховинскихъ пѣсняхъ, чрезвычайно распространенъ и во всей Южной Руси. [1]) Другой разрядъ короткихъ пѣсень *Талалайки* (или Шалалайки, какъ у Гол. II, 218 сл.?), по размѣру $^2[6+6]$ и въ этнографическомъ отношеніи родственъ краковякамъ и короткимъ словацкимъ пѣснямъ. Есть еще нѣсколько разрядовъ подобныхъ пѣсенокъ съ размѣромъ $^2[4+4)$ $^2[4+3]$ и др.

Отправляясь отъ этихъ несомнѣнныхъ и общеизвѣстныхъ разрядовъ, я думаю, что и всѣ остальныя п., неимѣющія общаго уста-

[1]) Въ силу этого это — обыкновенный размѣръ у Шевченка: «Думи мої, думи мої, лихо мені з вами».

новившагося названія и блуждающія по отдѣламъ любовныхъ, семейныхъ, бытовыхъ, былевыхъ и пр. [1]), прежде всего должны бы быть распредѣлены по напѣвамъ и размѣрамъ, а за невозможностью сдѣлать это теперь (если время будетъ упущено, то для многихъ пѣсень и когда бы ни было), хоть по однимъ размѣрамъ. Несдѣлавши самъ этой работы въ большихъ размѣрахъ, немогу, конечно, ручаться за результаты, но думаю, что этимъ опредѣлились бы самые широкіе потоки пѣсеннаго преданія и облегчилось бы отыскиванье развѣтвленій и сліяній болѣе узкихъ теченій, образующихъ генеалогическую сѣть. Внѣшнія основанія распредѣленія поведутъ къ болѣе внутреннимъ основаніямъ подраздѣленій, именно — по сродству поэтическихъ образовъ. Безъ продолжительнаго изученія, при той одной степени пониманія, которая сразу дается образованному человѣку такъ-сякъ знающему языкъ, т. е. на пр. непринимающему бр. «мѣсяцъ перекрою» (= мр. місяцю перекрою) за винительный съ будущимъ вр., критическое, систематическое изданіе обширнаго сборника пѣсень невозможно. Соглашаясь съ рецензентомъ Трудовъ Этн. Эксп. въ Юз. кр. въ Вѣст. Евр. 1872 III, 94, что на пр. V т. этого сборника (и другіе сб.) представляетъ много небрежностей въ систематизаціи, я недумаю, чтобы «легко было избѣгнуть ихъ, такъ какъ удержать въ памяти содержаніе пѣсень одного отдѣла *во время* редакціи его вещь нетрудная, а при общей редакціи тома достаточно было пересмотрѣть внимательно оглавленіе его, чтобы замѣтить, въ какихъ случаяхъ варіанты одной и той же пѣсни и съ однимъ и тѣмъ же характеромъ помѣщены въ разныхъ отдѣлахъ». Однимъ словомъ — «ори, мели, їж». Нѣтъ спору, что сложить въ одно мѣсто варіянты «Як поїхавъ королевич на полювання» и др. подобныя повѣствовательнаго содержанія, нетрудно; но надо попробовать установить «отдѣлъ», да рѣшить въ принципѣ и во множествѣ частныхъ случаевъ, чтó — одна пѣсня, а что—2, 3 и т. д. (вопросъ аналогичный съ тѣмъ, что такое *одно* слово? Изъ Зап. по Русс. грам. I, 1 сл.), цѣльная ли пѣсня передъ нами или нѣтъ; есть ли А варіянтъ пѣсни Б, или на оборотъ (какъ въ фонетикѣ не все равно *г* ли переходитъ въ *ж*, или на оборотъ); да «удержать въ памяти» «характеръ» и прочее такое: и тогда надо посмотрѣть много ли времени и знанія пойдетъ на

[1]) Какъ будьто пѣсни обрядныя, выдѣленныя въ особые отдѣлы, не могутъ быть вмѣстѣ любовными, семейными, былевыми, бытовыми, историческими и пр.

приведеніе въ нѣкоторую систему такого тома, какъ V-й Сб. Чубинскаго. Замѣчено, что у насъ вообще собираніе сырого научнаго матеріала преобладаетъ надъ его объясненіемъ и систематизаціей, — въ силу чего и самые способы собиранія и изданія немогутъ имѣть желаемаго совершенства. Это вполнѣ примѣнимо и къ изданіямъ малорусскихъ пѣсень, историко-литературному изученію коихъ посвящено было слишкомъ мало силъ. Нельзя винить за это никого въ частности, а менѣе всего тѣхъ, благодаря трудамъ коихъ мы имѣемъ передъ собою большое количество весьма цѣннаго матеріала.

По мѣшкотности дѣла, я могу лишь слегка коснуться нѣкоторыхъ сторонъ вопроса о примѣненіи размѣра къ классификаціи п.

Одно изъ возраженій противъ такого примѣненія могло бы состоять въ томъ, что размѣръ есть форма слишкомъ общая для того чтобы по ней можно было судить о чемъ либо болѣе внутреннемъ. Но, во первыхъ, здѣсь рѣчь пока не о томъ, соотвѣтствуетъ ли размѣръ самъ по себѣ извѣстному темпу мысли и настроенію и точно ли на пр. размѣры, состоящіе изъ стиховъ ровныхъ по количеству слоговъ, суть преимущественно эпическіе, а состоящіе изъ стиховъ неровныхъ—преимущественно лирическіе. Достаточно признать лишь традиціонную, условную связь размѣра и настроенія (какова въ словѣ связь звука и значенія), объясняемую тѣмъ, что новая пѣсня, примыкая къ прежней по своему поэтическому содержанію, вмѣстѣ съ этимъ примыкаетъ и по размѣру. Какъ фонетика лежитъ въ основаніи изученія внутренней формы словъ, такъ вниманіе къ размѣру можетъ оказать подобную же услугу изученію внутренней ф. поэтическихъ произведеній. При томъ, а) въ народной пѣснѣ размѣръ возникаетъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, отношеніе коего къ настроенію бываетъ болѣе осязаемо, хотя и трудноопредѣлимо; б) рѣчь идетъ именно объ установленіи наиболѣе общихъ направленій преемственности.

Обыкновенно думаютъ, что нѣкоторые, особенно распространенные размѣры, какъ сербскій эпическій [4 + 6], размѣръ мр. колядокъ [^{2}5 + 5], весьма древни; но документальныхъ доказательствъ устойчивости размѣровъ и стало быть возможности относить къ отдаленному времени начало пѣсенныхъ разрядовъ, опредѣляемыхъ единствомъ размѣра, не особенно много. Поэтому нельзя пренебрегать на пр. тѣмъ, что мр. размѣръ ^{2}[6 + 6] документально не

новѣе третьей четверти XVI в. [См. мою ст. «Мр. нар. п. по сп. XVI в.), т. е. навѣрное гораздо древнѣе этого времени. Существеннымъ кажется и то, что этотъ размѣръ туземенъ у Поляковъ и Словаковъ и что у послѣднихъ имъ сложена между прочимъ пѣсня важнаго содержанія и напѣва:

Belehrad, Belehrad, tá turecká skala!
Nejedna mamička (bis) synka oplakala
(Sb. Slov. nár. piesni etc. vyd. Mat. SI. Sv. 1, 1870)

Ср. Угорско-русс. п., изъ Хуста въ Мараморошѣ у Гол. I, 151;
Бѣлоградъ, Бѣлоград, [то] пуд вим вуйна стоїт,
Не одному хлапу долу глава лежит.

Изъ мр. пѣсень сюда относятся:

а) П. запис. въ Сяноцкомъ и Земненскомъ окр., и носящая явные признаки своей мѣстности (у Гол. I, 89), составляющая большую рѣдкость въ томъ отношеніи, что это настоящая сказка: Дѣвица сирота поетъ: «если бы меня король взялъ, я родила бы ему сына съ мѣсяцемъ и звѣздою.» Король, ѣдучи на ловы, слышитъ это, женится на ней. Она исполняетъ свое обѣщаніе, но проклятая баба бросаетъ сына въ Дунай въ бочкѣ и подмѣниваетъ его козленкомъ. Король, обманутый этимъ, бросаетъ жену въ Дунай. Она спасается и спасаетъ сына. За тѣмъ встрѣча съ мужемъ и казнь бабы. Судя по характеризующей мр. пѣсни наклонности къ лирической краткости и житейскому содержанію, можно считать весьма отдаленнымъ отъ нашего времени то настроеніе, при которомъ такіе мотивы могли становиться содержаніемъ пѣсни.

б) П. у Метл. 286, Голов. 171, Чубин. V, 709—10, извѣстная до восточныхъ границъ мр. населенія, тоже сказочная, хотя и неизвѣстная въ нестихотворной формѣ:

Оженила мати неволею (т. е. противъ своей воли) сина,
Та взяла невістку та не до любови...

Лютая («Лихая») свекровь посылаетъ сына въ путь-дорогу (т. е. какъ прямо говорятъ нѣкоторые вар., на войну, п. ч. *путь*, военный походъ, откуда «бояре путные»), а нелюбую невѣстку въ поле (ленъ брать, коней пасть и т. п.), гдѣ она оборачивается тополею (или былиною, вѣроятно чудесною, п. ч. ее замѣчаетъ сынъ), потомъ сына, возвратившагося изъ дороги заставляетъ срубить тополю, или, что странно, былину. Странно также, что въ нѣкоторыхъ вар. (Чуб. V,

708 — 9) сынъ бросаетъ сѣкирою въ былину. Во многихъ вар. у Чуб. V, 704 сл. размѣръ очевидно искаженъ, такъ что ладу въ немъ безъ напѣва найти нельзя. Въ вар. А. ib. ст. 1—3

Ой лихо, лихо, де свекруха є,
А ще горійше де є обоє (т. е. и свекоръ):
Свекорко слово, а свекрухи дві.

взяты изъ другой пѣсни, разм. [5 + 5] съ цѣлью придать этой п. житейское значеніе. Въ вар. Б. ст. 3 — безъ смысла. Вар. В., Г. — съ великорусскимъ оттѣнкомъ и б. м. первоначально другимъ размѣромъ: есть правильные стихи [5 + 4] и [5 + 5]. Относительно В. можно даже рѣшительно сказать, что въ его стихѣ 2-е полустишіе — изъ 4-хъ слоговъ, что это не варіянтъ, а особая пѣсня. Замѣчательно въ началѣ примѣненіе поющею къ себѣ:

Ой у полі крапивушка жарливая,
Була *въ мене* свекрухна журливая,
Да жалила мене єк день, так ноч,
Пасилала мене ад себе проч:
«Да йди, невъєхна ад мене проч,
«Да и стань у бару рєбинаю
(Черниг. у.).

Такое же приспособленіе идеальнаго образа въ купальской п.:

Ой снодо, снодо тонкая!
Та була в *мене* свекруха лихая....

Случаи, какъ представляемый варіянтомъ В у Чуб. V, 706, указываютъ не на отсутствіе т. ск. наслѣдственности размѣра, а или на раздѣльность потоковъ преданія (въ наст. случаѣ [6 + 6] и [x + 4], или на производность одного размѣра и первообразность другого (вопросъ требующій особаго изслѣдованія; на пр. не возникъ ли болѣе обычный въ мр. п. размѣръ ²[(4 + 4) + 6] изъ менѣе обычнаго, по видимому общеславянскаго [4 + 6] и если да, то нѣтъ ли и обратныхъ случаевъ: не растяженія, а сжатія размѣра?), или на помѣсь, т. е. видоизмѣненіе содержанія одного разряда подъ вліяніемъ размѣра и тона другаго. Сходная по содержанію съ В. вр. п. о превращеніи снохи въ рябину — въ сб. Якушкина (и въ Воронеж. Бесѣдѣ на 1861 г., 398). Размѣръ — 5 + 5. Явственныхъ ука-

заній на заимствованіе изъ мр. нѣтъ. О сродныхъ сказаніяхъ у другихъ народовъ и о миѳологическомъ значеніи — Mannhardt, Baumcultus, I.

в) Мать встрѣчаетъ сына медомъ, а нелюбую невѣстку ядомъ который выпиваютъ обое; на ихъ гробахъ выростаютъ яворъ и береза (или тополя) и т. п.; верхи склоняются въ мѣсто, мать горюетъ:

«Ой колиб' я знала, трути недавала,
Тепер би я собі пару діток мала.

Размѣръ [2][6 + 6] болѣе-менѣе выдержанъ или замѣтенъ въ вар. Голов. I, 81, Чуб. V, 711 (№ 309) А, З, И, І. Какъ и въ пѣснѣ б), и здѣсь нѣкоторые вар. слѣдуетъ считать за самостоятельныя редакціи съ особымъ пошибомъ, именно у Чуб. V, 713, В (Черниг. у.) съ почти вполнѣ выдержаннымъ размѣромъ [2][5 + 5] и съ замѣчательнымъ вступленіемъ:

«Ой що-ж то за день пуйд недєлькою:
«Спитсе, дремлется пуид (над?) куделькою.

«Ой мати сина дай народила и пр.,»

показывающимъ, что сама пѣвица смотрѣла на эту пѣсню, какъ на сказку, которою разгоняютъ сонъ. Сюда же и бр. вар. съ р. [2][5 + 5], Этн. сб. III, 218—9.

г) Противоположеніе посмертной участи любовниковъ, встрѣчающееся въ п. в) [1]) роднитъ ее съ семействомъ п. о смерти разлученныхъ любовниковъ, на могилахъ коихъ тоже выростаютъ растенія: Метл. 94 — 6, гдѣ въ нѣкоторыхъ стихахъ легко опущеніемъ превратить разм. [2][6 + 6] въ [2][4 + 6]:

Да висипте, (мати), високу могилу,
Посадіте (в головах) червону калину,
Да поставте (мати) хрести золотиї,
Щоб сказали (люде): лежать молодиї..

---

1) «Що по синові отець мати плаче
А по невісточці чорний ворон кряче»
и т. д. (Чуб. V, 711—2, 715).

Особая пѣсня Шаришск. у. со словацкимъ характ. — у Гол. III, 253—4:

.....Єдно поховали повыше костела,
Друге поховали пониже костела.
На єднôм выросла ружа и шалвія,
На другôм выросла дробна розмарія,
А тоти квітки в єдно ся зростали,
Жеби люде знали, же ся любовали.

Этого семейства, сходнаго по темѣ съ серб. Омер и Мерима и пр. Кар. Пјес. I, 238 сл. № 340—5, разм. [4 + 6]), а отчасти съ серб. ib, № 346 — 7, разм. [6 + 6], неслѣдуетъ смѣшивать съ другимъ семействомъ мр., характеризуемымъ размѣромъ со вторымъ полустишіемъ изъ 7-и сл., о коемъ ниже.

д) Къ г) примыкаютъ п. о разлукѣ вслѣдствіе людской злобы и *о предстоящей* смерти любовника:

...Ой умру я мила, а ти будеш жива,
Незабувай мила, де моя могила...

Метл. 92—3. Сюда же стихи приставленные будь то бы какъ вар. къ п. другого размѣра ([2][8 + 6]):

Як ми любилися, нас мати незнала
Тепер розійшлися, як чорная хмара..
(Метл. 63).

е) На основаніи сравненія п. у Метл. 16—7 и у Чуб. V, 1208—9 можно предположить родственную съ г) пѣсню сказочнаго характера о неудачномъ *бѣгствѣ* любовниковъ и ихъ превращеніи. Окончаніе ея было приблизительно такое:

1. Їдуть вони поле, їдуть и другеє,
2. А на третє поле став кінь спотикатись.
«Вернімось, дівчино, небудем вінчатись...
4...... Пішов козак яром, дівка долиною,
5. Зацвів козак терном, дівка калиною.
Вийшла єго мати того терну рвати,
Дівчинина мати калини ламати:
«Ой се ж не терночок, а се мій синочокъ!».
— Ой се не калина, се-ж моя дитина!».

За тѣмъ, съ усиленіемъ вѣяній новаго времени элементы этой пѣсни или ея вліяніе сказываются въ пѣсняхъ того же разм. но болѣе реальнаго содержанія, на пр. ст. 1 и 2—въ п. о побѣгѣ дѣвки съ москалями (Чуб. V, 1005); ст. 4 — 5 появились въ другихъ пѣсняхъ лишь какъ символическое изображеніе разлуки любовниковъ (Метл. 17, Чуб. V, 85):

Ишов (= пішов) козакъ яром, яром долиною,
Зацвів козак рожою, дівка калиною.
Рожа одцвілася, калина зачалася;
Козак оженився, дівка зосталася.

ж) Къ *е)* — п. у Метл. 99 — 101: Марко бѣжитъ съ дѣвицей, дремлетъ, догоняетъ погоня, Марку вѣроятно рубятъ голову. Разм. тотъ-же, строгій. Была пѣсня того же разм. о бѣгствѣ съ чужою женою (Метл. 59). П. о бѣгствѣ съ чужимъ мужемъ, реальнаго характера, отличная по разм. [(6 + 6) + (8 + 6)] — Гол. I, 70.

з) Убіеніе любовника мужемъ, горе любовницы и матери убитаго, сожалѣніе убійцы: Гильдебр. Сб. пам. н. ть. свз. кр. I, 126; Гол. I, 62; Чуб. V, 1017:

Далеко слихати такую новину:
Забито Петруся, забито в Жалиню (Гол. в Джулині).

Въ сб. Гол. многіе стихи того же размѣра, изъ чего видно, что размѣръ начала (8 + 6), именно

«Чи чули ви, люде добрі, о такой новині..»

— новѣе. Характеръ п. реальный; видна сословность.

и) Дѣвица (въ купал. п. Ганна), б. м. преслѣдуемая мачихою тонетъ въ Дунаѣ, ея коса превращается въ травы, ея краса въ калину и пр. П. очевидно сказочная по мотиву, но не миѳологическая по примѣненію, о чемъ б. м. буду имѣть случай сказать въ другомъ мѣстѣ. Купальская—въ Очерк. Россіи В. Пасека I, 108—9; мой варіантъ—въ моей ст. О купальскихъ огняхъ (3 вып. Археол. Вѣст. М. Арх. Об., отд. отт. 2 — 3; тамъ же и другая сродная купальская). Размѣръ ²[6 + 6] частью существуетъ, частью возстановляется легко; въ 2-хъ вар. онъ усложненъ припѣвомъ. Ср. Чуб. V, 202, № 409; Голов. II, 726 (на тему: спасаетъ тонущую не отецъ—мать, а милый).

і) Къ г) примыкаетъ слѣдующая: больной отъ любви, чтобы овладѣть вдовиной дочерью, строитъ церковь, корчму и наконецъ притворяется мертвымъ. Вдовина дочь приходитъ къ его гробу; тогда онъ всхватывается и

Давай, мати пива-меду
Бо вдовину дочку *веду* (Чуб. V, 113—4, Запис. П. А. Кулишъ).

Размѣръ попорченъ, но большею частью можетъ быть возстановленъ, на пр.

Ой умру я умру, за часъ, за годину
За часъ за годину, за дочку вдовину.

Соединеніе этого мотива съ г) (смерть разлученныхъ любовниковъ, растенія на ихъ гробѣ) въ угорско-русс. п. правильнаго разм. ²[6 + 6] у Гол. II, 710.

Между ю. слав. пѣснями есть и болѣе подходящія по мотиву, чѣмъ Кар. Пјес. I, 568 (№ 737).

к) Среди пира козацкаго гетманъ скорбитъ о томъ, что въ пылу битвы неумышленно убилъ родного брата. Онъ проситъ вывезти убитаго межъ три дороги, насыпать надъ нимъ высокую могилу и посадить на нем троякое зелье, чтобы вспоминала его мать, родъ и милая. Послѣ этого можетъ показаться ненужнымъ слѣдующее, въ коемъ 1-ый ст.—другого размѣра, а 2-ой—съ сомнительнымъ повтореніемъ слова:

Будуть дівки приходжати тее зілье рвати [1])
Будуть мого брата, брата споминати:
«Ой не той ту лежить, що панщину робить,
«Ино той ту лежить, що у війську служить;
«Ой не той ту лежить, що Ляхам вслугуе,
«Ино той ту лежить, що Турка вою е [2])
Рус. Днѣстров.; Паули II, 6; Гол. I, 92—3.

По мотиву «могила и пр» ср. г); братоубійство — въ очень испорченной бр. пѣснѣ у Гильтебр. Сб. пам. и пр. 42 (разм. 5 + 5?), замѣ-

---

[1]) Какъ въ пѣснѣ «Стоіть явір над водою:»
Будуть пташки прилітати калиноньку Істи.

[2]) Неужели дѣвки по зельямъ будутъ узнавать это?

чательной лишь тѣмъ, что по началу («4 полка) связывается съ разсмотрѣнною мною мр. пѣсн. XVI в. («На версі Дунаю три роти ту стоя»).

л) Къ а) примыкаютъ по мѣстности и эпическому характеру 2 п., запис. въ Пряшев. эпархіи, съ сильнымъ словац. вліяніемъ.

α) Вдову, вслѣдъ за смертью мужа, родившую сына, гонятъ на панщину, подавать каменья при постройкѣ Маковицы. Она бросаетъ ребенка въ озеро (Гол. II, 699).

β) Къ 12-и разбойникамъ, сыновьямъ бѣдной Угельской попадьи вдовы приблудилась ихъ сестра, отыскивавшая стадо; они насыпаютъ ей въ фартухъ талеровъ и отсылаютъ съ вѣстью къ матери (ib 700). Ср. также ib 701, 702 (важно для вопроса о южно-слав. вліянія).

Сюда же легендарныя: Олена находитъ 3 креста и 3 гроба (Гол. I, 233, Сяноц. окр.; ср. IV, 523),—мотивъ перешедшій въ колядки; о птицѣ, поющей на кипарисномъ кустѣ («крячок цитрусовый» = циприсовый) 7 набожныхъ пѣсень, изъ коихъ названы 3: о божьемъ рожденьи, мученьи и началѣ свѣта, всѣ вошедшія въ колядки. (Гол. IV, 523 — 4, Сандец. у.); о Паннѣ Маріи просящей ночлега у бѣднаго хлопа (ib. Санд. у.). Въ первыхъ 2-хъ опять сродство разряда ²[6 + 6] съ ²[5 + 5).

м) 1. Козакъ спрашиваетъ у коня о причинѣ его печали. Конь жалуется на козацкій звычай неминать шинка:

То я сиру землю по коліно вибъю,
Поки тебе, пане, та из корчми вызву.

См. а) Гол. I, 110 — 11, № 43; б) ib. III, 311.

Другой размѣръ (4 + 4) — изъ Сяноцк и Земненской столицы: Гол. I, 111, II, 727, и въ серб. п. у Кар. I, 453 — 4, гдѣ тотъ же мотивъ (жалобы коня на эгоизмъ хозяина) прилаженъ къ эпическому центру, Косовской битвѣ:

Коњ јунака оставио
На злу месту у Косову..

Третій размѣръ — древній эпич. [4 + 6], Чуб. V, 960 — 1.

2. Козакъ хочетъ продать коня, конь напоминаетъ ему свои прежнія услуги, Антон. и Драгом. Ист. п. мр. н. I, 271—2; этотъ мотивъ, измѣняя размѣръ, переходитъ въ колядки.

3. Сынъ проситъ, чтобы мать его женила и жалуется, что

«прийде темна нічка, ні з ким розмовляти». Мать совѣтуетъ купить коня и говоритъ съ нимъ въ *стайни.* Сынъ возражаетъ. Чуб. V, 868—9; Ср. ib 872 (430).

Эти мотивы вліяютъ другъ на друга. Такъ начало вар. м) 1, а, «Ой дубъ на дуба гілём похилився, коникъ на козака дуже засмутився», Гол. I, 110, обязано своимъ происхожденіемъ пѣснямъ м) 2.:

Ой дубъ на березу гіллям похилився,
Ой син своїй неньці низенько вклонився (на пр. Чуб. V, 818).

Точно также то, что въ М) 1. разговоръ съ конемъ происходитъ въ большинствѣ вар. въ конюшнѣ, а не въ дорогѣ (какъ у Г. I, 110), на пастьбѣ (ib I, 111, II, 727) или на полѣ битвы (Серб.), взято изъ М. 3.

Соединеніе М 3 и М 1 — въ п. у Чуб. V, 27, 870 — 2 (429); Шейнъ Бр. п. 251; Сб. Свз. кр. 174, а соединеніе всѣхъ трехъ мотивовъ въ одну пѣсню—у Ант. и Др. Ист. п. I, 272—3.

н) При л, α), β) можно поставить п. изъ Сяноц. окр.:

(Ой) По горі, горі зацвіла шелвія..
..Марія ходила, шельвію ломила,

что́, если гора здѣсь—горе, можетъ значить: жила въ печали и чистотѣ (Ср. Костомар. Ист. зн. ю-р. пѣс. творч. Бесѣда 1872, VI, 1 — 10). Ляхъ, убійца мужа этой Маріи, хочетъ взять ее за себя; она отказывается; ее привязываютъ къ соснѣ плечами и зажигаютъ сосну. Такъ въ п. у Гол. III, 66. Въ п. ib I, 163, съ такимъ же началомъ и концомъ (сожженіе), — новая черта: Марія уличаетъ панича въ убійствѣ:

«Мого пана коні у твоїй студолі и пр.

а онъ иронически оправдывается:

«Я куповав коні на ярмарку в Львові,
«А я пив могорич в зеленій діброві,
«А я лічив гроші на гнилій колоді..

Эта черта служитъ переходомъ къ обще-малорусс. п: «Маруся узнаетъ коней своего мужа у козаковъ пришедшихъ къ ней в го-

сти (о сватаньи нѣтъ рѣчи), называетъ ихъ гайдамаками, а они оправдываются, какъ выше. См. Гол. I, 163 (10); Чуб. V, 963—5.

Отмѣчу еще изъ этого разряда пѣсню: горе попадьи Маруси, любовницы опришка Павла Маруcяка, Гол. I, 155, а также намеки на существованіе варіянта этого же размѣра въ числѣ пѣсень объ убійствѣ разбойникомъ родственниковъ жены, Ант. и Драг. Ист. п. I, 61—3.

о) «Побра́тався сокіл з сизокрилим орломъ
Чуб. V, 851—4. [1])

п) Ой приіхав братік та до сестри въ гості.
ib 927, Метл. 281.

Я не стою за порядокъ этихъ примѣровъ, далеко неисчерпывающихъ собою всѣхъ напечатанныхъ пѣсень того же характера, и хочу сказать только то, что на основаніи размѣра возможны сближенія, небезполезныя въ историко-литературномъ отношеніи, вовсе недѣлаемыя издателями р. нар. пѣсень, или дѣлаемыя только случайно, на основаніи содержанія. Если это такъ, то морфологическая точка неостанется безъ вліянія на пониманіе и тѣхъ отдѣльныхъ черть пѣсни, которыми интересуются какъ свидѣтельствами историческими въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Говоря о степени древности малорусс. пѣсенныхъ размѣровъ, слѣдуетъ упомянуть о мр. стихотвореніи, «О битвѣ подъ Берестечкомъ», заключающемъ въ себѣ, мнѣ кажется, много доказательствъ своей современности событію, напечатанномъ въ *Jagić*, Arch. f. Sl. phil. II, 298 сл. Оно озаглавлено такъ:

Duma kozackaia o woyni skozakamy nad rikoiu Styru na te nute oy postył bym ia sim ponediłkow osmuiu nediłenku w roku 1651.

Пѣсня, на голосъ коей здѣсь ссылка, существуетъ до нынѣ. Въ наиболѣе чистомъ видѣ—у Чуб. V, 21 (№ 55), изъ сб. П. А. Кулиша:

Понеділковав сім понеділків, восьмую неділёчку:
Принеси, Боже, кого мені гоже на мою постілочку.
Постеле ж моя тонка біленька, ти ж мені немилёнька:

[1]) Если меня память необманываетъ, напѣвъ — родственъ съ напѣвомъ «Оженила мати неволею сина».

Хоч мьягко спати,—важко здихати, що ні с ким розмовляти.
Милого ложа міх да рогожа, то мені постіль гожа:
Хоч твердо спати, да легко здихати, що є с ким розмовляти.

Относительно противоположенія, заключеннаго здѣсь ср. Чуб. V, 6, (12), 55 (122), 12 (29).

Вм. *понеділковав*, гдѣ грубое искаженіе со стороны пѣвца, т. к. собственно, во всѣхъ варіянтахъ это говоритъ женщина, слѣдуетъ «понеділкую», или «буду постити», или какъ в вар. Н. И. Костомарова (Чуб. V, 1202):

«Ой постникала я сім понеділків», гдѣ б. м. вм. первыхъ 6-и слоговъ слѣдуетъ: «посниковала». У Гол. I, 251 первое двустишіе — внутри другой извѣстной пѣсни «Гей заржий, заржий, сивий коничeньку, по під воротонька йдучи» (Ср. Метл. 55): Буду постити.... кого вірне люблю та до моєго домоньку». Кромѣ поэтическихъ вольностей, устранимыхъ очень легко (на пр. вм. «кого вірне люблю» — «кого я люблю», или «кого кохаю», или «мого милого» и т. п.), этотъ размѣръ есть ^{2} [5 + 5 + 7]. Другіе примѣры его:

«Ой ти хмеленьку...» (Бѣльск. у. Гродн. г.; Сб. Свз. кр. I, № 144; Голов. I, 191, изъ W. z Ol. 452; родственна съ этою, но отлична отъ нея п. у. Гол. I, 162);

«Ой воли мої та полoвиї, чому ви не орете» (Гол. I, 256, W. z Ol., Максим., Метл.);

«Вітронько дує, вітронько дує, хабиною колише» (Гол. I, 255);
«Ой гой-же, гой-же, мій милий Боже, що ж бо я учинила»
(Г. IV, 210, Свад.)

«Ой гоє-гоє, ой гоє, гоє! любилося нас двоє,
«Ой гоє, гоє, ой гоє, гоє, (а) обоє молодоє (Г. III, 143)

и множество другихъ. Послѣдній изъ этихъ примѣровъ, по содержанію,—болѣзнь (или и смерть) отъ несчастной любви — былъ уже упомянутъ выше (г). Въ немъ второе пятисложіе есть повтореніе перваго, такъ что размѣръ сводится на ^{2}[5 + 7], что и находимъ въ вар. у Гол. I, 105; ib 106 (ст. 1 — 10 — изъ другой пѣсни; размѣръ нѣсколько испорченъ):

Рік ся любили, [а] два ся невиділи,
Скоро ся узріли (чит. вздріли), зараз ся поболіли;

Чуб. V, 372. И въ другихъ пѣсняхъ, среди стиховъ, въ коихъ 5+5 не есть повторенiе, т. е. ²(5), встрѣчаются такiе:

Кури почула, кури почула, тонкий кужель прядучи,
Зори познала, зори познала, рано по воду йдучи, Сб. свз. кр. № 144.

Т. о. пѣсня о томъ, что молодая посылаетъ стараго за Дунай по калину, при чемъ старый тонетъ, а молодая въ долони плещетъ, Гол. II, 272, разм. ²[²(5)+7], относится къ пѣснѣ о томъ же, ib I, 203—4, разм. ²[5+7].

Для характеристики отношенiя этого размѣра къ поэтическому содержанiю кажется мнѣ весьма пригоднымъ сравненiе только что названной пѣсни съ пѣснею на ту же тему, но съ размѣромъ ²[8+6], Гол. I, 218; III, 227. Въ первой—сильная идеализацiя, цѣлесообразная при изображенiи общихъ житейскихъ отношенiй, въ данномъ случаѣ — несоотвѣтствiя возрастовъ, при которомъ слабѣйшая сторона, старость, гибнетъ. Хожденье дѣда по калину и то, что онъ тонетъ въ Дунаѣ имѣетъ только символическое значенiе (Ср. Костом. Ист. знач. и пр. Бесѣда 1872, VIII, 18 — 20), т. какъ калина — сама молодая, а ломать — любить. Во второй пѣснѣ символизмъ уступаетъ мѣсто жанровымъ подробностямъ: молодая жена притворяется больною, посылаетъ стараго мужа за калиною на лѣкарство отъ кашля, приглашаетъ къ себѣ любовника, ставитъ дочь (должно быть, падчерицу) на стражу и, когда дочь обманываетъ ее и подпускаетъ старика близко, прячетъ любовника, а мужа опять отправляетъ за медомъ.

Я думаю, что въ общемъ это отношенiе размѣровъ подтвердится и болѣе обширнымъ сравненiемъ. На сторонѣ разм. ²[5+5+7)— преобладанiе лиричности и идеализацiи; на сторонѣ ²[8+6], въ мр. пѣсняхъ (ибо этотъ размѣръ б. м. имѣетъ другой характеръ въ вр.), по крайней мѣрѣ въ одномъ ихъ отдѣлѣ, — особая эпичность новаго, жанроваго характера [1]).

[1]) Вотъ нѣсколько темъ пѣсень Гуцульскихъ по послѣдн. размѣра: жена убиваетъ мужа (Г. I, 51, 58, 59; III, 19 —20); мужъ—жену (Г. I, 56; III, 20—1, 238); убiенiе нѣкоего Нестерюка, горе матери, вскрытiе, похороны (1, 55); подробности сватанья и договоры о приданомъ (I, 198—9 = III, 215—5, съ сатирическимъ оттѣнкомъ); какъ у попа «испільник» его Лукинъ укралъ съ поля пшеницу; какъ мельникъ воевалъ съ крысами (III, 225); какъ дѣвка на ярмаркѣ сводитъ при посредствѣ жидковъ знакомство съ паномъ Корнецкимъ, уго-

Въ вышеприведенномъ заглавіи мр. стихотворенія XVII в. слово *дума* употреблено въ нынѣшнемъ западномъ своемъ смыслѣ поэтическаго произведенія строгаго размѣра (а не свободнаго, какъ дума въ украинскомъ смыслѣ), при томъ вовсе не непремѣнно эпическаго, что я старался показать выше. Примѣненіе этого размѣра къ повѣствовательному содержанію кажется отклоненіемъ отъ традиціи народной поэзіи; но поводомъ къ этому могло быть то, что и раньше этотъ размѣръ встрѣчался въ козацкихъ пѣсняхъ, хотя и лирическихъ, но объ историческихъ событіяхъ. Многія изъ этихъ пѣсень могли оставаться сословными, необщенародными, и составлять переходъ къ искусственнымъ стихотвореніямъ. Б. м. на такую переходность въ сходной по размѣру пѣснѣ о побѣдахъ Перебийноса (Ант. и Драг. II, 39 сл.) указываютъ нѣкоторыя выраженія: «Семи козаків, добрих *о*наків» (Метл. 400; хотя г. Кулишъ въ З. о ю. Р. I, 271, напечаталъ «*ю*наків», но *о* м. б. не ошибка, а = jo въ польс. *jonak* (такъ и чеш.), съ сербскаго, въ серб. значеніи молодца, героя, откуда позже — польс. хвастунъ); «*множество* ляхів»; «поки нашої *жизности*». Въ стихотв. о бит. подъ Берестечкомъ козаки тоже названы славными юнаками.

Начало этого стихотворенія въ Архивѣ Ягича (II, 298) таково:

Oy riko styru sczo Hmil o ŵiru iakyia wsemu miru chde w dnipr wpadaiesz opowidaiesz radost z woyny czy miru.

Въ чтеніи г. Житецкаго оставленъ *хмель* (т. е. Хмельницкій) и *вѣра;* я же читаю такъ:

Ой ріко Стиру, що хвілё—віру! Якую всему міру,
Де в Дніпр впадаєш, оповідаєш радость? З войни, чи міру?

Въ «Hmil o» лат. m прочтено б. м. новымъ переписчикомъ (г. Петровымъ) вм. *w; хвілё-віру* — эпитеты къ *Стиру:* «Стырь, ты волна — виръ»; *що* плеонастическое; *і* въ *хвілё*, *віру*, *міру* оставлено мною въ угоду рукописи, вм. мр. *и* или *ы*, какъ полонизмъ. Чтеніе як*у*ю вм. iak*y*ia ср. съ hanskom*y*, ib 299, строка 34, гдѣ лат. у

щается дорогимъ (на ея взглядъ) напиткомъ и... считаетъ полученныя отъ него деньги (II, 377); разбойницкія пѣсни въ тонѣ реляцій, съ обиліемъ собственныхъ именъ и мѣлкихъ обстоятельствъ (I, 160—2, 155—6 и др., II 598); о вредѣ пьянства (II 463—8; III, 221—4, между тѣмъ какъ, тотъ же мотивъ въ лирическомъ тонѣ и безъ мѣстнаго характера, Гол. III, 188, имѣетъ размѣръ $^2[5+5+7]$; близость свѣтопреставленія (II, 469).

поставлено вм. слав. у. *Радость* понимаю здѣсь въ знач. извѣстія, новости, какъ, на оборотъ, *хабар*, *хабарь*, вошедшее въ русс. изъ турецко-татар. въ зн. новости, извѣстія, (какъ и въ серб. *хабер*), получило зн. извѣстія радостнаго (въ нѣкоторых мѣстахъ—счастья, удачи), вознагражденія за такое извѣстіе (= серб. тур. *муштулук*), и отсюда—взятки (мр., вр.) и барыша (вр.).

На смотря на enjambement, неловкость свойственную тогдашнему польскому стихотворству, одно это двустишіе (неговоря о другихъ удачныхъ мѣстахъ стихотворенія) показываетъ въ авторѣ умѣнье пользоваться народнымъ языкомъ, размѣромъ и образами народной поэзіи. Въ доказательство того, что авторъ отнесся къ своему народно-поэтическому образцу съ такимъ пониманіемъ, которое и теперь въ образованныхъ людяхъ несовсѣмъ обычно, я позволю себѣ сдѣлать слѣдующее отступленіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить поясненіемъ того, что я разумѣю подъ комментированіемъ формальной стороны пѣсень.

Что въ мр. н. пѣсняхъ соотвѣтствуетъ выраженіямъ газетъ: «намъ сообщаютъ, что»..; «нашъ специяльный корреспондентъ пишетъ, что..»; «упорно держится слухъ, что..»?

1. Вышеупомянутыя пѣсни болѣе новаго склада, размѣръ [2][8 + 6], преимущественно гуцульскія, между прочимъ характеризуются и тѣмъ, что чуть ли не въ нихъ однихъ встрѣчаются указанія на личность слагателя, довольно обычныя въ нар. пѣсняхъ западныхъ народовъ; на пр.

Ой коби ми не пісочок, не піскова багна!
Співаночку сесу склала Крамарева Анна.
Гол. III, 35;

въ п. объ убіеніи Степана Нестерюка:

Ой у саду, у садочку зазуля ковала;
Тоту собі співаночку сестричка складала.
Вона собі искладала, все єї співала,
Щоби брата Степаночка та незабувала.
ib I, 56.

Этого рода пѣсни нерѣдко начинаются такъ:

В славнім місті Ботушанахъ [1]) сталася новина, Гол. I, 79;
В славнім місті Репучинцёх [2]) неслава ся стала, ib I, 68;
Ой у місті Гусятині [3]) сталася новина, ib III, 36;

Чи чуєте, люде добри, що хочу казати?
Бо я хочу Штолюкови співанку співати.

Єкусь чути новиночку, неможна казати:
Пішов Штолюк из Мироном села воёвати,
ib III, 59;

Въ Голіградахъ [4]) на пущіньє сталася публіка: [5])
Зарубала Парасуня свого чоловіка, ib I, 588;
Чи чули ви, люде добрі такиї публіки:
Пішли хлопці в гайдамахи из нашої Ріки, ib I, 162.

Тоже иногда встрѣчается и въ пѣсняхъ другихъ размѣровъ:

Ой стала ся стала та в Манастерищох [1]) шкідка:
Ой загубила свого мужа та поповича жінка,
Гол. I, 51;

Далеко слихати такую новину:
Забито Петруся, забито въ Жалиню,
Сб. п. Свз. кр. 126,

что въ пѣснѣ на ту-же тему, размѣра ²[8 + 6], звучитъ прозачнѣе:

Чи чули ви, люде добрі, о такій новині,
Що убито Петруся в глубокій Джулині, [2])
Гол. I, 62.

Такія начала несомнѣнно относятся уже къ козацкимъ временамъ. Сюда—начало упомянутой выше п. о Перебойномъ:

Гей подивуйте добриї люде, що на Вкраїні постало, Авт. и Др. II, 39.

Иногда они приставляются къ пѣснямъ менѣе мѣстнаго содержа-

---

[1]) Ботушаны въ Молдавіи. [2]) Репучинцы, по картѣ Гол., Репужинцы, на Днѣстрѣ, на вост. отъ Залѣщиковъ, въ Буковинѣ. [3]) Гусятинъ, Чортк. окр. [4]) Голиграды въ Станислав. окр. на Днѣстрѣ, близь Станиславова. [5]) *Публіка*, скандалъ.

[2]) Монастырища Станисл. у. сѣвернѣе Станиславова. [2]) *Жулина* въ Стрыйск. у., *Жолыня* въ Решовскомъ.

нія и болѣе общаго интереса, на пр. въ п. о непослушаніи сына жовняра (первонач. козака) матери:

Ой в містечку Берестечку стала ся новина:
Выправляла стара вдова на війноньку сина,
Г. I, 135.

2. Выше и поэтичнѣе строй начала:

Чи чули ви, люде добрі, як дзвоны дзвонили,
Та де ж мого (слагателя пѣсни) товариша в Белесені ймили?
Г. I, 161,

т. е. слыхали ль вы извѣстіе объ томъ, что..., ибо *звонъ* здѣсь — чу́тка, слава (мое соч. Слово о Полку Иг. 51—3).

3. Того же достоинства представленіе *истиннаго* слуха кованьемъ зозули, ибо

«Зозуля, вона не кує, правдує:» [1])
Заковала зазуленька та меже лісами:
«Ой ходи, Бойчуку, на здобич из нами!» (Г. I, 160),

т. е. «зозуля ковала», а говоря прозаически, «передаютъ за достовѣрное» (что дѣло было такъ): шли Таманюки на добычу: встрѣчаютъ Бойчука: «Иди съ нами!» — А вы куда? — Туда-то и т. д. Т. о. я недумаю, чтобы кованье зозули значило здѣсь то, что пѣнье птицы въ серб.:

Каде, браћо, грозна зима прође,
Зима проће, ђурђев данак дође,
Те се гора приођене листом,
А земљица травом и цвијетом
И запоје тица шеврљуга,...
Опет, браћо, да се састанемо,
Кар. Пјесм. III, 364,

---

[1]) Вотъ пѣсенное выраженіе силлогизма: правду говорятъ, что нужно уважать жену; поэтому и ты уважай меня:

Заковала зазулечка в пана на орісі:
Шануй же мя, мій миленький, як ластівку в стрісі;
Бо як немеш шановати, немеш мя и мати;
Бо я тобі не наймичка все поле зробляти;
Бо я тобі не наймичка, я тобі газдиня:
Куда підеш, звідки придеш, твій дім не пустиня.
Гол. IV 537—8).

и несогласенъ съ тѣмъ, что Н. И. Костомаровъ говоритъ объ этой пѣснѣ (Гол. I, 160): «кукованье кукушки дѣлается сигналомъ сбора» гайдамакъ (Ист. зн. ю. р. пѣс. тв. Бес. 1872, X, 14). Оно могло дѣлаться, но въ разсматриваемомъ стихѣ объ этомъ неговорится.

Заковала зазуленька, заковала жовта:
Здогонила ледіників на Рекеті ровта,
Г. I, 160,

т. е. говорятъ, что случилось то-то. Разсказъ начинается прямо съ совершившагося, не предсказаннаго, а только (façon de parler) разсказаннаго зозулею. Здѣсь я опять несогласенъ съ Н. И. Костом., который объ этомъ двустишіи говоритъ (l. c.), что «кукованье кукушки дѣлается прорицаніемъ того, что гайдамакъ догонятъ солдаты». Здѣсь нѣтъ намека на предсказаніе, въ родѣ слѣдующаго: «кад кукавица изиђе рано те кука по црној шуми (= мр. як закує на голе дерево, буде неурожай), онда ће бити зло оне године за хајдуке; али кад кукавица кука по зеленој шуми, онда су хајдуци весели» (примѣняя къ своему занятію земледѣльческую примѣту):

Листај горо, кукај кукавицо:
Нек се чини ора за хајдуке,
Кар. Рјечн.

Ой летіла зазуленька тай стала ковати:
Почекайте, добри люде, щось маю казати (Г. III, 205).

Въ этой пѣснѣ второй стихъ влагается въ уста самой зозули, которая далѣе разсказываетъ о бѣгствѣ Панщины (олицетвор.). Въ такомъ случаѣ, конечно, послѣ 1-го стиха слѣдуетъ поставить двоеточіе; но пѣсня эта большею частью дѣланная и начало ея первоначально могло имѣть другой смыслъ: зозуля сказала пѣвцу, а онъ передаетъ людямъ.

Такая же формула служитъ и заключеніемъ гуцульскихъ пѣсенъ:

В Коломиї зазвонили, в Станиславі бубнят: [1])
Молодого Пилипонька у Надвірній губят.
Заковала зазуленька під Кучеручками:
Поховали Пилипонька та під яблунками,
Г. I, 162.

[1]) Т. е., опять таки «сказываютъ, вездѣ, что...»

Заковала зазулечка (v. заковала *ми* зазулька) та по-під Менчила.
Тепер сеся співаночка уся се скінчила»

Или

Теперь ся се співаночка її (героини пѣсни) се скінчила,

или

Одокійці (т. е. объ ней) співаночка уся се скінчила,
Г. III, 34, 35, 38, 60),

«По-під Менчила» есть должно б. винительный (= родит.) въ смыслѣ мѣстнаго [1]); ср. *Мунчелъ*, собст. имя горы (изъ Румынскаго). Голов. I, Карпат. Русь, 567.

4. Объясненіе оборотовъ на тему «говорятъ», давшихъ поводъ къ этому отступленію,— нѣсколько сложнѣе, т. к. требуетъ новыхъ отступленій.

Рѣка (и вода) — *рѣчи* (какъ и въ сонникахъ) и отсюда съ одной стороны — напраслина, неправда, а съ другой правда:

Хоть пойдеш ты во церковь посвященную,
Пустословье про тебя, какъ рѣка бѣжитъ,
Напрасничка вѣдь е какъ порогъ шумитъ:
Говорятъ да баютъ люди потихошеньку,
Што не Господу пошла Богу молитися,
За гульбой пошла она да за гуляньицемъ,
Барсовъ, Причитанья, 231.

Невесело жить безъ семеюшекъ:
Напрасничка про насъ, какъ порогъ, шумитъ,
Пустословьице про насъ, бытто громъ, гремитъ [2]),
Съ небылицы буйна голова шатается,
ib. 230.

Получила я, побѣдная головушка
Нелюбимое словечико вдовиное: [3])

---

[1]) Ср. а) по-під синій туман розболівся білий Роман, Г. III, 64; по-під гай зелененький ходит Добош молоденький, ib I, 152; по-під чужі перелази ночую, ib. III, 138; стоятъ верби по-над греблю ib. III, 307; по-над гору високую голуби літают, ib. II, 267; у Гуцула по-за пояс самі сороківці; б) щур по-при него (при немъ, при мельникѣ) підвалинов ходит, III, 225; иде мила по-при мене, некаже «добрий день», II 258; буде твоя пшениченька в поле зімовати, II 389; ци ти в поле неробила, ib.

[2]) Громъ — напраслина. См. мою ст. «О связи нѣкотор. представленій въ

Какъ несчастноей вдовой да *называють*,
Бывъ холодноей водой да *обливають*,
ib. 39.

Неходи вже коло води (=неухаживай, некокетничай = нелюби),
няй тя вже забуду,
Няй вже тебе инший любит, бо я вже небуду.
В тебе тільки *учтивости* (чести, искренности, правды), як в каміню *води;*
Шкода твоїй, дівчинонько, красної уроди.
Гол. II, 753.

«Скільки въ решеті (удержится) водиці,
Стільки у хлопцях правдиці»

и на оборотъ:

«Скільки в відерцю (кубочку) водиці,
Стілки в дівочках правдиці» (оч. разпространен. п.; ср. бр
Шейнъ, 165, № 256)

Б. м. отсюда, т. к. пѣсня тоже есть правда,

Співали дівочки співали,
Въ *решето пісні складали*,

а эти пѣсни сѣялись изъ решета, какъ вода. Трудъ былъ безполезный. Конецъ ему положили воробьи:

Тай поставили (пісні) на вербі.
Де-ся взялися горобъї,
(Да й) скинули пісні до долу:
Час вам, дівочки, до дому... (Метл. 302).

Дождь значитъ не только слезы, или, какъ причина разлива рѣкъ, печаль (мое соч. О нѣкотор. симв. 89), но и *слухи:*

Иде дощик напірненький (а чей перестане):
«Взяв молодець стару бабу». Кайтеся христьяне!,

яз. Ф. Зап. 1864. Отд. от. 27—8. [3]) Обращаясь къ мертвому: «Што учиње веће јаде Младој твојој кукавици?.. Утрос сије зацрнио (=огорчилъ): Нађеде јој *худо име*, худо име «*удовица*»: Ге (= ђе) би сјела да несједе, што би рекла, да нерече. Кар. Пјес. I, 94.

т. е. настойчиво говорятъ, что... (Гол. II, 438, гдѣ другая интерпункція, недающая надлежащаго смысла).

Отсюда для выраженія мысли: «идетъ слава, что...», или «доходятъ къ намъ слухи, что...», получается такой образъ: «тамъ-то дожди идутъ, а къ намъ (или туда гдѣ происходитъ дѣйствіе пѣсни) рѣчки текутъ». Принимая такое толкованіе этого образа, мнѣ кажется, мы находимъ смыслъ и цѣльность въ такихъ пѣсняхъ, которыя безъ этого могутъ казаться наборомъ нелѣпостей.

Извѣстно, что многія мр. гаивки (зап.), веснянки (вост.), какъ и уличныя, ювр. корогодныя п., суть величанья присутствующихъ на игрищѣ, или на оборотъ, насмѣшки надъ ними.

Первое—въ слѣдующей веснянкѣ:

Ой вийдіте, люде, та дивітеся:
Їде козаченько та женитися,
Ой сам (вм. «як») їде та на конику,
Дівчину везе та на возику;
Поганяє коня та лозиною,
Називає дівчину дружиною и т. д. (Чуб. III, 121),

однимъ словомъ, все — какъ и быть должно, какъ и у людей. И добрая слава объ этомъ идетъ далеко, почему въ началѣ такой пѣсни стояло нѣчто въ родѣ:

У чужому селі дощик иде,
А в нашому селі та чувати:
Ой вийдіте, люде и пр.

При обращеніи похвалы въ порицаніе и насмѣшку, за одно снабженъ отрицаніемъ и начальный образъ, м. б. безъ всякой особой цѣли, а м. б. въ томъ смыслѣ, въ какомъ изъ *слава* (т. е. добрая) выходит *не-слава* (не отсутствіе славы, а дурная слава, порицаніе). Такъ въ галиц. гаивкѣ:

В (чужому селі) дощик иде,
До (свого села) *нечувати:*
Идіт, люди, дивитися,
Їде Гринуненько [1]) женитися.
Поїхав [2]) він на озериско,

[1]) У Г. иди, Гринуненьку. [2]) У Г. — *лъ*.

Везе Мариню, як помелиско.
Тай літав, тай літав [2]) по під небеса,
Причіпив си жорна до пояса:
Где стане — крупи меле,
Крупи меле, опалає,
Тай Мариню обіймає... (Г. II, 685).

Гребовичная п., по размѣру и мотиву близкая къ веснянкѣ:

У чужихъ селах дощі йдуть,
А на наші села річки течуть.

Загорожу я тином річку,
Та зажену лебідя й лебідочку.
(Ой v. що) Лебідь буде купатися,
А лебідочка вмиватися.
Тож не лебідь купається,
Не лебідочка вмивається:
То козаченько (N) купається,
Молода дівчина (N) вмивається.
(Метл. 316, Гадячь; осеньняя—ib. 329).

Главный мотивъ этого величанья обыченъ и въ вр. пѣсняхъ:

У воротъ, у воротъ разливъ разливается,
В широкúхъ, в широкихъ широкое озеро;
По томъ по озеру три лебедя плавали
...Первый-отъ лебедёкъ то и Петръ у насъ
За тѣмъ
....три лебедушки плавали,
Первая... (Коханов. Бояр. пѣсни, Р. Бес. 1860, II, 118—9).

Но особенность разсматриваемой мр. пѣсни — въ поэтическомъ пріемѣ, который могъ бы быть названъ матеріялизаціей образа и состоитъ въ томъ, что изъ образа, употребленнаго сначала иносказательно, ради одного изъ заключенныхъ въ немъ признаковъ, за тѣмъ извлекаются другіе признаки, которымъ придается новое иносказательное, а иногда и собственное значеніе. Здѣсь смыслъ первыхъ двухъ стиховъ могъ бы быть выраженъ однимъ «слава!», которое однако въ мр. пѣсняхъ неупотребительно; но за тѣмъ изъ рѣки, какъ образа *слуха, славы*, дѣлается прудъ, въ коемъ купаются лебедь

и лебедка. Но *купатися* = *женихатися*, а также б. м. рядиться, кокетничать (мое соч. О нѣкр. символ. 69, гдѣ къ ссылкѣ на Этн. Сб. I, 223 слѣдуетъ прибавить, что пѣсня — Нижнедѣвиц. у. Воронеж. г., внутри предѣловъ малорусс. вліянія); *умиватися* — тоже [1]). Т. о. дѣло идетъ о томъ, что величаемые любятъ и стóятъ другъ друга; но послѣдніе два стиха, вмѣсто ожидаемаго прямого объясненія, опять матеріялизируютъ образъ, приписывая козаку купанье, дѣвкѣ умыванье.

Веснянка:

..В Саражинці дощі йдуть,
А в Перейму річки течуть.

---

1) «Ой біда, біда, що я невдався:
Брів через річеньку тай невмивався (т. е. упустилъ случай къ сближенію)
Ой завернуся, тай умиюся,
На свою дівчину хоч подивлюся.»
— Ой невертайся да й невмивайся:
Ти ж мені, серденько, й так сподобався!
Чуб. I, 88, А.

Въ другомъ варіянтѣ дѣвица говоритъ:

«В мене криниця під перелазом (въ текстѣ «край перелаза», т. е. близка, подъ рукою):
Вмиємось, серденько обоє разом.
В мене хустина шовками шита,
Ўтремось, серденько, хоч буду бита»
Или:
В меї (биля меї) криниці залізні ключі;
Вмиємось, серденько, до шлюбу йдучи (ib 89),

т. е. до этого времени, до вѣнчанья слишкомъ рѣшительнаго ухаживанья не допущу.

«Чи ти, милий, з кубчика вмивався,
Що ти мені над усюю челядоньку сподобався?
— Чи з кубочка, не з кубочка, чи ходячи по над воду,
Ти же-сь мені люба, ти же-сь мені мила, та и всёму роду (ib 125).

Что говорится о любовникахъ, что «вони з одного кубочка умивалися, одним рушничкомъ утиралися» можетъ значить не только, что они очень любили другъ друга, были единодушны, но и то, что они были по всему ровня. Ср. «він. до неї й невмивався»; umyć się do tego trzeba; nieumywałeś się do tego, т. е. недостоинъ. Ср. съ Болг. п.: два брата такъ любили другъ друга, что

И два-та от єдна вода миєхà,
И два-та от єдна рида (платокъ, полотенце) бришехà,
Верковичъ, Н. п. Макед. Буг. 216.

Текли річки, (по) бреніли [1])
До Завадовської аж у сіни.
Там хлопці збиралися,
На горілочку складалися,
А Хведір найбільше дав,
Бо в Завадовської дочку взяв.
Перейма, Балт. у. Чуб. III, 220.

Веснянка:

Текла річенька звеніла
Аж до парубків у сіни.
Туда парубки зберались,
По золотому складались.
«Да клади, хлопче, більше всіх:
«Краща дівчина твоя всіх,
На її прибору більше всіх:
И прибірниї ворота,
И криниченька глибока.

Этимъ могла бы кончиться пѣсня. Глубокая криница—сама дѣвица; но пѣсня отдѣляетъ этотъ образъ отъ дѣвицы, а за тѣмъ вновь ихъ соединяетъ:

Як повадилася дівчина
Рано по воду ходити (т. е. до той же криницы),
(т. е.) Молодця козака (= NN) любити;
Як угледів же да козак:
«Ходи, дівчино, ще раньше!
«Мій батенько тебе любить:
«И криниченьку обрубить («рублена криниця = сватана дівчина),
И василечком обмете,
И барвіночком оплете,
И руточкою обтиче;
Собі (мені?) дівчину прикличе.
Чуб. III, 150.

Свадебная:

С пуд крамянеї гори
Текли ріки з дороги,

---

[1]) Съ шумомъ текли. Польс. *brzmieć*.

Притекли річеньками
Пуд Ганноччини сіни.
Выйшла Ганночка (невѣста) с хати,
Стала їми дивоватись (т. е. удивляться тѣмъ известіямъ, что ее выдаютъ замужъ)
— Не дивуйся Ганночка!
Ще тобі дивне (дивній? дивнійш?) буде:
Сніданічка небуде (т. е. у свекра);
Сами сядут вечерати,
Тебе пошлют по воду...
Кобр. у. Гродн. г. Сб. Свз. кр. 84.

Значенія вѣтра сходны со знач. дождя, воды. Вѣтеръ не только переноситъ вѣсть и т. п. (О нѣк. симв. 78), но и самъ есть молва, слухъ, (Арх. продухъ), напраслина [1]). Это, вмѣстѣ съ предъи-

---

[1]) Какъ во эту во побѣдную сторонушку
(т. е. куда выдана за мужъ)
Буйныи вѣтры непровѣваютъ...
Птиченька къ намъ неприлѣтаетъ
(птица тоже переноситъ вѣсть),
Нѣтъ проѣзду на ступистыихъ лошадушкахъ,
Нѣтъ проходу во темныхъ лѣсахъ дремучихъ,
Почтовой ямской широкой нѣтъ дороженьки,
Столько (= лишь) малая единая тропиночка,
Столько (= лишь) пройдено у малой у скотинушки.
Къ намъ добрыи люди незабродятъ,
Оны вѣсточекъ къ намъ неприносятъ,
Письма-грамотки къ побѣднымъ недоходятъ,
Съ передачей по людяхъ все невѣрныихъ:
По пути оны въ дорожкѣ замѣшалися,
Письма-грамотки оны да ростеряли.
Барс. Прич. 141—2.

Это образецъ обстоятельности великорусской пѣсни.

Безъ своего родителя безъ батюшка
Приизвіются-то буйны на нихъ (сиротъ) вѣтрушки,
И *набаются*-то добры про нихъ людушки,
Што вѣдь вольныи дѣти — безуненныи (= безъуёмныя),
Нехрабры да сыновья ростутъ безотніи,
Некрасны да слывутъ дочери у матушки.
Барс. ib. 1—2.

Ой недай же, Боже-Господи
Жить обидной во сирочествѣ,
Въ горегорькоемъ вдовичествѣ:

дущимъ, даетъ возможность объяснить пѣсню, общій смыслъ и цѣльность коей, сколько я могу судить, даются не съ разу. Одинъ изъ ея варіянтовъ съ голосомъ записанъ мною (Укр. пісні. Кошт. Балліної. Спб. 1863. 57); другіе — у Чуб. V, 80 и 178—9, гдѣ великоруссизмы («аж на *этот* двір, на *купечеський*», «*дочерь* хороша», «Варвара *душа*», «*построєний* двір», «*строяться* доми») указываютъ не на вр. происхожденіе пѣсни, а на то, что она полюбилась пришлымъ рабочимъ или солдатамъ и отъ нихъ взята обратно. Размѣръ — $^{2}[4+5]$; напѣвъ изъ 4-хъ тактовъ въ $\frac{3}{4}$, по такту на полустишіе, такъ что, по времени, четырехсложнее полустишіе равно пятисложному, и первое можетъ расширяться до 5-и слоговъ, 2-е до 6-и

1. Віють вітри щей буйнесенькі,
Иде дощик громовесенький
На *мій* садок зеленесенький.
А в тому саду світлонька нова,

Пріовіютъ тонки вѣтерки,
Обдождятъ да мѣлки дождички,
Осміютъ да всѣ крещеныи,
ib. 35—6.

Безъ тебя, кормилецъ батюшко,
Пріовѣютъ вѣтры буйные,
Пріосудятъ люди добрые.
ib. 56.

Штобы вѣтрышки про насъ ненавіялись,
Понапрасну добры люди ненабаялись,
Худой славы про тебя ненасказали бы.
ib. 127.

Попусту въ полѣ вѣтры принавіются,
Понапрасну въ полѣ травка нашатается,
Пустословья добры людушки набаются.
Віютъ вѣтры съ чистомъ полѣ со западочкой;
Баютъ людушки теперь со прибавочкой,
Пріобидятъ меня бѣлую лебедушку.
ib. 203.

Согласно съ этимъ, то что, мать въ вр. п. сберегаетъ дочь «и отъ вѣтру, и отъ вихоря» значитъ: сберегаетъ ея репутацію. Въ мр. п.:

Вітер віє, шелевіє, тай порохом сіє
(Значитъ должна бы быть вѣсть отъ милаго, а между тѣмъ ее нѣту);
Коби то ся довідати, що мій милий діє!
Вітер віє шелевіє, тай порохом мече;
Гдесь (= должно быть) мій милий в дубрівоньці в сопівку щебече, Г. II, 766.

А у світлоньці живе удова,
А у вдівоньки дочка молода
Виводила вороного коня,
Напувала з синёго моря.
«Ворон кôню, чом води непъєш,
«Копитами сиру землю бъєш?
«Чом ти, милий, не по правді живеш:
«Що з вечора коня сідлаєш,
«А з півночи з двора зъїжджаєш,
«А к світові з музиками йдеш,
«Та до мене голос подаєш».
— Обсади, мила, вишеньками двір,
Щоб недоходив голосочок мій!

Коли мене вірно любиш, некажи нікому,
Бо то люде рознесуть, як вітер солому,
Чуб. V, 766; Гол. II, 316, 821,

къ чему Галицкая пѣсня прибавляетъ:
Сіно моє, сіно моє, солома дрібненька!
Нежурися мій миленький: я ще молоденька,
Гол. III, 320,

т. е. хотя и разнесутъ, какъ вѣтеръ сѣно или мѣлкую солому, но горя мало — утѣшеніе, въ родѣ того, какъ

Ой непійде дрібен дощик без тучи, без грому;
Ой непійде дівка заміж та без поговору.
Настучиться, нагрючиться, дрібен дощик піде;
Набрешуться вражі люде, дівка за між пійде.

Вѣтеръ разноситъ слухъ, вѣсть, какъ сѣно; а если сѣно слеглось въ копицахъ, то вѣтеръ его неразнесетъ, значитъ, и вѣсти небудетъ. Отсюда

Ой у полі сіно низенько присіло (= нѣтъ вѣсти);
С ким же моє миле серце вечеряти сіло?
Сіло-ж воно, сіло, най здорове буде!
Коли мене вірно любит, то мня незабуде.
Гол. I, 254.

Ой у полі сіно низенько посіло;
А десь моє закоханьє до вечері сіло,
ib III, 329.

А можетъ б. здѣсь прямое сближеніе «сіно.. сіло» и «моє серце.. сіло», безъ посредствующей мысли объ отсутствіи вѣсти; только врядъ ли, п. ч. обычно именно сопоставленіе «до вечері сісти» и «немає вісти»:

Спогодай, спогадай, мене, матусенько, ой як сядеш хліба їсти:
«Ой десь мій син, десь моя дитина, та немає ёму вісти».

Обсади, ми*ла* (вм. ий), половину двора,
Щоб и я не твій (вм. ти не мій) и ти не моя!
— «Ой, ні, ми*лий* (вм—а), неправда твоя!
Кажуть люде, що на вік твоя (вм. *моя*):
Нас нерозлучить ні світ, ні зоря,
Хиба разлучить сирая земля!

Въ первыхъ 2-хъ ст.—соединеніе однозначныхъ символовъ (вѣтеръ, громъ, дождь), говорящихъ одно: вотъ-молъ, какая молва идетъ о вдовиной дочери. Въ 3-мъ ст. *мій* садокъ въ томъ смыслѣ, какой бы имѣлъ dat. ethicus *ми*, т. е. извѣстный пѣвицѣ, живо представляемый ею.—Съ какой стати рѣчь о поеньи коня? Какая связь между тѣмъ, что конь нехочетъ пить и поведеньемъ милаго? — *Пить* зн. любить (О нѣкр. симв. 12, сл. Съ тѣхъ поръ я отмѣтилъ довольно много новыхъ подтвержденій); *поить коня* = предлагать любовь; когда дѣвка нехочетъ поить козацкаго коня, то она отказываетъ въ своей любви; конь нехочетъ пить = N нехочетъ любить (подтвержденія опускаю; ихъ много и въ сб. Гол.) «Нерозлучать ни світ, ні зоря» = світове гуляння й вертання до дому. Пѣсня эта непринадлежитъ къ бросающимся въ глаза поэтическимъ цвѣтамъ, ростущимъ на черноземѣ простонародной жизни; но, по крайней мѣрѣ на мой взглядъ, она замѣчательна по гармоніи стиля: она немогла бы такъ начинаться, кончаться, заключать въ себѣ такихъ образовъ, какъ въ ст. 7 — 10, 16 — 9 (= «ну, такъ заткни себѣ уши!»), если бы семейная драма была разсказана въ ней въ духѣ реализма и жанра иныхъ относительно новыхъ пѣсень размѣра $^{2}[8+6]$.

Приближаясь къ образу, съ котораго я началъ («рѣка передаетъ вѣсть), остановлюсь еще на началѣ загадочной пѣсни, сообщенной Максимовичемъ и г. Лукашевичемъ:

«Гей з устні Дніпра да до вершини
Сім-сот річок і чотирі,
Да усі вони да у Дніпръ впали
У Дніпръ *правний*, несказанний!
Да повійте вітри низовиї,
Ой на паруси безодниї...

Ант. и Др. I, 244—5, приводя эту пѣсню ради ея продолженія, замѣчаютъ: «Ст. 1—6 очень сомнительны; слова «Дніпръ правний (??)

несказанний» врядъ ли могли быть въ пѣснѣ чисто народнаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что эпитетъ *правний* въ приложеніи къ рѣкѣ неимѣетъ смысла; безсмысленно и названіе парусовъ *безоднімu*» (у г. Лукашевича не болѣе удачно—безводниї). Очевидно, что стихи эти или сочинены, или подправлены слишкомъ усерднымъ ревнителемъ богатства народной поэзіи, или же неискуснымъ записывателемъ. Во всякомъ случаѣ изъ сравненія вар. Максимовича и Лукашевича видно, что пѣсню подправляли любители». Соглашаясь въ послѣднемъ съ почтенными издателями Ист. п Мр. н., я думаю, что въ основаніи первыхъ 4-хъ ст. лежитъ народнопоэтическій образъ рѣчекъ, несущихъ въ Днѣпръ *вѣсть*, *правду*, *слово*, м. б. именно разсказывающихъ Днѣпру, а черезъ него и синему морю (Ср. въ стих. XVII в. «Ой ріко Стиру... якую всему миру, де в Днiпр впадаєш, *оповідаєш* радость?). Б. м. это находится въ связи съ вр.

То старина, то и дѣянье
Какъ бы синему морю на утишенье.

Это, кажется, давно понималось такъ, что старина («carmina»), сила поэзіи, успокаиваетъ взволнованное море («mare turbatum» Virg); но посредниками должны служить рѣки. Не потому ли и имъ «слава до моря» и несостоитъ ли эта слава (согласно съ обоюдностью, т. е. дѣйствительностью и страдательностью многихъ именъ сущ. и прил.) не только въ томъ, что ихъ славятъ, но и въ томъ, что онѣ славятъ? Не въ этомъ ли обоюдномъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и названіе Днѣпра *словутою* (= Слов-жта, какъ Пут-ята, Нѣж-ата, П. Bodz-ęta)? Въ подобномъ см. Днѣпръ могъ быть названъ «праведнымъ», или въ этомъ родѣ. Какъ бы ни было, есть и другія, отчасти тоже загадочныя пѣсни, указывающія на существованіе этого же образа.

Какъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ, такъ и въ слѣдующихъ пѣсняхъ изъ собр. П. А. Кулиша, замѣтенъ, за устраненіемъ прибавокъ и т. п., размѣръ $^2[4+4]$, изъ котораго — $^2[5+7]$

А. Да горе ж мені на чужині,
Що мої брати не при мені,
Що мої брати въ полку служять:
Що один у полку генералом,
А другий в Москві копитаном,
А третій (самъ пѣвецъ) иде, коня веде,

Да не сам їде, з громадою,
Из громадою, не с правдою (?).
Да привів коня до бродочку
А йу бродочку *сім сот річок:*
Одна річка-семерічка (?),
А другая водяная,
А третяя десь настала (?),
Що сестра брата непознала,
Да бродягою озивала...

Чуб. V, 897.

Б. Було ж нас три брати,
Ох та всі не в купі:
Один въ Самарі атаманом,
Другий в Петенбурсі есаулом,
А я молоденький на Вкраїні,
Наповаю коня из быстрого Дніпра,
Називаю Дніпра рідним братом.
«Ой ти *Дніпро-брате, скажи мені правду*,
«Ох скільки у тебе річок упало?
— Ой упало у мене річок сорок штирі.
Одна річка копірочка (м. б. Поніромчка; ср. село Попоры, Конот. у.),
Та й та в Дніпро упала,
Ой *вона ж мені всю правду сказала:*
Називають мене бурлакою,
А мого товариша розбишакою,
Свого (мого?) кониченька пропилякою (?)

Чуб. V, 1012—3.

Самыя искаженія размѣра показываютъ, что любитель тутъ руки неприкладывалъ. Я считаю эти пѣсни испорченными, но подлинными. А 1 — 6 и Б 1 — 6 указываютъ на пѣсню, послужившую образчикомъ стихотворенія, приписываемаго Мазепѣ, разм. 2[4+4]:

Жалься Боже Украïни,
Що не в купі мають сини:
Один... и пр.

Въ другой пѣснѣ:

«Ой море, море, ти тихий Дунаю!
«Чи небував ти в далекім краю,

«Въ далекім краю, в чужий стороні?
«*Чи нечував ти якій новини?*
«Чи не-тужит дівчина по мені?
—Ой тужит, тужит, на лужку лежит,
Правов сі руков за серце держит...

Далѣе *радостную* вѣсть обратно къ милой переноситъ воронъ:

Ой летит ворон [и]з чужих сторон,
[Ой] летит ворон той промовляє;
«Радуйся дівчино, гість до тя їде..
Žeg. Pauli I, 164.

Въ восточномъ вар. (Глуховъ, Радомысл) вм. Дуная—орелъ:

В чистім полі біл камень лежить,
[Ой] на тим каменю сиз орел сидить,
Ой сидить орел да й розмышляє;
Иде козак дорогою, орла питає;
«Ой чи був, орле в моїй стороні?
«Ой чи тужить моя мила по мені?
—Ой тужит и пр.

Орелъ же передаетъ вѣсть милой (Метл. 242). Безъ этихъ двухъ варіянтовъ было бы непонятно начало третьяго, въ которомъ соединены обращенія къ Дунаю и орлу:

«Ой море, море, та й ти Дунаю!
«Ой орле, орле, та й ти брате мій!
«Чи небув ти, орле, в моїй стороні,
«Ой чи нечув ти якої новини?
«Ой чи нетужить мила по мені?.—
Чуб. V, 1007.

Многое подобное долженъ былъ понимать авторъ стихотв. о битвѣ подъ Берестечкомъ, чтобы начать его съ «Ой ріко Стиру» и пр. Это стихотвореніе между прочимъ доказываетъ, что при благопріятныхъ условіяхъ русское стихотворство могло бы избѣжать уродливостей силлабическаго стихосложенія, которыя принято приписывать польскому вліянію, а не туземному недомыслію.

Болѣе внутреннее и вмѣстѣ болѣе трудное въ примѣненіи формальное основаніе распредѣленія пѣсень есть сходство и сродство поэтическаго образа, т. е. все-таки не того, *что́* говоритъ пѣсня, а того, *какъ* она говоритъ. Ближайшая задача классификатора здѣсь не установленіе исторической преемственности образовъ и типовъ, а пока лишь такой ихъ порядокъ, при которомъ однородное находилось-бы вмѣстѣ или, гдѣ это недостижимо, могло-бы быть найдено при помощи ссылокъ.

Независимо отъ общаго вырожденія народной поэзіи, пѣсня всегда поется не только тѣмъ, кто ее можетъ примѣнить къ себѣ и другимъ, чувствовать, понимать, но и тѣмъ, для кого она служитъ однимъ лишь препровожденіемъ времени. На высшихъ ступеняхъ музыкальнаго и поэтическаго пониманія пѣсня, по народному выраженію, «тчеться»; на низшихъ она кромсается, сшивается изъ обрывковъ, комкается, чему особенно благопріятствуетъ отсутствіе осязательнаго единства разсказа, дѣлимость пѣсни на строфы и образы. Иногда основаніемъ ассоціяціи частей служитъ единство напѣва и размѣра. Послѣднее напр. въ слѣдующемъ: къ пѣснѣ «Убила стріла вдовиного сина»; прилетѣли 3 зозули: мать, сестра и милая; мать плачетъ, какъ рѣка бѣжитъ и пр.», помѣщенной у Метл. 307 въ числѣ веснянокъ (б. м. относимой сюда и народомъ; на это указываетъ припѣвъ «гей-лею», т. е. «лелю»), но имѣющей основной размѣръ $^2[5+5]$, такой же какъ въ колядкахъ, вар. Д. у Чуб. V, 837, присоединяетъ:

Узяли (т. е. зозулі) ёго да на крилечк*а* (вм.—и)
Понесли ёго да до церковці.
Да сами двері одчинилися,
Да сами дзвони задзвонилися,
Да сами свічі посвітилися,
Да сами книги зачиталися,
И сама земля розступилася
И само тіло схоронилося.

Это — одинъ изъ мотивовъ колядокъ, происхожденія христіанско-легендарнаго и связь его съ предыдущимъ совершенно внѣшняя.

Иногда пѣсня сшивается на основаніи не единства́, а лишь сходства размѣра частей. Для примѣра разсмотрю нѣкоторые варіянты одного семейства изъ разряда $[(6+6)+(8+6)]$. У Wacł. z Ol. 336:

Горе ж мені, горе, нещасная доле!
Заорала дівчинонька мисленьками поле.

Чего мы должны ожидать вслѣдъ за такимъ началомъ, будетъ зависѣть отъ того, какъ мы поймемъ 2-ой стихъ. Согласно съ этимъ можно будетъ судить о цѣльности всей пѣсни, или разнородности и разнохарактерности ея состава. *Оранье* могло бы быть или чертою несущественною, вызванною лишь образомъ «сѣять горе» (См. мое соч. «Сл. о П Иг. 56—9), или чертою главною. Въ послѣднемъ случаѣ, т. к. *орать* = любить (мое соч. О нѣкт. симв. 151 — 2), то «заорала мислоньками»—мысленно полюбила, выбрала себѣ. Въ такомъ случаѣ причина горя именно любовь. Это пониманіе подтверждается ст. 5 — 6 у W. z Ol., которые впрочемъ здѣсь непоняты, ибо

Вродило ся жито, трава зеленая;
Ци то, Боже твоя воля, що я нещасная»?

по меньшей мѣрѣ неясно. Лучше у Гол. I, 239:

Посію я жито — трава зеленая;
Ци то, Боже и пр.,

т. е. посѣю одно, а всходитъ другое, желанія неисполнятся [1]). Совершенно ясно, что обманутыя надежды относятся именно къ любви, въ вар. г. Кулиша (Чуб. V, 832):

«Сіяла пшеницю, вродили блавати» (т. е. centaurea-cyanus синіе волошки, вр. васильки);

а между тѣмъ

«Ой кого я вірно люблю, трудно занехати» т. е. ожидала одного, вышло другое (онъ не любитъ), а между тѣмъ я забыть не могу.

---

[1]) Ср. въ п. изъ Сяноцк. и Земнен. окр.:

По-пред мої окна, по-пред мої двері
Насяла миленька білої лелії
(т. е. полюбила, выбрала меня).
Лелії насяла, розмарія сходит:
Юж моя миленька из иншима ходит.
Лелії насяла, розмарія збйшла:
Юж моя миленька за иншого пôшла, Г. I, 337.

Вообще въ вар. W. z Ol. 336, ст. 1—12 совершенно опредѣленны и цѣльны по содержанію (несчастная любовь, отсутствіе милаго). Также можетъ быть понята и жалоба дѣвицы на сиротство въ ст. 13—4; но ст. 15—8:

Чом ти мене, моя мати в церков неносила?
Чом ти мені въ Пана Бога долі невпросила?

уже размѣромъ ²[8 + 6] указываютъ на свою принадлежность къ другому семейству: жалобы на долю, въ видѣ упрековъ, обращенныхъ къ матери, Метл. 274—6. Въ *распространенномъ* вар. у Гол. I, 239, эта посторонняя по размѣру и содержанію примѣсь обнимаетъ ст. 13—6, 19—30.

На противъ, пѣсня у Г. II, 536—7, размѣра [(6 + 6) + (8 + 6)], совершенно цѣльна и имѣетъ единственнымъ содержаніемъ именно то, что въ предыдущей было примѣсью. Объ ораньи — любви нѣтъ рѣчи:

Долеж моя, доле, нещасная доле!
Засіяла дівчинонька мисленьками поле.

Образъ «неродится жито», (а только) «трава зеленая» объясненъ не какъ неудача въ любви, а вообще какъ бездольность съ самаго рожденія. За тѣмъ жалобы на мать, что неупросила доли, сомнѣніе въ Божьей правдѣ, желаніе смерти.

Также цѣльна п. у Гол. I, 325:

Горе-ж мені, горе, нещаслива доле!
Засіяла бідна *вдова* мысленьками поле.

Источникъ горя — не любовь, а вдовство, напрасная трата молодости. Въ концѣ п. обращеніе къ долѣ, колебаніе между надеждою и отчаяніемъ.

Совершенно особую пѣсню составляютъ у Гол. I, 266 (50) стихи 1—14: жалобы жены на *временное* отсутствіе мужа:

Ой сама я, сама пшениченьку жала,
Ой прийду я до домоньку, немаж мого пана!

Что это не вдова и не покинутая, видно изъ «Зброя на кілочку,

мій пан на медочку», или въ другомъ вар. — «Очі мої карі, лихо мені з вами! Нехочете ночувати *ні ніченьки* сами». Но съ 15-го ст. (Ой на гречці..) начинается сшивка изъ клочковъ, мѣстами замѣтная и по размѣру.

Послѣ этого пѣсня у Чуб. V, 832 (№ 401) кажется мнѣ сшивкой, хотя и не безсмысленной. Здѣсь «*Виорала удівонька* мислоньками поле», «сіяла пшеницю, вродили блавати», отнесено намѣренно къ несчастной (вслѣдствіе смерти мужа) любви. Къ этому приставленъ мотивъ, только что разсмотрѣнный («Ой сама я»), но такъ, что черты, указывающіе на лишь временное одиночество, отсутствуютъ, а ст. 19—25 могутъ быть поняты въ смыслѣ вѣчной разлуки.

Наконецъ примѣръ безсмысленной сшивки, а равно и доказательство невозможности сколько нибудь удовлетворительнаго распредѣленія пѣсень безъ предварительнаго ихъ анализа, признанія ихъ сложности или, на оборотъ, цѣльности, представляетъ п. у Чуб. V, 1, отнесенная редакціею къ разряду: *любовь дѣвушки*. Послѣ стиховъ 1 — 4 («Виорала дівчинонька» = Wacl. z Ol. 336. См. выше), ст. 5 — 8 — вставка размѣра ²[4 + 4]. Ст. 9-ый звучитъ:

«Посіяла жито, вродила пшениця».

Пшеница лучше жита; значитъ вышло гораздо лучше, чѣмъ ожидалось, такъ что жалоба:

«Чи то-ж, Боже, *така* воля,
Що нещасна моя доля?»

не говоря уже объ томъ, что выражена неподходящимъ размѣромъ ²[4 + 4], неосновательна. Въ ст. 12 — 7 («Ой сама я..) говоритъ не дѣвица, ибо у дѣвицы «пана» нѣтъ и небыло. Въ вар. Б. (ib) уже ровно ничто не относится къ любви дѣвицы..

Иногда, когда пѣсня для записывателя, ради большей скорости, сказывается, а не поется, трудно даже найти основанія ассоціяціи частей.

Ассоціяціи частей могутъ быть весьма давни, судя по тому, что одни и тѣже встрѣчаются въ разныхъ мѣстностяхъ. Тутъ на двое: или мы непонимаемъ связи, или пѣсня уже многіе годы, б. м. столѣтія поется безъ пониманія въ цѣломъ.

Необходимость разложенія пѣсень на составныя части и на оборотъ, признанія или возстановленія ихъ цѣльности (конечно при помощи открытыхъ для всѣхъ критическихъ операцій) тѣсно связана съ необходимостью объясненія отдѣльныхъ образовъ народной поэзіи.

Само собою, что символизмъ, иносказательность явная (параллелизмъ, когда образъ занимаетъ первую половину стихотворенія или куплета, а его объясненіе или примѣненіе вторую) и скрытая немогутъ считаться особенностями мр. народной пѣсни. Сходныя явленія представляютъ не только пѣсни другихъ славянскихъ народовъ и Литовцевъ, особенно Латышей, но на пр. татарскія двустишія (Н. Бергъ, Пѣсни разныхъ нар. М. 1854, 231). Тѣмъ не менѣе особенной интенсивности этого явленія въ мр. пѣсняхъ слѣдуетъ приписать то, что оно именно въ нихъ бросалась многимъ въ глаза. В. Залѣсскій говоритъ: «въ коломыйкахъ тѣже признаки, что въ краковякахъ: краткость (2—4 стиха, рѣдко больше), поспѣшность созданія («pośpiech w układźie», что не ясно), въ 1-мъ стихѣ обыкновенно образъ изъ внѣшней природы, во 2-мъ мысль, чувство... но образы вдумчиваго Русина глубже, мѣтче. Рѣдко первый ст. ненаходится съ послѣдующимъ въ тѣсной связи, нерѣдко поражающей недостижимою глубиною мысли и чувства (W. z Ol. P. L. Gal. XL—XLI). Т. к. весьма многія другія пѣсни отличаются отъ коломыекъ только большимъ количествомъ двустишій, то авторъ тоже самое долженъ бы сказать и о нихъ. Г. Бергъ выражается такъ: «Эта прелесть (мр. пѣсни) разлита во всемъ: въ словахъ и въ сравненіяхъ, а иногда и просто незнаешь въ чемъ: мило и только! Сравненія, очень любимыя мр. пѣснею, имѣютъ въ ней ту особенность, что они совсѣмъ *не сравненія*, а *такъ что-то такое;* но таково очарованіе и грація выраженія, что и незамѣтишь этого, и дѣла нѣтъ до того, какой смыслъ выходитъ изъ того, что

Рибалочка по бережку да рибоньку удить,
А милая по милому да серденьком (? білим світом) нудить.
Рибалочка по бережку рибоньку хапає,
А милая по милому тяженько вздихає.

«Замѣчу еще особенность мр. пѣсни: это ея своеобразная краткость, къ которой надо нѣсколько привыкнуть. Иногда вдругъ низачто непоймешь, кто говоритъ, и все кажется путаницей». (П. разн.

нар. XVI). Я думаю, что и тѣ образованные люди, которымъ мр. пѣсня знакома съ дѣтства, большею частью находятся въ необходимости говорить о ея свойствахъ словами, скорѣе похожими на жесты, чѣмъ на выраженія опредѣленныхъ мыслей. Я. Ѳ. Головацкій выражается такъ, отчасти сходно съ Залѣсскимъ: «Нерѣдко картина съ природы подобрана къ ощущенію души такъ мѣтко, что чувствуете между ними *какое-то* (!) подобіе, или символъ подобія (?), такъ, какъ бы *риѳма мыслей* соотвѣтствуетъ риѳмѣ языковой формы» (I, Объясн. этн. карты 729).

Въ образованныхъ слояхъ такъ мало людей, интересующихся народною поэзіею, что нужно дорожить подобными признаніями. Они заранѣе оправдываютъ цѣль труда комментатора, который безъ нихъ въ своемъ уединеніи могъ бы усумниться въ томъ, нужны ли его объясненія. Если и знающіе люди говорятъ такимъ образомъ, то оказывается не лишнимъ сказать слѣдующее.

Что бы ни казалось намъ, вышедшимъ изъ прежней колеи, во всякомъ случаѣ для создателя пѣсни отношеніе между образомъ и ближайшимъ значеніемъ было вполнѣ опредѣленное, т. к. образность была именно средствомъ созданія мысли, какъ въ словѣ представленіе есть средство значенія. Только эта опредѣленность можетъ состоять не въ одной непосредственности сравненій, но и въ разнородной reservatio mentalis, при которой указывается только начальное звено мысли, а послѣдующія звенья дополняются понимающимъ въ направленіи, опредѣляемомъ традиціею. Археологъ-комментаторъ лишь сознательно, медленно, ощупью и, конечно, не безъ ошибокъ возстановляетъ то, что непосредственно понимающимъ, т. е. невышедшимъ изъ колеи преданія, дополняется безсознательно, быстро и безошибочно, какъ по инстинкту. Между тѣмъ и другимъ могутъ быть посредствующія ступени, и для дѣла небезполезно, если и въ археологѣ несовсѣмъ порвалась нить безсознательнаго преданія.

Возстановить связь въ примѣрѣ г. Берга не особенно мудрено. Пѣсня начинается такъ:

Ой ти живеш та на горі, а я під горою;
Чи ти тужиш так за мною, да я за тобою?

Здѣсь противоположеніе: при нашихъ обстоятельствахъ тебѣ бы больше тужить за мною, чѣмъ..; но между тѣмъ...

Як би-б тужив так за мною, як я за тобою,
То жили б ми, серце моє, *як риба з водою.*

Здѣсь поворотная точка мысли и указаніе, что въ слѣдующемъ («Рыбалочка и пр.) сравнивается не рыбакъ, а состояніе пойманной рыбы, рыбы безъ воды.

Второе изъ приведенныхъ двустишій поется и отдѣльно, и въ такомъ видѣ, внѣ связи, можетъ показаться неяснымъ:

Ой коби ти так за мною, як я за тобою,
То ми би так пробували, як рибка з водою.
Голов. II, 335 (Колом.),

случай, показывающій, какъ и многіе другіе, что коломыйка вовсе не непремѣнно есть зародышъ болѣе длинной пѣсни; она можетъ быть частью, оторванною отъ бо́льшаго цѣлаго.—*Тужити* въ 1-хъ двухъ двустишіяхъ не непремѣнно горевать, а въ томъ смыслѣ, какъ

«*Журилася* мати мною, як *риба водою*»
Гол. II, 261, 269, 789,

т. е. думала, заботилась обо мнѣ [1]), любила. *Рыба* безъ *воды* образъ тоже обычный. Между прочимъ

«Ой як тяжко на безводьї рибі пробувати,
Безъ милого на чужині тяжше проживати
Гол. II, 776.

Если и примѣръ г. Берга кажется загадочнымъ, то можно найти много другихъ еще болѣе похожихъ на загадки, напр.

На Брустурах загриміло, на Ясіню блисло:
Богдай тебе, мій миленький, по під серце стисло,
Богдай тебе, мій миленькой, кривило, морило:
Чому тото так небило, як ся говорило

---

[1]) Ср. Та журітся, вороженьки, воском, ладанойком,
А не моєвь жовтовь косовь, не моїм вінойком
(Г. II, 775 [2]), т. е. подумайте лучше о своей смерти.

(Гол. II, 448, гдѣ можетъ сбивать то, что двустишія напечатаны подъ отдѣльными номерами, какъ особыя пѣсни). Брустуры и Ясинье — села за Карпатами, въ Мараморошѣ, верстахъ въ 30—40 другъ отъ друга по прямой, первое сѣверо-западнѣе другого. Пѣсня ставитъ насъ передъ этими селами, или между ними. Громъ — слово (подтвержденіе см. выше), а молнія, т. е. громовой ударъ, дѣло. Т. о. смыслъ 1-го стиха: говорилось одно, а сдѣлалось другое; далеко слово отъ дѣла. Проклятія во 2 и 3 ст. относятся къ нарушителю обѣщаній, что и объяснено въ 4-мъ стихѣ.

Подобное же противоположеніе начала и конца, слова и дѣла, видимости и сущности въ слѣдующемъ:

А калина біло цвіла, червоно родила:
Аж тепер ся я дізнала, кого я любила.
Аж тепер ся я дізнала, та аж тепер знаю,
Що йно тебе я любила, тебе лиш кохаю
(Г. II, 775).

Какъ бы въ отвѣтъ на нелишенное вѣроятности, но ошибочное предположеніе: «ты его любишь»:

Ой калина біло цвіла, червоно родила:
Де ж бим свої очи діла, же би-м го любила?..
(Г. II, 782).

Противоположеніе любви и порождаемыхъ ею страданій:

А калинка біло цвіте, а червоно родит;
Великоє закоханє до біди приводит,
(Г. II, 335, 742)

Разлука:

Нема мого миленького, уже неприходит;
Звітти єго виглядаю, звітки соньце сходит.
Ой невітти соньце сходит, *вітки зоря* ясна!
Стратила ж я миленького, теперь я нещасна.
(Г. II, 773).
Ой не відтів сонце сходит, звідків ясни зірки;
Порубали ледіника у чужої жинки
(Г. I, 227).

т. е. не такъ склалось, какъ думалось.

Источникомъ ошибокъ для толкователя можетъ служить принятіе постоянно одинаковаго отношенія между образомъ и значеніемъ. Такъ о сближеніяхъ, какъ

По-над гору високую голуби літают;
Я гаразду незазнала, тай літа минают
(Г. I, 263). Или
Я роскоши незазнала, літа ся минают
(ib 273; III, 332),

Н. И. Костомаровъ говоритъ: «летанье голубей — образъ нерѣдко грустный и, какъ вообще летанье птицъ, возбуждаетъ тоску по утраченной молодости» (Ист. знач. и пр. Бес. 1877. X, 34); «летанье гусей, какъ вообще летанье птицъ, наводитъ грусть о прожитыхъ лѣтахъ (ib 47: «Изъ за гори високої гуси вилітають; Ще роскоши незазнала, вже літа минають). Я же и теперь, какъ прежде (въ св. соч. О нѣкотор. симв. X. 1860, 5), думаю, что здѣсь сравненіе только *роскоши*, какъ свободы, приволья, съ высокимъ полетомъ и *противоположеніе* полета отсутствію «роскоши».

Иногда короткая пѣсня заключаетъ въ себѣ только одинъ образъ безъ объясненія, такъ что можетъ возникнуть сомнѣніе, точно ли передъ нами поэтическій образъ, а не прозаическая мысль въ стихотворной формѣ, на пр.

Ой коби я була знала, що я твоя буду,
Випрала бим сорочечку від чорного бруду
(Г. IV, 453).

Что значитъ «прать сорочку», видно на пр. изъ слѣд.: «жінка, що од живого чоловіка та.... прала другому сорочечку и все прочее.» Квитка, От тобі й скарб. Ср. также:

Заковала зозуленька на жовтім пісочку;
А хто ж мому миленькому випере сорочку?
(Г. II, 297).

Или:

Чи я тобі неказала, чи неговорила:
«Прийди, прийди, мій миленький, я рибу варила»
(Г. II, 353).

Стоило ли закрѣплять это пѣснею? Однако ср. бр.:

А я *рыбку варила*, да нешумавала;
А я *милаго любила*, да нешанавала...
...А я рыбку варила, на кусочки дзєлила;
В кого чорный вусок, таму рыбки кусок,
В кого рыжа барада, таму й юшки шкадá!
(Зап. Геогр. Об. по Этн., V, 101).

Или:

Онъ:

Небуду я воду пити, бо вода нечиста,
Бо у воду нападало кленового листа.

Она отвѣчаетъ:

Ай бо тото не кленина, зазулино пірѥ!
Прийди, прийди, мій миленький, на моє подвірѥ!
(Г. II, 411).

Пить зн. любить. Онъ обвиняетъ Её въ невѣрности; Она оправдывается, утверждая что вина—пустячная. Образъ «вода криницы, испорченная нападавшими въ нее кленовыми листьями», понятый въ этомъ смыслѣ, вошелъ и въ легендарную пѣсню о бесѣдѣ Христа съ Самарянынею, гдѣ при

«Як би ви ту воду пили,
«Кед то вода барз нечиста:
«З верха листок з спода пісок»
или «З верху листом припадено»
(Г. I, 235; IV, 522),

есть варіянтъ.

«Нападало з клена листа».

Или:

«Где ти, мила, пробывала,
«Коли вода виливала?»
— Ай я была при бережку
Держала-м ся за березку,
За березку, за тернину,
Кликала-м ся на родину.
(Г. II, 551).

Разливъ-вообще горе, Ср. мое соч. Сл. о Полку Иг. 73—6, а также слѣдующее:

Невелика поточина, луги измулила;
Хвалилася ледачина: «любка відлюбила (Г. II, 427),

т. е. хоть малый потокъ, а занесъ иломъ лугъ (должно б. лѣсной сѣнокосъ; *лугъ* и въ мр. смыслѣ, какъ поемный берегъ противополагается *берегу*); хоть дрянной человѣкъ, а опечалилъ, сказавши, что разлюбила милая.

Не жаль мені за лугами, що пішли з водою,
Ай жаль мені на попонька, що звінчав з бідою (Г. II. 442).

Здѣсь поэтическая (не миѳологическая) матеріялизація образа (см. выше). Луги занесенные муломъ, испорченные разливомъ = несчастный бракъ; но не жаль мнѣ луговъ (какъ будьто они въ самомъ дѣлѣ понялись водою), а жаль на попа.

Тиха вода надійшла, береги змулила;
В мого любка чорні очка, то-м ся додивила
(Г. IV, 461), т. е.

незамѣтно подкралось сознаніе красоты, любовь, а съ нею и горе).

Но въ частности въ п. у Г. II, 551 причина горя, представленная разливомъ, какъ видно изъ контекста, есть именно вербунокъ, рекрутчина. Такая спецификація значенія стала уже традиціонною:

Упав сніжок межи гори, тай річки прибули:
Уже мого миленького в черевички взули [1]).
Взули, взули в черевички, сиву барву дали,
Кучерики порівнали, на войну погнали,
(Г. IV, 94).
Ой у горах сніги впали, річеньки прибули:
Ой вже ж мого рідног' сина в черевики вбули.

---

[1]) Черевикъ — жовнерская обувь, одинаково непривычная и для того, кто оситъ чоботы, *скорни*, и для того, кто носитъ постолы; рекрутъ говоритъ:

Дали мени черевик,
А я к тому непривик.

В черевиченьки обули, кучері обтяли,
А вже мому рідну (? м. б. рідном(у) сину карабінок дали.
(Г. I, 137).

Отсюда видно, что вопросъ

«Где ти, мила, пробывала,
Коли вода выливала?»

значитъ: почему ты отнеслась безучастно къ моему горю, когда меня брали въ солдаты? Она (или можетъ быть онъ же за нее, иронически) отвѣчаетъ: мнѣ было горя мало (м. б. рада была, что «роди́на», родственники, между прочимъ мать (береза), сдержи́ваютъ). Въ варіантѣ, кажется, намекъ на другую любовь («кликалам ся на Йванину)» и рѣшительное подтвержденіе того, что рѣчь идетъ о Ея безучастіи, ибо гасить пожар = утѣшать:

«Мила, мила, десь бывала,
«Коли вода луги брала?
—.Я стояла на бережку (т. е. на крутомъ, = противоположномъ),
Держала-м ся за голузку,
За голузку, за тернину,
Кликала-м ся на Йванину,
На Йванину молоденьку,
На душечку солоденьку. —
«Де ти тогди, мила, стояла,
«Коли дубровонька палала?
— Я в решеті воду носила
И нёв дубровоньку гасила. [1])
(Г. III, 390).

Изъ этихъ и подобныхъ примѣровъ и изъ вышеприведенныхъ признаній знатоковъ дѣла, мнѣ кажется, видно, что нынѣшній способъ изданія пѣсень, (впрочемъ, по обстоятельствамъ, необходимый), состоящій въ распредѣленіи ихъ по содержанію, во многихъ случаяхъ неудовлетворяетъ первой потребности читателя: понять ближайшій поэтическій (иногда и грамматическій) смыслъ

[1]) Размѣръ 4-хъ послѣднихъ стиховъ испорченъ.

образа. Эта потребность въ значительной степени и съ наименьшею затратою мѣста была бы удовлетворена распредѣленіемъ короткихъ, однообразныхъ пѣсень по сродству ихъ образовъ и ближайшихъ значеній и снабженіемъ пѣсень болѣе длинныхъ ссылками на сходныя по образу и ближайшему значенію мѣста другихъ пѣсень. Такъ какъ невѣроятно, чтобы изданныя теперь мр. а равно и бѣлорусскія пѣсни были вскорѣ вновь переизданы, и напротивъ, можно думать, что наличные большіе ихъ сборники будутъ служить читателямъ еще многіе годы; то остается желать появленія частныхъ подготовительныхъ работъ къ будущему критическому изданію, частныхъ объясненій не только реальныхъ, каковы большею частью заключенные въ изд. гг. Антоновича и Драгоманова, къ сожалѣнію на время остановившемся, но и формальныхъ.

Срочность работы непозволяетъ мнѣ воспользоваться замѣтками, дѣланными мною при чтеніи разсматриваемаго Сборника, [1]) для обзора заключенныхъ въ немъ матеріаловъ со стороны формы и поэтическаго содержанія. Скажу лишь вообще, что, по моему мнѣнію, этотъ Сборникъ вмѣстѣ съ приложенными къ нему изслѣдованіями, картою и изображеніями, во многомъ облегчающими пониманіе самихъ матеріяловъ, есть многолѣтній учоный трудъ, необходимый для дальнѣйшихъ изслѣдованій по этнографіи, исторіи, исторіи языка и словесности южной Руси. Имъ уже пользовались многіе учоные по мѣрѣ его печатанія и, конечно, будутъ пользоваться еще въ большей мѣрѣ по выходѣ его въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ. Съ своей стороны я искренно желаю, чтобы Академіи Наукъ представилась возможность почтить трудъ Я. Ѳ. Головацкаго высшею наградою.

---

[1]) Это писано въ іюлѣ 1879. Теперь, спустя годъ, могу прибавить, что я составилъ обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ согласно съ положеніями, высказанными въ этой статьѣ, т. о. отчасти воспользовался своими замѣтками. Какова бы ни оказалась эта попытка систематизаціи двухъ сродныхъ разрядовъ н. п., для меня-вѣрно, что такая работа требуетъ много времени.

III.

КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ. ГЛАВНѢЙШІЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИСТОРІИ СВВ. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ,

СОЧИНЕНІЕ А. А. ВОРОНОВА.

Кіевъ, 1878.

Рецензія професора **Е. Е. Голубинскаго.**

Достопочтенный авторъ изслѣдованія поставляетъ задачу своего труда въ томъ, чтобы — во первыхъ, въ отношеніи къ источникамъ недокументальнымъ (сказаніямъ или житіямъ, похвальнымъ словамъ, службамъ и пр.) опредѣлить время происхожденія главнѣйшихъ между ними и показать отношеніе одного источника къ другому, т. е. опредѣлить ихъ зависимость или самостоятельность; во вторыхъ, въ отношеніи къ источникамъ документальнымъ опредѣлить подлинность и достовѣрность нѣкоторыхъ между ними (стр. 9).

Источники перваго отдѣла, которые авторъ подвергаетъ своему нарочитому обслѣдованію, суть: такъ называемыя Паннонскія житія, Болгарская легенда или пространное греческое житіе Климента, краткое греческое житіе Климента, восточно-и-западно-славянскія службы, Похвальныя слова, «Успеніе св. Кирилла», сочиненія, приписываемыя св. Кириллу, такъ называемая Итальянская легенда. Источникъ втораго отдѣла, вопросъ о подлинности котораго рѣшаетъ авторъ, есть посланіе папы Стефана VI къ Святополку.

Разборъ Паннонскихъ житій приводитъ автора къ слѣдующимъ результатамъ или положеніямъ: 1) Оба житія принадлежатъ одному автору и не могутъ быть разсматриваемы какъ два отдѣльныхъ и самостоятельныхъ источника. 2) Первоначальная редакція ихъ была не славянская, а греческая; славянская редакція представляетъ свободный переводъ съ нѣкоторыми уклоненіями отъ подлинника и дополненіями. 3) Авторъ житій былъ ученый славянинъ, принадлежавшій къ восточной, а не къ западной церкви и жившій не въ Панноніи, а въ Болгаріи. 4) Онъ не былъ непосредственнымъ ученикомъ и очевидцемъ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія и житія составлены не ранѣе второй четверти X вѣка. 5) При составленіи ихъ онъ пользовался съ одной стороны нѣкоторыми греческими и нѣкоторыми латинскими источниками, а съ другой преданіями, сохранившимися до его времени.

Трудно согласиться съ тѣмъ положеніемъ нашего изслѣдователя, что житія первоначально написаны были погречески, а не пославянски. Здѣсь прежде всего находимъ у него весьма прискорбную неясность (не совсѣмъ понятно для насъ — какъ имъ незамѣченную). Говоря о двухъ редакціяхъ — первичной греческой и вторичной славянской, онъ въ тоже время говоритъ объ одномъ авторѣ — славянинѣ. Но авторомъ которой редакціи считать славянина — греческой или славянской? Такъ какъ учено-литературныя достоинства житій онъ усвояетъ славянину, то на этомъ основаніи слѣдовало бы считать его авторомъ редакціи греческой (потому что помянутыя достоинства принадлежатъ редакціи первоначальной). Но допускать, чтобы изслѣдователь представлялъ себѣ дѣло такъ, что Славянинъ написалъ житія погречески, намъ кажется слишкомъ маловѣроятнымъ. Филологическіе признаки, которые главнымъ образомъ приводятъ изслѣдователя къ убѣжденію, что житія написаны были первоначально погречески, т. е. — какъ мы толкуемъ его — грекомъ, весьма не тверды и не надежны, а между тѣмъ противъ него рѣшительно говорятъ: во первыхъ, невѣроятность того предположенія, чтобы грекъ взялъ на себя трудъ описывать житія изобрѣтателей славянской азбуки (хотя родомъ и грековъ); во вторыхъ общій стиль житій, вовсе не тогдашній греческій. Подозрѣвается намъ, что въ мысли о первоначальной греческой редакціи житій всего болѣе утвердило автора одно недоразумѣніе. Въ житіи Меѳодіевомъ говорится, что, пришедъ съ Константиномъ и съ моравскими учениками въ Римъ, Меѳодій былъ священъ папою на поповство, т. е. посвященъ въ священники,

и что потомъ отъ Коцела онъ ходилъ къ папѣ для посвященія въ архіерея. Изслѣдователь находитъ «неоспоримымъ мнѣніе, что Меѳодій, бывшій игуменомъ знаменитаго монастыря Полихрона, не могъ не быть пресвитеромъ еще прежде своего отправленія въ Моравію» (стр. 55 fin). Отсюда у него является увѣренность, что двукратное посвященіе Меѳодія папою явилось въ житіи по недоразумѣнію. Изслѣдователь домыслилъ, что недоразумѣніе можетъ быть изъяснено при предположеніи греческаго слова ἱερωσύνη: сдѣлавъ это открытіе, онъ и утвердился въ убѣжденіи, что первоначальная редакція житія — греческая. Но дѣло въ томъ, что неоспоримо не мнѣніе, принимаемое изслѣдователемъ, а противоположное, именно — что игумены и знаменитыхъ и незнаменитыхъ монастырей не рѣдко бывали простые монахи, не имѣвшіе никакой степени священства.

Имѣемъ или не имѣемъ мы достовѣрныя сказанія о Константинѣ и Меѳодіѣ кромѣ позднѣйшихъ легендъ о нихъ — вопросъ слишкомъ важный. Если бы было намъ доказано, что не имѣемъ, то приходилось бы помириться съ фактомъ, какъ бы ни было это грустно. Утверждая съ незначительнымъ сравнительно меньшинствомъ прежнихъ изслѣдователей, что житія не суть произведенія непосредственнаго ученика и очевидца, а писателя позднѣйшаго, почерпавшаго свѣдѣнія отчасти изъ письменныхъ источниковъ, отчасти изъ устнаго преданія, нашъ изслѣдователь является (на нашъ взглядъ) столь же мало основательнымъ, какъ и кто либо изъ прежнихъ изслѣдователей. Для автора «очевидно, что житія написаны тогда, когда слава святости свв. первоучителей стала общимъ вѣрованіемъ церкви, къ которой принадлежалъ и авторъ» (стр. 87). Но этихъ общихъ словъ онъ вовсе не подкрѣпляетъ прямыми доказательствами, а между тѣмъ вопросъ—откуда взялось въ житіяхъ множество мелкикъ фактическихъ частностей, которыхъ вовсе не могло дать автору устное преданіе и которыхъ не могли дать ему и предполагаемые изслѣдователемъ письменные источники, оставляется имъ безъ всякаго отвѣта.

Такъ называемую Болгарскую легенду, или пространное греческое житіе Климента, изслѣдователь считаетъ произведеніемъ архіепископа болгарскаго Ѳеофилакта, которому оно усвояется надписаніемъ. Совершенно основательно (на нашъ взглядъ) опровергаетъ онъ при этомъ Бодянскаго, хотѣвшаго видѣть въ авторѣ житія славянина на томъ основаніи, что-де грекъ не въ состояніи былъ съ такой теплотой, участіемъ и подробностью передавать

дѣйствія чужеродца (стр. 113). Но никакъ нельзя сказать, чтобы изслѣдователь удачно и основательно отдѣлывался отъ тѣхъ возраженій, которыя говорятъ противъ принадлежности житія Ѳеофилакту. Авторъ житія, выдавая себя за непосредственнаго и приближеннаго ученика Климентова, пишетъ: «а насъ смиренныхъ и недостойныхъ по благоутробію доброты своея между всѣми другими сдѣлалъ къ себѣ приближоннѣйшими и потому мы во всякое время находились при немъ, слѣдя за всѣмъ, что онъ дѣлалъ, что говорилъ и чему посредствомъ того или другаго научалъ и мы никогда не видали его празднымъ». Объ этихъ словахъ житія нашъ изслѣдователь говоритъ: «трудно видѣть въ этихъ словахъ указаніе на первоначальный Славянскій источникъ житія, которому Ѳеофилактъ будто бы далъ только новую редакцію; необъяснимо, почему, при строгой цѣльности и единствѣ житія, редакторъ его только въ одномъ этомъ мѣстѣ оставилъ нетронутымъ свой первоисточникъ и не измѣнилъ показанія въ смыслѣ соотвѣтствующемъ своему времени. Трудно также видѣть здѣсь и поддѣлку позднѣйшаго автора подъ тонъ и обстоятельства ученика св. Климента: фальсификація въ этомъ смыслѣ проходила бы чрезъ все житіе и авторъ едва ли допустилъ бы промахи, указывающіе на позднѣйшее происхожденіе житія. Намъ кажется, это мѣсто наиболѣе удобно объясняется именно изъ мысли о принадлежности житія Ѳеофилакту и служитъ даже нѣкоторымъ подтвержденіемъ этой мысли. Въ данномъ случаѣ Ѳеоѳилактъ относится къ прославляемому святому не только какъ членъ просвѣщенной имъ церкви болгарской, но и какъ сослужитель св. Климента, какъ лицо духовное, на что ясно указывается епитетами «насъ смиренныхъ и недостойныхъ». Имѣя въ виду мысль, что св. Климентъ особенно приближалъ къ себѣ лицъ духовныхъ или монашествующихъ, и они всегда были съ нимъ и никогда не видѣли его празднымъ, Ѳеофилактъ какъ монахъ и епископъ той же церкви и города, гдѣ подвизался въ монастырѣ св. Климентъ, отождествляетъ себя съ непосредственными сослужителями святаго и вмѣсто третьяго лица ставитъ первое, указывая этимъ не на свое личное свидѣтельство, а лишь на свидѣтельство современныхъ св. Клименту сподвижниковъ его изъ духовенства или монашествующихъ. Неточность, но аналогическая съ тою, по которой Ѳеофилактъ причислялъ себя (о чемъ изслѣдователь говоритъ выше) къ болгарамъ и къ болгарской церкви и ученикамъ св. Климента (стр. 136)». Объяснять подобнымъ образомъ имѣющія слишкомъ прямой конкретный смыслъ выраженія:

«и потому мы всегда находились при немъ, слѣдя за всѣмъ, что онъ дѣлалъ, и никогда не видали его празднымъ», конечно, всякій найдетъ болѣе чѣмъ страннымъ.

Относительно значенія нашего житія, какъ источника для исторіи Константина и Меѳодія, авторъ говоритъ: «въ ряду источниковъ для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія пространному житію св. Климента или такъ называемой болгарской легендѣ, по важности сообщеній, принадлежитъ первое мѣсто послѣ Паннонскихъ житій. Это житіе составляетъ какъ бы дополненіе и продолженіе пространныхъ житій свв. Первоучителей: въ немъ опредѣляется вѣроисповѣдной характеръ дѣятельности ихъ, изображается судьба Моравo-Паннонской церкви по смерти св. Меѳодія и излагается исторія просвѣтительной дѣятельности въ Болгаріи удалившихся сюда изъ Моравіи учениковъ св. Меѳодія и преимущественно знаменитѣйшаго изъ нихъ св. Климента. Въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ житіе это представляетъ главнѣйшій и почти единственный первоисточникъ (стр. 109)». Эта совершенная вѣра въ житіе не совсѣмъ понятнымъ образомъ вяжется у нашего изслѣдователя съ невѣріемъ. Недавно высказано мнѣніе, что (вопреки нашему житію) Константинъ и Меѳодій вовсе не должны быть считаемы крестителями Болгаріи и вовсе не должны быть считаемы и ея просвѣтителями въ смыслѣ ея непосредственныхъ учителей или въ смыслѣ людей въ ней бывшихъ и трудившихся. Авторъ вполнѣ соглашается съ этимъ мнѣніемъ и такимъ образомъ не вѣритъ житію въ первой его части, въ которой утверждается именно это; въ тоже время онъ безусловно и совершенно вѣритъ житію во второй части. Во всемъ житіи источники (неизвѣстные намъ) одни и тѣже; въ одной половинѣ своей оно не заслуживаетъ никакой вѣры, а въ другой — оно заслуживаетъ полной вѣры: не думаемъ, чтобы подобная критика могла быть признана совершенно удовлетворительною.

Наше житіе Климента исполнено несообразностей. Ни одна изъ несообразностей не бросается изслѣдователю въ глаза и не смущаетъ его (такъ сказать — предопредѣленной) вѣры во вторую часть житія. Это, конечно, вовсе не показываетъ, чтобы изслѣдователь слишкомъ внимательно изучалъ житіе, для чего, какъ даютъ видѣть нѣкоторыя указанія, у него не вполнѣ доставало общихъ свѣдѣній по исторіи Константина и Меѳодія.

Краткое греческое житіе Климента изслѣдователь справедливо считаетъ произведеніемъ позднимъ, написаннымъ послѣ простран-

наго житія и составленнымъ большею частію по сему послѣднему. Но при этомъ онъ странно относится къ нѣкоторымъ частнымъ извѣстіямъ, которыя читаются только у нашего автора. Чѣмъ позднѣе сказаніе, тѣмъ меньшею степенью достовѣрности обладаютъ и извѣстія, имъ сообщаемыя, — этого не отрицаетъ и самъ изслѣдователь. Между тѣмъ о свидѣтельствѣ житія, будто Климентомъ послѣ глаголицы Константина изобрѣтена кириллица, онъ говоритъ: «Свидѣтельство это—ясное, самостоятельное и необъяснимое изъ какого нибудь недоразумѣнія автора въ отношеніи къ какому-либо письменному, извѣстному намъ, памятнику не можетъ быть устранено изъ одной мысли о сравнительно позднемъ происхожденіи житія, и справедливо занимаетъ видное мѣсто въ ряду доказательствъ объ изобрѣтеніи св. Кирилломъ глаголицы» (стр. 143 fin). Вѣроятно, самъ признавъ слова свои слишкомъ рѣшительными, изслѣдователь спѣшитъ затѣмъ прибавить: «по меньшей мѣрѣ слѣдуетъ признать въ немъ отголосокъ преданія»....

«Успеніе св. Кирилла», впервые открытое Гильфердингомъ, авторъ считаетъ позднѣйшею компиляціей, составленной на основаніи Паннонскаго житія Константинова, Похвальнаго ему слова и греческаго пространнаго житія Климентова, а его новое извѣстіе о проповѣди Константина въ Брегальницѣ воспроизведеніемъ позднѣйшей легенды, перемѣшавшей Константина съ Климентомъ (изъ которыхъ, по автору, послѣдній имѣлъ центромъ своей дѣятельности Брегальницу).

Относительно такъ называемой Итальянской легенды изслѣдователь вполнѣ принимаетъ мнѣніе г. Викторова, что она составлена изъ Паннонскаго житія Константинова и Слова на обрѣтеніе мощей Климента. Мы вполнѣ согласны въ этомъ случаѣ съ изслѣдователемъ и только до нѣкоторой степени странно намъ то, что послѣ Викторова онъ прямо не указалъ ея автора (который по ясному указанію Іакова де-Ворагине, бывшаго у автора въ рукахъ и сличаемаго имъ съ Итальянской легендой, есть Левъ епископъ Остійскій).

Такъ называемую Солунскую легенду, начинающуюся словами: «Бѣше житіе мое въ Кадокіи и ученіе мое въ Дамаспѣ», авторъ совершенно справедливо (по нашему мнѣнію) считаетъ позднѣйшимъ произведеніемъ характера чисто сказочнаго.

Изъ существующихъ памятниковъ славянской письменности, усвояемыхъ надписаніями Константину Философу или Кириллу Словенскому, авторъ не находитъ возможнымъ признать за подлинное

произведеніе Константина первоучителя ни одного, въ томъ числѣ и «Написанія о правѣй вѣрѣ».

Относительно похвальныхъ словъ и восточныхъ, давно извѣстныхъ, службъ г. Вороновъ признаетъ общепринятое (точнѣе—наиболѣе принятое) мнѣніе, что онѣ написаны послѣ Паннонскихъ житій и имѣютъ своимъ источникомъ эти послѣднія. Службы западно-славянскія, глаголическія, которыми въ нашей литературѣ обстоятельнымъ образомъ впервые занимается онъ — г. Вороновъ, признаются имъ за произведенія XIV вѣка, и относительно ихъ сообщается, что они не содержатъ никакихъ новыхъ свѣдѣній противъ источниковъ старшихъ.

Документальный источникъ, вопросъ о достовѣрности котораго рѣшаетъ г. Вороновъ, какъ мы сказали, есть посланіе папы Стефана VI къ Святополку. Изслѣдователь рѣшительнымъ образомъ за то мнѣніе, что посланіе представляетъ собою подлогъ, сфабрикованный Вихингомъ.

Такъ называемыя Паннонскія житія Константина и Меѳодія и пространное греческое житіе Климента суть тѣ сказанія о первоучителяхъ, критика которыхъ составляетъ самую главную задачу введенія въ ихъ біографію, ибо эти сказанія составляютъ первоисточники свѣдѣній о нихъ, и слѣдовательно отъ того или другаго рѣшенія вопроса объ ихъ качествѣ зависитъ все. Мы совершенно не согласны съ достопочтеннымъ изслѣдователемъ во взглядѣ на Паннонскія житія, которыя считаемъ не позднѣйшими легендами, какъ онъ, а достовѣрными сказаніями, принадлежащими непосредственнымъ современникамъ и ученикамъ; мы весьма не согласны съ нимъ во взглядѣ и на житіе Климентово, которое, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ довѣрія несравненно въ меньшей степени, нежели сколько расположенъ вѣрить ему онъ, и можетъ быть признаваемо за источникъ только въ смыслѣ самомъ условномъ.

Если мы не согласны съ достопочтеннымъ изслѣдователемъ во взглядахъ, то это, конечно, само собою значитъ, что мы признаемъ его взгляды неудовлетворительными и не правильными. Но это вмѣстѣ съ тѣмъ не значитъ, чтобы мы осуждали научную несостоятельность и недоброкачественность его труда по отношенію къ главнѣйшимъ вопросамъ этого послѣдняго. Всякій знаетъ, что критика сказаній о Константинѣ и Меѳодіи есть нѣчто своеобразное. Здѣсь дѣло преимущественнымъ образомъ основывается не на прямыхъ и положительныхъ данныхъ, кото-

рыхъ не достаетъ, а на собственныхъ всякаго изслѣдователя соображеніяхъ. Но соображенія представляютъ собою вещь весьма субъективную: вполнѣ убѣдительное для одного ни малѣйше не убѣдительно для другаго. Мы не можемъ отказать труду г. Воронова въ замѣчательномъ научномъ достоинствѣ и въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ съ его воззрѣніями мы вовсе или далеко несогласны. Защищая несостоятельную, по нашему мнѣнію, мысль, будто Паннонскія житія первоначально были написаны погречески, авторъ защищаетъ ее цѣлымъ рядомъ филологическихъ доводовъ; и если мы не можемъ признать за этими доводами убѣдительности, то во всякомъ случаѣ не можемъ не признать, что они суть плодъ самаго тщательнаго изученія текста житій. Не согласятся подобно намъ, или согласятся съ авторомъ другіе, мы не знаемъ; но то несомнѣнно, что подобное тщательное изученіе текста житій есть дѣло далеко не безплодное и не малоцѣнное. Не можемъ мы согласиться съ г. Вороновымъ на то, чтобы признавать авторомъ Климентова житія архіепископа Ѳеофилакта, но не можемъ и не признать научнаго достоинства доказательствъ, которыми онъ хочетъ утвердить свою мысль, — его сравненія нашего житія съ несомнѣнно принадлежащими Ѳеофилакту сочиненіями, при чемъ получаются данныя, которыми воспользуются и люди съ нимъ несогласные.

Не находимъ мы справедливымъ и возможнымъ отказать труду г. Воронова въ научномъ достоинствѣ тамъ, гдѣ мы съ нимъ несогласны. Но это несогласіе наше съ нимъ простирается не на все изслѣдованіе и не на все въ изслѣдованіи; оно касается одной только части послѣдняго, хотя и наиболѣе существенной. Въ остальномъ мы на большую половину совершенно согласны съ нимъ, а на меньшую половину могли бы предъявить только такія неважныя разногласія, изъ-за которыхъ не стоило бы поднимать нарочитаго спора.

Позволимъ себѣ указать то, что, по нашему мнѣнію, должно быть отмѣчено въ изслѣдованіи, какъ выдающееся.

Считая автора Меѳодіева житія принадлежащимъ не къ Римской половинѣ церкви, хотя и признающимъ символъ православный, а къ половинѣ Греческой (однимъ и тѣмъ же съ авторомъ житія Константинова), изслѣдователь совершенно удовлетворительно разъясняетъ тѣ недоумѣнія, которыя заставляли прежнихъ изслѣдователей причислять автора къ Римской половинѣ церкви.

Въ разборѣ пространнаго греческаго житія Климента изслѣдователь совершенно основательно опровергаетъ мнѣніе покойнаго

Бодянскаго, принятое и многими другими, будто авторъ его есть славянинъ. За тѣмъ заслуживаетъ полнаго одобренія и не можетъ быть названа совсѣмъ неудачною его попытка доискаться настоящаго смысла въ темныхъ и по буквальному смыслу несообразныхъ рѣчахъ автора о дѣятельности Климента.

Въ разборѣ «Успенія св. Кирилла» изслѣдователь дѣлаетъ столько же похвальную и также не неудачную попытку разъяснить, откуда могла взяться эта Брегальница, какъ мѣсто проповѣдническои дѣятельности Константина.

«Написаніе о правой вѣрѣ» изслѣдователь не находитъ возможнымъ признать за подлинное произведеніе Константина. Можетъ быть, авторъ не всѣхъ убѣдитъ своими доводами; но совсѣмъ неосновательно, на нашъ взглядъ, или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ основательно поступитъ тотъ, кто не обратитъ на нихъ серьезнаго вниманія и не взвѣситъ ихъ по надлежащему.

Авторъ дѣлаетъ новую попытку объяснить загадочное слово «Каонъ» и попытку едва ли не болѣе удачную, чѣмъ всѣ прежнія.

Вообще говоря, мы не можемъ не признать сочиненіе г. Воронова ученымъ изслѣдованіемъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ,— изслѣдованіемъ при полной самостоятельности обладающимъ не малыми положительными достоинствами и представляющимъ собою полезный вкладъ въ науку.

IV.

ЗАМѢЧАНІЯ ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ:

ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ ВЪ ЗАПАДНО-РУССКІЙ КРАЙ, СНАРЯЖЕННОЙ ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ, ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ОТДѢЛЪ.

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ, СОБРАННЫЕ Д. ЧЛ. П. П. ЧУБИНСКИМЪ,

Спб. 1872 — 1878.

Составлены Академикомъ **И. И. Срезневскимъ.**

Громадный сборникъ трудовъ экспедиціи, снаряженной Русскимъ Географическимъ Обществомъ въ Юго-западный край Россіи, заключаетъ въ себѣ матеріалы и изслѣдованія, собранные П. П. Чубинскимъ въ такомъ числѣ, что по обилію запасовъ, въ него вошедшихъ, такъ же какъ и по внѣшней величинѣ его, въ ряду другихъ сборниковъ разнаго рода, относящихся къ тому же краю, долженъ занять первое мѣсто. Въ семи большихъ томахъ этого сборника дано мѣсто разнаго рода запискамъ о бытѣ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, преданіяхъ народныхъ и разнаго рода подборамъ того, что входитъ въ кругъ народной словесности и въ кругъ данныхъ о языкѣ народа. «Матеріалы и изслѣдованія», вошедшіе въ эти томы, собраны г. Чубинскимъ не только лично, но и при участіи многихъ доброхотовъ, имъ приглашенныхъ. Они были или разработываемы или только приготовляемы къ изданію и печатаемы по отдѣламъ разными лицами. Отъ того произошло, что нѣкоторые отдѣлы значитель-

но полнѣе другихъ, и, что нѣтъ въ обдѣлкѣ различныхъ отдѣловъ той общей внутренней связи, которая, конечно, была въ умѣ г. Чубинскаго, когда онъ занимался собиранiемъ запасовъ по разнымъ отдѣламъ. Не умаляя значенiя собранныхъ запасовъ, это затрудняетъ изслѣдователя, имѣющаго нужду ими пользоваться. Для примѣра укажу на одну немаловажную сторону постановки дѣла. Въ разныхъ мѣстахъ сборника проглядываетъ мысль г. Чубинскаго, ведшая его къ отличенiю въ народѣ Южно-Русскомъ нѣсколькихъ мѣстныхъ отдѣловъ. Можно предположить, что и запасы были первоначально подбираемы по этимъ народнымъ отдѣламъ. Въ изданномъ сборникѣ они распредѣлились по содержанiю такъ, что народные отдѣлы смѣшались, скрылись, а въ тѣхъ случаяхъ, когда при какой нибудь записи не было отмѣчено, гдѣ именно она сдѣлана, совершенно запропали. Не могу при этомъ не выразить сожалѣнiя, что, можетъ быть, вслѣдствiе раздробленiя матерiаловъ, собранныхъ г. Чубинскимъ, остались многiе не изданными; а что они были (и конечно сохранились) на это есть въ сборникѣ нѣсколько указанiй. Какъ бы то ни было, изслѣдователь, желающiй пользоваться сборникомъ по тому или другому изъ мѣстныхъ отдѣловъ народа, долженъ предварительно вымѣтить для себя, что̀, гдѣ, относительно какой мѣстности находится въ каждомъ изъ томовъ, и за тѣмъ уже приступить къ изслѣдовательной работѣ. Эта затрата времени каждымъ изъ отдѣльныхъ изслѣдователей могла бы быть предупреждена, хотя отчасти, общимъ указанiемъ содержанiя сборника по мѣстностямъ, къ которымъ относятся записанныя наблюденiя. Такой указатель былъ бы полезенъ не для однихъ изслѣдователей, но и для мѣстныхъ наблюдателей, для собирателей свѣдѣнiй, для любознательныхъ путешественниковъ и т. д. Мнѣ бы казалось, составленiе и изданiе такого указателя, какъ добавочной книги къ сборнику, должно увеличить достоинство сборника, и раскрыть его этнографическое достоинство.

Часть VII-го тома сборника, стр. 453—512 и за тѣмъ въ приложенiяхъ стр. 527 — 600 заняты свѣдѣнiями о Южно-Русскомъ нарѣчiи или, правильнѣе выражаясь, объ особенностяхъ мѣстныхъ видоизмѣненiй Южно-Русскаго нарѣчiя. Приложенiя заключаютъ въ себѣ: а) програму для указанiя особенностей мѣстныхъ народныхъ говоровъ, состоящую изъ вопросовъ, на которые были желаемы отвѣты, съ нѣкоторыми объясненiями, и б) отвѣты на эти вопросы, доставленные изъ 59 мѣстностей. Болѣе половины отвѣт-

ныхъ записокъ доставлены изъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской (35 изъ 49-ти); затѣмъ изъ Черниговской, Минской и Гродненской не много болѣе трети (15 изъ 49); изъ остальныхъ всего болѣе изъ Полтавской и Люблинской (по 4). Вопросы и приложенныя къ нимъ объясненія очень поучительны; отвѣты, какъ сами по себѣ, такъ еще болѣе по тѣмъ мѣстностямъ, изъ которыхъ сдѣланы, полезны болѣе всего какъ дополненія къ объясненіямъ, приложеннымъ къ вопросамъ.

Что касается основной статьи, озаглавленной: «Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины», то она, какъ сказано въ подстрочномъ примѣчаніи (на стр. 453), составлена П. К. Михальчукомъ, которому г. Чубинскій передалъ собранный имъ матеріалъ. Г. Михальчукъ, какъ указано въ самомъ заглавіи статьи, не счелъ возможнымъ ограничить кругъ своихъ сопоставленій предѣлами Южной Россіи, но раздвинулъ его и далѣе на западъ, въ края сопредѣльныя съ Россіею, гдѣ слышатся говоры сродные съ Южно-Русскими, и слѣдовательно долженъ былъ воспользоваться, кромѣ того, что было ему сообщено г. Чубинскимъ, и другими наблюденіями, какими и чьими это въ статьѣ не оговорено.

Первая, вступительная глава статьи г. Михальчука заключаетъ въ себѣ историко-географическое сопоставленіе частей Юго-Западной Руси, гдѣ слышится нарѣчіе, обыкновенно называемое Малорусскимъ, съ тѣми именами частей этихъ краевъ, которыя сохранились въ древнихъ Русскихъ лѣтописяхъ, и затѣмъ вторая даетъ обозрѣніе мѣстныхъ нарѣчій и говоровъ сообразно съ этимъ сопоставленіемъ. Очевидно, г. Михальчукъ имѣлъ въ виду поставить свой взглядъ на Южно-Русское нарѣчіе съ его мѣстными говорами на историческую точку зрѣнія; но въ обозрѣніи мѣстныхъ видоизмѣненій нѣтъ никакихъ историческихъ указаній. Отдѣлены три главныхъ нарѣчія: I. *Украинское*, распространенное въ предѣлахъ Россіи и на сѣверъ и на югъ, а съ запада отъ границы на дальній востокъ; II. *Полѣшское*, занимающее полосу на сѣверъ отъ области Украинскаго «въ большинствѣ болотистую часть» Южной Руси; III. *Червонорусское* (Русинское или Русняцкое), занимающее пространство на западъ отъ области Украинскаго нарѣчія, частью въ предѣлахъ Россіи по границѣ, а большею частью въ Австрійской Галиціи и въ сѣверо-восточной Венгріи. Въ *Украинскомъ* нарѣчіи выдѣлены поднарѣчія: а) Сѣверно-Украинское или Украинно-Полѣшское, б) Средне-Украинское и в) Южно-Украинское или «степовое»; въ

Полѣшскомъ поднарѣчія: а) Сѣверное, б) Собственно Полѣшское, в) Подляшское, г) Черно-Русское; въ *Червонорусскомъ:* а) Подольско-Холмское, б) Галицкое, в) Карпатское. Въ многихъ поднарѣчіяхъ выдѣлены разнорѣчія, именно: I. а: 1. г. Нѣжинско-Переяславское или сѣверско-Украинское, 2. Собственно- или Средне-Украинское-Полѣшское, 3. Пинско-Волынское; б: в: 1. Каневско-Полтавское, 2. Слободско-Украинское; 3. Волынско-Украинское (отрасль Средне-Украинскаго) 4. Побережно-Подольское (отрасль Южно-Украинскаго); II. а. 1. Собственно Сѣверское, 2. Сѣверско-Великорусское; б: 1. Собственно Подляшское и 2. Королевское; г: 1. Мозырское, 2. Слонимско-Пинское, 3. Заблудовское. Всего выдѣлено 18 мѣстныхъ говоровъ, разумѣется только главныхъ. Для нагляднаго уразумѣнія, гдѣ именно употребляется какое нарѣчіе, поднарѣчіе и разнорѣчіе, къ книгѣ приложена карта, на которой каждое отмѣчено особенною краскою и особеннымъ сочетаніемъ красокъ.

Не смотря на то, что и до появленія въ свѣтъ работы г. Михальчука были уже изданы многія и частью очень важныя разслѣдованія по Южно-Русскимъ говоромъ, между прочимъ и превосходныя работы А. А. Потебни, работа г. Михальчука достойна вниманія и уваженія, и если не какъ полная обработка дѣла, то по крайней мѣрѣ какъ первоначальный смѣлый набросокъ, изъ котораго можетъ позже выдти большой трудъ, какого еще нѣтъ въ нашей литературѣ.

Въ этомъ будущемъ, можетъ быть уже подготовляемомъ большомъ трудѣ не останется, конечно, тѣхъ недомолвокъ, которыя кое-гдѣ останавливаютъ на себѣ недоумѣвающаго читателя, и высказаны будутъ научно-отчетливо тѣ общія положенія, безъ выясненія которыхъ все дѣло остается и должно оставаться темнымъ. Одно изъ такихъ общихъ положеній заключается въ рѣшеніи вопроса: какими главными особенностями отличается нарѣчіе Южно-Русское отъ всѣхъ другихъ нарѣчій, какъ самостоятельно отъ нихъ выдѣлившееся и сохраняющее свои коренныя особенности во всѣхъ мѣстныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, или въ первоначальномъ видѣ или въ затемненномъ подъ вліяніями жизни?

Съ этимъ вопросомъ въ непосредственной связи стоитъ другой: какія изъ этихъ особенностей надобно считать (относительно) исконными, принадлежащими древнѣйшему времени, хоть на примѣръ времени древнѣйшихъ показаній Русскихъ лѣтописей, и какія явились въ послѣдствіи? Другая часть того же вопроса: какія изъ мѣстныхъ видоизмѣненій Южно-Русскаго нарѣ-

чія можно разсматривать, какъ древнія, относящіяся на примѣръ хоть ко времени древнѣйшихъ показаній Русскихъ лѣтописей, и какія нельзя не отнести къ болѣе позднимъ вѣкамъ и приблизительно къ какимъ именно?

Оба означенные вопроса въ умѣ изслѣдователя явятся только частнымъ приложеніемъ рѣшеній вопросовъ болѣе общихъ. Одинъ изъ нихъ относится къ теоріи наблюденій: на что именно и какъ долженъ обращать вниманіе наблюдатель, желающій научно выдѣлять коренныя и вторичныя особенности языка или нарѣчія? Другой вопросъ относится къ самому языкознанію: въ чемъ заключается повременная измѣняемость языка или нарѣчія, гдѣ надобно искать причинъ ея (на сколько это доступно изслѣдованію) и что, на какихъ основаніяхъ, должно считать одновременнымъ съ обособленіемъ языка или нарѣчія или близкимъ къ нему по времени, и что явленіемъ послѣдовавшаго времени?

Само собою разумѣется, что отъ труда полнаго, потребовавшаго много времени, можно ожидать и вообще отчетливой опредѣленности въ различеніи звуковъ языка или нарѣчія, этимологическихъ видоизмѣненій словъ, разныхъ условій его синтаксическаго строя и вмѣстѣ съ тѣмъ и полнаго вниманія къ словамъ и выраженіямъ языка или нарѣчія, которыя могутъ или и должны быть приняты въ число характеристическихъ.

V.

ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ ВЪ ЗАПАДНО-РУССКІЙ КРАЙ, СНАРЯЖЕННОЙ ИМПЕРАТОРСКИМЪ РУССКИМЪ ГЕОГРАФИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ. ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ОТДѢЛЪ.

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ, СОБРАННЫЯ Д. ЧЛ. П. П. ЧУБИНСКИМЪ.

7 томовъ.

Рецензія Академика **А. Н. Веселовскаго.**

Экспедиціи, руководителемъ которой поставленъ былъ г. Чубинскій, предложено было изслѣдовать въ этнографическо-статистическомъ отношеніи Югозападный край (т. е. губерніи Кіевскую, Подольскую и Волынскую), обращая одинаковое вниманіе на всѣ обитающія въ немъ народности. Г. Чубинскій раздвинулъ предѣлы изслѣдованія, включивъ въ его районъ южныя части Гродненской и Минской губерній, западныя Люблинской и Сѣдлецкой и сѣверовосточную часть Бесарабіи — что доставило ему преимущество болѣе широкаго кругозора и большаго запаса этнографическихъ матеріаловъ, которые оставалось проредактировать, изъ которыхъ надлежало сдѣлать строгій выборъ. Это — вопросъ редакціи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вопросъ первичной программы, поставленной сотрудникамъ-собирателямъ: успѣхъ собиранія стоитъ въ прямой, если и не исключительной зависимости отъ ея полноты и выработанности, вызывающей отвѣты и отчасти опредѣляющей ихъ качество.

Относительно всего этого г. Чубинскій высказался подробно въ предисловіи къ изданнымъ имъ Матеріаламъ и Изслѣдованіямъ

(томъ I, вып. 1, стр. XII слѣд.). Нѣсколько извлеченій изъ этого предисловія послужатъ намъ точкой отправленія для слѣдующаго далѣе разбора частностей.

«При этнографическихъ изслѣдованіяхъ можно дѣйствовать двоякимъ путемъ», говоритъ г. Чубинскій: «или свои субъективныя впечатлѣнія изложить какъ результатъ наблюденій, или собирать матеріалы, касающіеся разныхъ сторонъ народной жизни, давая, такимъ образомъ, возможность всякому видѣть народъ независимо отъ впечатлѣній наблюдателя. Я выбралъ второй методъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) До сихъ поръ не было произведено полнаго всесторонняго этнографическаго изслѣдованія о Малороссіянахъ. Собиратели матеріаловъ касались одной какой-либо стороны народной жизни; наиболѣе полны—сборники пѣсенъ разныхъ лицъ, а также сборникъ пословицъ Номиса. Относительно вѣрованій, обрядовъ, примѣтъ, гаданій, нашептываній, заклинаній, игръ и забавъ, юридическихъ обычаевъ, бытовой обстановки и оттѣнковъ говоровъ — собрано весьма мало матеріаловъ. Матеріалы эти разбиты, разбросаны въ разныхъ изданіяхъ, такъ что многіе изъ нихъ сдѣлались недоступными.—2) До сихъ поръ изъ значительной части изслѣдованнаго мною района не было почти никакихъ этнографическихъ матеріаловъ; такъ напр. изъ Холмской Руси, изъ Подлясья Сѣдлецкой и Гродненской губ., изъ Пинскаго и Мозырскаго уѣздовъ Минской губ. не было почти никакихъ матеріаловъ, а изъ Волыни и Подоліи было матеріаловъ мало, такъ что о населеніи всѣхъ поименованныхъ мѣстностей нельзя было составить хотя бы приблизительнаго понятія. Изъ всѣхъ этихъ мѣстностей собрано много, а равно и получено отъ разныхъ лицъ весьма значительное количество матеріаловъ...—Руководясь всѣми этими соображеніями, я старался собирать сколь возможно болѣе этнографическихъ матеріаловъ, а равно привлечь къ сотрудничеству возможно большее число дѣятелей... Что касается до статистическихъ данныхъ, то я считалъ наиболѣе важнымъ предметомъ изслѣдованія—теперешнее экономическое положеніе крестьянъ югозападныхъ губерній, состояніе промышленности и еврейскій вопросъ въ краѣ... Районъ моихъ поѣздокъ граничитъ на сѣверѣ съ Припетью и Бѣловѣжской пущей, на западѣ съ р. Вепремъ, на юго-западѣ съ австрійской границей и р. Прутомъ, на югѣ съ Новороссійскимъ краемъ, на востокъ и ю. в. — съ Днѣпромъ, заключая въ себѣ губ. Кіевскую, Волынскую, Подольскую и части губ. Минской, Гродненской, Люблинской, Сѣдлецкой, Полтавской и Бессарабской

области. — Въ поѣздкахъ моихъ я старался не упустить изъ виду ни одной изъ сторонъ народной жизни, въ особенности обращалъ вниманіе на тѣ стороны жизни, которыя наименѣе были обслѣдованы. Такъ я вездѣ слѣдилъ за фонетическими и грамматическими особенностями говора, измѣненіями въ бытовой обстановкѣ; изъ памятниковъ народнаго творчества — я обращалъ вниманіе особенно на обрядовыя пѣсни и сказки миѳическаго содержанія; описывалъ обряды, разсматривалъ рѣшенія волостныхъ судовъ; собиралъ свѣдѣнія, касающіяся экономическаго состоянія крестьянъ, о заработной платѣ, промышленности, о значеніи евреевъ въ краѣ и проч. Обрядовыхъ пѣсенъ записано мною до 4000. Родины, крестины и похороны записаны въ нѣсколькихъ мѣстахъ; свадьба описана болѣе чѣмъ въ 20-и мѣстахъ; сказокъ записано до 300. По программѣ о говорахъ сдѣланы записи болѣе чѣмъ въ 60 мѣстахъ; изъ книгъ волостныхъ судовъ выбрано до 1000 рѣшеній. Почти повсемѣстно дѣлались записы о заработныхъ платахъ, о характеристическихъ занятіяхъ, степени урожая, вліяніи крестьянской реформы на экономическій бытъ народа; о лѣсной торговлѣ, табаководствѣ, шелководствѣ, винодѣліи и проч.».

Передъ такой громадной работой, открывшей наукѣ массу новыхъ данныхъ, руки критика должны бы опуститься стыдливо — потому именно, что его добыча легка и побѣда ничтожна, и что въ трудѣ, потребовавшемъ столько усилій и времени и столько собравшемъ матеріала, не могутъ не встрѣтиться мелкіе промахи и недомолвки и стороны, вызывающія методологическія сомнѣнія.

Но на критику вызываетъ насъ самъ г. Чубинскій.

У него были сотрудники; такой сборникъ, какъ его Матеріалы и Изслѣдованія, не могъ обойтись безъ содѣйствія многихъ лицъ, въ числѣ которыхъ мы назовемъ лишь гг. Антоновича и Кистяковскаго. Но обиліе матеріала, при значительномъ даже числѣ работавшихъ лицъ, было таково, «что не могло не отразиться на качествѣ самихъ работъ и породило нѣкоторые почти неизбѣжные недостатки», о которыхъ редакторъ и предупреждаетъ читателя. Я остановлюсь на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

«*Нѣкоторыя вѣрованія* (изъ вошедшихъ въ сборникъ г. Чубинскаго) *могутъ показаться субъективными, не характеризующими всего народа*. Но исключать эти вѣрованія я не считалъ себя вправѣ. *Это дѣло дальнѣйшей разработки. Критика изданнаго матеріала можетъ отдѣлить общее отъ частнаго*. Я полагаю, что народное міровоззрѣніе не представляетъ собою законченнаго цѣлаго; разнооб-

разныя вліянія отражаются въ народномъ міровоззрѣніи. Въ немъ живутъ и преданія сѣдой старины, и наблюденія обыденной жизни, и *свѣдѣнія, перешедшія отъ высшихъ классовъ, оттѣненныя, конечно, общимъ характеромъ умственнаго склада народа*».

Г. Чубинскій не говоритъ, какія изъ сообщаемыхъ имъ вѣрованій онъ считаетъ субъективными. Если онѣ не характеризуютъ всего народа, то имъ не могло быть и мѣста въ сборникѣ, посвященномъ его изученію. Другое дѣло, если названіемъ субъективнаго отличается одинъ изъ источниковъ народнаго повѣрья: такимъ именно путемъ должны были проникать въ него и школьное преданіе и церковныя представленія, и «свѣдѣнія, перешедшія отъ высшихъ классовъ». Въ сборникѣ г. Чубинскаго легко отмѣтить цѣлый отдѣлъ вѣрованій такого «субъективнаго» происхожденія. Если, по словамъ редактора, они оттѣнены «общимъ характеромъ умственнаго склада народа», воплотились въ его сознаніе и облеклись въ формы его мысли, тогда, разумѣется, не можетъ быть и спора объ ихъ умѣстности или неумѣстности въ сборникѣ этнографическаго содержанія: вѣдь «народное міровоззрѣніе не представляетъ собою законченнаго цѣлаго», и элементъ пришлаго, субъективно-внесеннаго и лишь претвореннаго народомъ играетъ въ немъ, какъ извѣстно, видную роль. — Другое дѣло, субъективное вѣрованіе, отрывокъ школьнаго знанія, хотя бы и записанный изъ устъ народа, но сохранившій личный отпечатокъ, выдѣляющій его изъ общенароднаго міровоззрѣнія: такой матеріалъ надо было, по необходимости, исключить, не предоставляя это дѣло «дальнѣйшей разработкѣ», критикѣ, имѣющей впослѣдствіи отдѣлить «общее отъ частнаго». Я не представляю себѣ критику непререкаемымъ судьею, имѣющимъ точно отдѣлить въ предлагаемомъ ей этнографическомъ матеріалѣ зерно отъ плевелъ—какъ въ альбигойскомъ анекдотѣ божественному правосудію представлялось различить праведныхъ и грѣшниковъ въ числѣ казненныхъ. Этнографической критикѣ не хватаетъ для того критерія: работая въ кабинетѣ, надъ фактами уравненными между собою, такъ сказать объективированными на бумагѣ, она не можетъ принять на себя роли собирателя-редактора, наблюдающаго тѣ же факты въ ихъ живомъ проявленіи, могущаго оцѣнить стоимость своихъ источниковъ, долю народнаго міросозерцанія и субъективнаго вклада. Задача «отдѣлить общее отъ частнаго» принадлежитъ прежде всего ему; и послѣ его суда критика можетъ разобраться въ томъ, что еще осталось неразобраннымъ: при помощи сравненія отдѣльныхъ фактовъ, вызываю-

щихъ сомнѣніе, съ общимъ выводомъ, вытекающимъ изъ другихъ, аналогичныхъ; сопоставленіемъ съ данными иного народнаго міровоззрѣнія и т. п. Въ общемъ она связана матеріаломъ, по которому должна была пройтись другая критическая рука, связывающая её своимъ выборомъ, своими рѣшеніями. Если въ исторіи критики встрѣчались и еще встрѣчаются увлеченія матеріаломъ, оказавшимся впослѣдствіи завѣдомо ненароднымъ и поддѣльнымъ, то трудно обвинять въ этомъ критику, которая и теперь еще не обладаетъ всѣми необходимыми средствами сравненія: широкое этнографическое поле еще далеко не всё изведано, и въ этой области неизвѣданнаго старые критеріи не всегда достаточны для того, чтобъ отдѣлить зерно отъ плевелъ.

«Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, продолжаетъ г. Чубинскій, встрѣчаются такіе недостатки, какъ напр. *повторенія однородныхъ вѣрованій, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ*. Это произошло потому, что рукопись постоянно пополнялись новыми матеріалами и, при отрывочности ихъ, трудно было избѣжать повтореній, въ особенности если принять во вниманіе *спѣшность работы*. Независимо отъ этого я старался приводить *сходныя вѣрованія*, записанныя въ разныхъ мѣстностяхъ, дорожа всякою, даже мелкою особенностью; при этомъ трудно было избѣжать *повторенія тождественныхъ вѣрованій. Я полагаю, что полнота матеріаловъ выкупаетъ недостатки въ редакціи*».

Повтореніе сходныхъ или однородныхъ вѣрованій, записанныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, необходимо, если эти вѣрованія представляютъ особенности редакціи, которыми не слѣдуетъ пренебрегать этнографу. Въ противоположномъ случаѣ легко было избѣжать повторенія простой ссылкой на то мѣсто сборника, гдѣ сходное вѣрованіе было приведено для другой мѣстности, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ интересъ исчерпывается исключительно моментомъ распространенности того или другаго обычая или обряда, не его новымъ выраженіемъ. Самъ г. Чубинскій указываетъ на подобные недостатки въ редакціи, объясняемые «спѣшностью работы». Той же спѣшностью остается объяснить и нѣкоторыя ея недомолвки и неполноты. Мы не рѣшимся вторгнуться въ область редактора, широко понявшаго свою задачу и даже распространившаго её за предѣлы оффиціальной програмы; мы не спросимъ его, почему напр. онъ не открылъ въ своемъ сборникѣ отдѣла «мѣстныхъ сказаній», образцы которыхъ можно встрѣтить въ Малорос-

сійскихъ преданіяхъ и разсказахъ Драгоманова [1]); почему онъ не сдѣлалъ изъ своего труда полный Corpus этнографическихъ свѣдѣній о Малороссіи, допустивъ въ него, рядомъ съ полнѣйшимъ собраніемъ лирическихъ пѣсенъ, такой же сборникъ думъ? Я разумѣю редакціонныя недомолвки другаго рода: отсутствіе фактическихъ отвѣтовъ на вопросы, естественно вызываемые той или другою изъ сообщенныхъ этнографическихъ и народнопоэтическихъ данныхъ. Дѣло касается мелочей; но возможность вопросовъ очевидно не представилась редакціи. Если это объясняется спѣшностью, то остается пожалѣть, что такого рода мотивъ не могъ быть устраненъ—тѣмъ болѣе, что трудъ, подъятый на Матеріалы и Изслѣдованія, едва ли будетъ повторенъ въ скоромъ времени. Я объясняю себѣ спѣшность — изъ оптоваго характера экспедиціи, назначенной охватить въ короткій срокъ самыя разнообразныя стороны быта. Едва-ли не полезнѣе частныя экспедиціи съ болѣе тѣсными цѣлями и научно, до мелочей выработанными программами, дающими возможность предусмотрѣть и такіе вопросы, которые не легко представляются при болѣе широкой постановкѣ изслѣдованія.

«Въ духовныхъ пѣсняхъ, а также въ духовныхъ колядкахъ, встрѣчаются слова и выраженія, лишенныя смысла. Дѣло въ томъ, что пѣсни эти сочинены книжниками. Усвоивъ ихъ, народъ передѣлалъ слова и выраженія по свойству своей фонетики. Многія изъ нихъ для него были непонятны, а потому онъ не могъ ихъ замѣнить другими; ему осталось только произносить ихъ свойственно своему разговорному языку. Вслѣдствіе этой передѣлки и произошло нарушеніе смысла. Я старался передавать эти пѣсни, какъ поетъ ихъ народъ. Большинство этихъ пѣсень сочинено уніатскими монахами—васильянами (базильянами) и вошло въ составъ изданнаго въ прошломъ столѣтіи «Богогласника» Почаевской Лавры. Къ сожалѣнію я не имѣлъ, во время приведенія матерьяловъ въ порядокъ, этого источника, а потому и не могъ сдѣлать подстрочныхъ примѣчаній къ этимъ пѣснямъ для возстановленія непонятныхъ словъ и выраженій». Такія подстрочныя примѣчанія были-бы необходимы и не для однѣхъ духовныхъ пѣсенъ: порядочнаго малорусскаго словаря мы до сихъ поръ не имѣемъ, и примѣчанія могли бы отчасти замѣнить его при сборникѣ, задачи котораго редакторъ опредѣлилъ себѣ такимъ образомъ: «онъ долженъ представить собою собраніе

---

[1]) Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и разсказы. Кіевъ 1876.

памятниковъ народнаго творчества въ такомъ точно видѣ, въ какомъ они существуютъ въ народѣ, не допуская никакихъ произвольныхъ измѣненій и *не пренебрегая самомалѣйшими оттѣнками*»; «въ пѣсняхъ должны быть соблюдены всѣ особенности мѣстнаго говора»; *въ сборникъ должны войти всѣ варіанты, хотя бы даже незначительные.* Такимъ образомъ, кромѣ всѣхъ рукописныхъ варіантовъ, сюда входятъ и помѣщенные въ губернскихъ вѣдомостяхъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ, сборникахъ, а равно въ сборникахъ, изданныхъ заграницей, или-же хотя и въ Россіи, но не на русскомъ языкѣ».

Новѣйшія изданія народныхъ пѣсень пріучили насъ къ такой именно филологической и лингвистической точности, какую поставилъ себѣ цѣлью г. Чубинскій. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ, быть можетъ, даже пожелать большей мѣры и болѣе сознательнаго, не механическаго примѣненія въ сущности здраваго принципа. Необходимо помнить, говоря о «самомалѣйшихъ оттѣнкахъ», о «всѣхъ, даже незначительныхъ варіантахъ» пѣсни, что пѣсня не продуктъ личнаго творчества, разъ на всегда законченный въ формѣ и выраженіи, къ которымъ не трудно бываетъ свести всѣ послѣдующія ихъ искаженія или видоизмѣненія. Пѣсня, въ томъ періодѣ своего развитія по крайней мѣрѣ, въ какомъ мы теперь её знаемъ и записываемъ, не представляетъ ничего законченнаго: пока она поется, она претворяется, постоянно измѣняясь, творясь на ново. Вы сохранили всѣ оттѣнки, въ какихъ она слышалась вамъ сегодня, завтра, и вы все-же её не уловили: черезъ нѣсколько дней новый пѣвецъ пропоетъ её вамъ съ новыми оттѣнками, искаженіями или примѣненіями, размѣры которыхъ потому трудно услѣдить, что отъ насъ по бо́льшей части ускользаетъ ея первичный типъ. Неужели всё это придется собирать снова, записывать или даже издавать? И не полезнѣе-ли будетъ нѣкоторое ограниченіе въ выборѣ оттѣнковъ и варіантовъ? Это, впрочемъ, общій вопросъ, вопросъ метода въ собираніи народныхъ пѣсенъ, котораго я попытаюсь коснуться далѣе.

Въ слѣдующемъ обзорѣ Матеріаловъ и Изслѣдованій, собранныхъ г. Чубинскимъ, я обращу вниманіе лишь на отдѣлы, посвященные народной поэзіи и обрядовому быту. Само собою разумѣется, что такіе «личные» вклады, составляющіе украшеніе сборника, каковы монографіи гг. Антоновича и Кистяковскаго, не подлежатъ оцѣнкѣ, обращенной, главнымъ образомъ, къ дѣятельности

г. Чубинскаго, какъ собирателя-организатора и редактора цѣлаго.

I.

Въ первомъ томѣ Матеріаловъ и Изслѣдованій соединены данныя для характеристики малорусскихъ «Вѣрованій и суевѣрій, загадокъ и пословицъ, колдовства». — Относительно загадокъ и пословицъ, помѣщенныхъ во второмъ выпускѣ, я позволю себѣ привести нѣсколько словъ изъ предисловія г. Чубинскаго: изданіе малорусскихъ пословицъ и поговорокъ Номисомъ полнѣе предлагаемаго, которое, тѣмъ не менѣе, считается не лишнимъ по слѣдующимъ соображеніямъ: «большая часть пословицъ записана въ западной части Подольской губерніи, а равно и въ Подлясьѣ и Полѣсьѣ, откуда до сихъ поръ было наименѣе этнографическихъ матеріаловъ.... Независимо отъ этого предлагаемое собраніе пословицъ и загадокъ служитъ матеріаломъ для изученія языка, представляя особенности фонетическія, лексическія и грамматическія, характеризующія или Подольское или Полѣсское или Украинское нарѣчія». Полнота другихъ отдѣловъ сборника г. Чубинскаго заставляетъ пожалѣть, что въ этой части онъ не воспользовался книгой Номиса также, какъ для пѣсень обращался къ губернскимъ вѣдомостямъ и другимъ періодическимъ изданіямъ.

Обратимся къ вѣрованіямъ и остановимся прежде всего на распредѣленіи сообщаемаго матеріала. Г. Чубинскій расположилъ его по главамъ: 1-ая глава: Вѣрованія о небесныхъ свѣтилахъ и атмосферическихъ явленіяхъ; 2-ая: Земля; 3-я: Царство животныхъ и растеній; 4-ая: Человѣкъ; 5-ая: Міръ духовный. — Главы распадаются, въ свою очередь, на подраздѣленія, ближе опредѣляющія сюжетъ вѣрованій. Такъ 1-ая глава содержитъ слѣдующія рубрики: Небо. — Солнце. — Луна. — Перемѣна дня и ночи и временъ года. — Затмѣніе солнца и луны. — Звѣзды. — Млечный путь.— Падающія звѣзды. — Падающіе камни. — Кометы. — Столбы и круги. — Громъ и молнія. — Въ послѣдней главѣ особые отдѣлы посвящены: душѣ, ангеламъ, святымъ (духовные стихи церковно-школьнаго происхожденія), чертямъ, духочеловѣкамъ (sic) и т. п.— Я не полагаю, чтобы такое распредѣленіе было признано практическимъ, отвѣчающимъ цѣлямъ наглядности — удобства справокъ. Если бъ эти условія были соблюдены, съ нимъ можно было-бы помириться. Но это далеко не такъ: суевѣрія, касающіяся лихорадки, холеры, чумы помѣщены въ 4-й и въ 5-й главахъ; духовный стихъ

о Георгіи въ пятой главѣ, а въ первой, подъ рубрикой: Громъ и молнія, повѣрье о томъ, что тѣмъ и другимъ управляетъ Юрій, либо Илья, Михаилъ и Гавріилъ; въ отдѣлѣ: Луна, находимъ преданіе, что ея фазы или измѣненія происходятъ отъ того, что тамъ находится заслонка, которою завѣдываетъ св. Юрій: онъ постоянно то опускаетъ, то поднимаетъ эту заслонку, оттого и происходятъ перемѣны мѣсяца. Наконецъ, сказки о Юріи помѣщены въ сборникѣ сказокъ (томъ II-й), — какъ, наоборотъ, сказки очутились иллюстраціями къ вѣрованіямъ, собраннымъ въ томѣ I-мъ (сл. стр. 5 — 6), а суевѣрія, связанныя съ папоротникомъ въ Иванову ночь, разбрелись по т. I, вып. 1, стр. 78, и т. III, стр. 197—8.

Я знаю, какъ трудно внести органическій порядокъ въ разнообразный и сложный матеріалъ народнаго вѣрованія, отражающаго міровоззрѣніе, давно нами пережитое и намъ полупонятное, цѣлый рядъ міровоззрѣній, сплетшихся и взаимно осложнившихся въ теченіи вѣковъ. Но именно потому и не слѣдуетъ навязывать этому матеріалу распорядокъ, заимствованный не изъ его духовнаго содержанія, а изъ новѣйшихъ полунаучныхъ категорій. Взятое объективно, народное вѣрованіе не даетъ повода выдѣлить духовный міръ въ особую главу, когда поэтическіе или миѳическіе образы этого міра проходятъ всюду, внося жизнь и въ область «небесныхъ свѣтилъ», и въ тайны растенія, и въ бытъ человѣка, всё объединяя, всё возводя къ значенію вѣрованія. Этого единства не слѣдуетъ расторгать рубриками, прямо противорѣчащими его сущности. Если онѣ необходимы для удобства собиранія и изслѣдованія, то полезнѣе, быть можетъ, заимствовать ихъ напр. изъ идеи историческаго развитія и послѣдовательныхъ наслоеній, что позволило бы выдѣлить изъ общаго матеріала вѣрованій его *завѣдомо* христіанскій, школьно-научный элементъ, предоставивъ критикѣ изслѣдовать его возможныя отношенія къ тѣмъ сторонамъ народныхъ воззрѣній, въ которыхъ христіанство, *повидимому*, не отразилось. Эти воззрѣнія вызываютъ, въ свою очередь, троякую оцѣнку, не нарушающую ихъ единства: 1) представленія о божествѣ и сверхъестественныхъ силахъ вообще, въ ихъ личныхъ проявленіяхъ; 2) отношенія человѣка къ этимъ силамъ (культъ), къ предметамъ и явленіямъ природы (вѣрованія, касающіяся растеній и животныхъ, подошли-бы бóльшею частью подъ эту рубрику); 3) повѣрія, касающіяся космогоніи и эсхатологіи, явились-бы естественнымъ дополненіемъ къ двумъ первымъ отдѣламъ, посвященнымъ

statu quo народнаго суевѣрія. — Я не утверждаю, что такое распредѣленіе матеріала устранило-бы возможность повтореній, но оно не навываетъ ему разграниченій, не допускаемыхъ его природой.

Мое дѣло, впрочемъ, не выработать новую програмну для собиранія народныхъ вѣрованій, а указать на научное значеніе собранныхъ г. Чубинскимъ. И миѳологъ и дэмопсихологъ найдутъ у него богатый запасъ фактовъ, которыхъ еще не коснулась европейская наука, открывающая параллели за тридевять земель и выводящая сравненія изъ подъ вѣковаго спуда. Здѣсь параллели представляются на каждомъ шагу. Укажу для примѣра на мотивъ европейскаго обычая: встрѣчи и спора лѣта и зимы, отбываемаго въ Малороссіи отъ зачатія св. Анны до Срѣтенія (2-го Февраля); на распространенное повѣрье, объясняющее затмѣніе солнца и луны: по понятіямъ малорусса оно происходитъ отъ того, что солнце и луна, послуживши извѣстное время, мѣняются; въ то время они, столкнувшись, могутъ упасть на землю, и тогда произойдетъ кончина міра.—Или: при затмѣніи солнца луна дерется съ нимъ, либо солнце хотятъ съѣсть крылатые вовкулаки; или, наконецъ, они закрываются отъ насъ нашими грѣхами. — Подъ бузиной (стр. 77) сообщается такое преданіе: оно—дьявольское произведеніе: её насадилъ чёртъ и теперь постоянно сидитъ подъ нею, поэтому ее никогда не выкапываютъ съ корнемъ, чтобъ не раздражить дьявола, а оставляютъ расти, въ какомъ бы мѣстѣ она ни была (Сл. Драгоманова, Малорусскія народныя преданія и повѣрья, стр. 47 — 8: Чортъ и бузина). На ней повѣсился Іуда; её нельзя ни рубить, ни выкалывать, чтобъ не навлечь на себя несчастія или болѣзни. На ней сначала не было ягодъ, она стала родить ягоды съ тѣхъ поръ, какъ на ней повѣсили Варвару мученицу и «скребли залізными скрібачками». Нельзя ничего строить на мѣстѣ, гдѣ есть старый коръ бузины. — Подъ *бузничымъ царемъ* одного заклинанія «отъ суда» (стр. 95) разумѣется, несомнѣнно, тотъ же дьяволъ: «Добры-вечіръ тобі, царю бузнычый (у бузыні сыдыть бы то царь), добрый чоловиче! Що тому буде, що батька и матірь убывъ, зъ сестрою гріхъ зробывъ?» и т. д. — На совершенно такія-же повѣрья, и именно о бузинѣ, указываетъ у другихъ народовъ Маннгардтъ (Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstämme II, см. Register a. v. Holundermutter, Holunder). Если такое мелочное совпаденіе можетъ служить данною къ географическому распространенію повѣрья, то другія сходства

даютъ другіе выводы на пользу миѳологической методики. Вотъ повѣрье о коровякѣ (стр. 80): «До восхода солнца нужно пригнуть коровякъ до земли и прикрыть камешкомъ, употребленнымъ при варкѣ бѣлья; отъ такого прикрытія коровяка черви, находящіеся на скотинѣ, выпадутъ сами собою». Тоже сообщается (стр. 82) о царскомъ скипетрѣ: «если у коня или вола заведутся черви, то, не трогая ихъ, отыскиваютъ до восхода солнца кустъ царскаго скипетра и, нагибая его верхушку къ землѣ, говорятъ: «Дивино, не пущу тебе, доки не выпадутъ робаки зъ такоі-то худоби», и при этомъ верхушку куста приваливаютъ камнемъ къ землѣ: черви, дѣйствительно, выпадаютъ». То-же суевѣріе и такой-же обрядъ существуютъ и въ другихъ мѣстахъ, въ приложеніи къ другимъ растеніямъ: къ бузинѣ (Mannhardt l. c. стр. 20), волчцу (въ Чехіи и Пруссіи, ib. стр. 15), чертополоху (Майковъ, Великорусскія заклинанія, стр. 79, отъ червей). Мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ отвлеченнымъ обрядовымъ актомъ, который переносился, по аналогіи, съ одного предмета на другой, какъ такимъ-же образомъ позволено говорить объ объективированныхъ миѳологическихъ схемахъ, свободно прилагаемыхъ къ объясненію того или другаго явленія и не объяснимыхъ внутренней миѳологической экзегезой каждаго явленія порознь. Оттуда накопленіе суевѣрныхъ разсказовъ, нерѣдко исключающихъ другъ друга: затмѣніе происходитъ отъ столкновенія солнца и луны, или они дерутся, или ихъ преслѣдуютъ вовкулаки итп.; млечный путь — дорога въ Іерусалимъ, путь птицамъ въ «вырій», дорога, ведущая умершихъ людей на небо; звѣзды — ангелы, сидящіе на ступеняхъ неба съ зажженными свѣчами въ рукахъ; души умершихъ людей, отличившихся доброю, непорочною жизнью на землѣ; грѣшныя души, которыхъ Господь поставилъ на небо «покутувать гріхы свої»: души менѣе грѣшныя свѣтятъ ярче, болѣе грѣшныя — тусклѣе; звѣзды — души живущихъ людей: сколько звѣздъ на небѣ, столько людей на землѣ; какъ только кто рождается, Богъ зажигаетъ свѣчу и ставитъ её на облакахъ; если человѣкъ живетъ на землѣ не зазорно, его звѣзда горитъ яснымъ, чистымъ свѣтомъ, если безпорядочно, то тусклымъ. — Выше мы сообщили повѣрье, будто фазами луны завѣдываетъ Юрій; но къ нимъ привязалась и другая легенда: вмѣстѣ съ луною, перерождающеюся въ теченіи четырехъ недѣль, перерождаются и жиды, которые распяли Спасителя и стоятъ на стражѣ у Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Жиды эти еще и до настоящаго времени стоятъ въ томъ-же положеніи, и на вопросы прохо-

дящихъ: колы ты вродывся? отвѣчаютъ: вчора; Колы ты умрешь? отвѣчаютъ: завтра [1]).

Въ области народной пѣсни тоже явленіе: выдѣленія и отвлеченія: запоминаются особо древніе поэтическіе запѣвы, выдѣляются цѣлые ряды стиховъ, которыми пѣвецъ располагаетъ какъ общимъ достояніемъ, вдвигая ихъ въ другую пѣснь, развивая новымъ продолженіемъ. Обрядъ, миѳическое представленіе, поэтическій образъ и стихъ объективируются, а далѣе новое творится изъ стараго — по аналогіи.

Въ числѣ повѣрій христіанскаго происхожденія, въ родѣ приведенныхъ выше, многія могли явиться простой замѣной или перелицовкой болѣе древнихъ. Таково преданіе о пятнахъ на лунѣ; разсказы, объясняющіе ихъ, существуютъ повсюду; малороссы видятъ въ нихъ Каина и Авеля, либо двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ убилъ другаго: сдѣлано это для того, чтобы люди ничего не дѣлали въ большіе праздники, ибо Господь наказалъ тѣхъ братьевъ за то, что они въ Рождество Христово «робылы мішанку», т. е. мѣшали сѣно съ соломою для корма скота. — Иныя преданія могли явиться самостоятельно изъ христіанскаго источника и не предполагаютъ какой-нибудь болѣе древней, до-христіанской формы. Таковы легенды, внушенныя сюжетами апокрифовъ. Многіе подобные разсказы были собраны и сообщены Драгомановымъ; я позволяю себѣ коснуться одного изъ приведенныхъ г. Чубинскимъ, остановившаго меня своей своебразностью. Онъ озаглавленъ: *Сотвореніе человѣка* и записанъ въ Радомысльскомъ уѣздѣ (т. I, стр. 145—147).

«Богъ сотворивъ Адама зъ тіста пшенишного да й поставивъ на сонці, щобъ висохъ, а собака взяла да й изъіла. Отъ тоді Богъ вылипивъ (Адама) изъ глины, вдихнувъ въ ёго ангельску душу, да давъ ёму рогове тіло, щобъ николи не зогнило и не боялось холоду. Тоді взявъ Богъ да наславъ на Адама сонъ, да якъ заснувъ Адамъ, до Богъ узявъ да зъ *рожи* сотворивъ жінку да й положивъ іі коло Адама. А Адамъ прокинувсь, що жінка не така, якъ вінъ, да и каже Богу: «Не хочу жінки зъ цвіту, якъ бы мені така жінка, якъ и я». Отъ тоді Богъ взявъ да зновъ навівъ на Адама ще більший сонъ. Да якъ заснувъ Адамъ, до Богъ узявъ да вынявъ изъ ёго ідно ребро, да сотворивъ съ того ребра Еву да й положивъ киля Адама. Адамъ прокинувсь да побачивъ, що ёго жінка така,

[1]) См. мою замѣтку въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1880 г. Іюль: Легенды о Вѣчномъ жидѣ и объ императорѣ Траянѣ, стр. 187 слѣд.; особенно стр. 89—90.

якъ и вінъ, да й узявъ іі собі. Тоді Богъ и питаеться Адама: «А що, котору ти теперъ лучче уподобаешь: чи ту, що зъ цвіту, чи ту, що зъ твого ребра?». А Адамъ каже: «Уже жъ певно мені лучче нехай тая, що зъ мого ребра». А Богъ: «Ну, а мені здаетьця, що тая, що зъ цвіту; я іі дамъ сину своёму за матіръ». Да взявъ Богъ тую жінку, що зъ цвіту да й одиславъ на небо, а Адаму и Еві сказавъ: «іжте усяке яблоко, тілько не іжте изъ одного дерева, бо якъ зъісте, то заразъ умрете».— Послѣ грѣхопаденія прародителей «рогове тіло заразъ Богъ перемінивъ на таке, якъ у насъ теперъ, а рогового тіла оставивъ тільки на конці пальцівъ».—Непосредственнымъ продолженіемъ этого разсказа служитъ слѣдующій: *Адамъ и Ева въ пустині.* Когда Богъ изгналъ ихъ изъ рая, ангелъ велѣлъ Адаму сѣять жито, а Евѣ «давъ жменю конопляного сімя, да каже: «Оце ти посій, до одъ цёго буде вамъ плаття; а колись Богъ дасць, то одъ туеі жінки, що зъ цвіту, народитьця Синъ Божий, да вінъ васъ зновъ упустить у рай». Сатана подбиваетъ ихъ сойтись «до купи ідно зъ другимъ, до одъ Евы родитьця синъ, до той синъ випросить у сина Божого (котрый родитьця съ туеі жінки, що зъ цвіту), щобъ васъ изновъ упустили у рай». — У Евы родится Каинъ.

Преданіе о сотвореніи «жінки зъ цвіту» принадлежитъ къ небольшому кругу сказаній, источники которыхъ слѣдуетъ искать въ какомъ нибудь христіанскомъ апокрифѣ.

Въ одномъ старофранцузскомъ стихотвореніи XII вѣка, сообщенномъ въ извлеченіяхъ авторами Histoire littéraire de la France[1]), а по другому списку Ласбергомъ[2]), приводится такой разсказъ объ императорѣ Фануилѣ.

Тысячу лѣтъ спустя по грѣхопаденіи Адама и Евы древо жизни было перенесено въ вертоградъ Авраама. Ангелъ говоритъ ему, что на томъ деревѣ распятъ будетъ Сынъ Божій, и что отъ его цвѣта родится витязь, который, безъ помощи жены, произведетъ на свѣтъ мать той дѣвы, которую Господь предъизбралъ матерью своему сыну.—Всё совершается такъ, какъ предрекъ ангелъ: дочь

---

[1]) Histoire littéraire de la France XVIII, p. 834—36.

[2]) Ein schoen alt Lied von Grave von Zolre dem Oettinger und der Belagerung von Hohen-Zolren etc. in druck ausgegeben durch den alten Meister Sepp (Freiherr von Lassberg) стр. 67 — 80. — Сообщеніемъ послѣдняго рѣдкаго изданія я обязанъ проф. Штенгелю. См. также его: Mittheilungen aus franz. Handschriften der Turiner Bibliothek, p. 20, Anm. 21.

Авраама забеременѣла, понюхавъ цвѣтокъ съ того дерева. Іудеи обвиняютъ её въ порочной жизни и принуждаютъ доказать свою невинность — божьимъ судомъ: она ввержена въ огонь, но огненные языки чуднымъ образомъ обращаются въ розы и лиліи. У ней родится сынъ, ставшій впослѣдствіи императоромъ:

Car Dieux l'ama tant nostres sire
Que Roy en fit de tot l'empire.
Sainz Fanoel fu mout prodon
Et de mout grand religion (Lassberg).

Плоды древа жизни служили ему средствомъ, которымъ онъ врачевалъ недужныхъ и прокаженныхъ. Однажды, онъ разрѣзалъ одинъ такой плодъ, чтобъ раздѣлить его между больными, а сокъ, оставшійся на лезвеѣ ножа, отеръ о колѣно. Оттого его колѣно «поносъ понесло», и по прошествіи девяти мѣсяцевъ родилась красивая дѣвочка: это была св. Анна, мать Маріи.

Исполненный стыда и недоумѣнія, Фануилъ поручаетъ одному изъ своихъ рыцарей отнести дѣвочку въ дремучій лѣсъ и тамъ убить, дабы никто не узналъ, что съ нимъ приключилось. Рыцарь готовится исполнить данное ему повелѣніе, когда съ неба является голубь, садится къ нему на плечо и вѣщаетъ: пусть онъ не убиваетъ ребенка:

De ly naistra une puceille
En cui Dieux char et sanc prendra
Quant il en terre descendra.

Рыцарь покидаетъ дѣвочку въ гнѣздѣ лебедей, гдѣ её сторожитъ лань, питая её своимъ молокомъ; а Фануилу сообщаютъ между тѣмъ, что его приказаніе исполнено въ точности.

Десять лѣтъ спустя онъ отправляется на охоту, сопровождаемый своимъ сенешалемъ, Іоахимомъ, который, преслѣдуя лань, добирается до лебединаго гнѣзда, откуда слышитъ дѣтскій голосокъ, запрещающій убить животное:

Il regarda en l'arbre amont,
Le ny i vit biaul et raont,
Seoir i vit une pucielle
Qui moult estoit gentis et bielle (Lassberg).

Іоахимъ вступаетъ въ разговоръ съ дѣвочкой, называющей себя по имени, а Фануила — своею матерью:

Je ne vy onques le mien peire,
Ma ie voy la venir ma meire:
Dites ly tot que vigne a my
Et mette (moy) ius de ce ny (Lassberg).

Отецъ и дочь узнаютъ другъ друга, а Фануилъ соглашается на просьбу Іоахима дать ему руку его дочери.

Сообщенная нами легенда распадается на два эпизода: 1) чудесное оплодотвореніе цвѣтомъ (дочь Авраама); 2) рожденіе отъ бедра (Фануилъ). Съ послѣднимъ слѣдуетъ сличить греческую сказку, въ которой Б. Шмидтъ [1]) видитъ параллель къ греческимъ миѳамъ о рожденіи Аѳины и Діониса. Она записана на Закинѳѣ, и ея содержаніе слѣдующее. Былъ однажды король, самый могучій, богатый и добродѣтельный изо всѣхъ, снискавшій особую любовь Господа благочестивой жизнью и добрыми дѣлами. Рѣшившись остаться дѣвственникомъ, онъ тѣмъ не менѣе желалъ имѣть потомство. И вотъ, когда однажды онъ сидѣлъ и плакалъ, сѣтуя о томъ, ангелъ явился ему, возвѣщая, что у него родится дочь отъ икры (у ноги). Вскорѣ послѣ того икра у него распухла; какъ-то разъ на охотѣ онъ накололъ её терніемъ, и изъ нея выпорхнула дѣвушка, вооруженная съ головы до ногъ, съ копьемъ и шлемомъ на головѣ. — Сказка ничего не говоритъ о зачатіи отъ плода и въ дальнѣйшемъ ходѣ уклоняется отъ развитія французскаго сказанія: дѣвушку, тотчасъ по рожденіи, похищаетъ ламія (Lamnissa), которая запираетъ её въ башню и погружаетъ въ сонъ. На вратахъ башни надпись гласила: Икра была моей матерью, терновникъ повивальной бабкой:

Ἄτσα ἡ μάνα μου
Καὶ βάτος ἡ μαμμή μου.

Какой-то царевичъ освобождаетъ красавицу, а Господь, особенно её любившій, даетъ ей въ приданое даръ предвидѣть будущее, «возведя её какъ-бы въ значеніе богини».

Два эпизода, сошедшіеся во французскомъ сказаніи и тождественные въ своей основѣ (зачатіе отъ плода или цвѣта), даютъ

[1]) B. Schmidt, Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder. № 6.

поводъ предположить, что мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшимъ наслоеніемъ, и что одинъ изъ эпизодовъ пристроился вслѣдствіи по аналогіи. Въ самомъ дѣлѣ: французское преданіе знало еще другую, болѣе простую легенду, гдѣ на св. Анну было перенесено разсказанное выше о рожденіи Фануила: она сама зачата отъ цвѣта. Такая легенда упоминается, какъ отреченная, въ одной поэмѣ «sur la Conception»:

Anne de Bethleem fu nee,
De flour ne fu pas engenree,
Ce saichiez vous certainement,
Mais d'omme conseue charnellement.
Celles et cil soient confondu
Qui croient un roman qui fu,
Qui dist que *de flour fust venue*
Sainte Anne et engeneue.

Къ сожалѣнію мы не знаемъ подробнаго содержанія этой версіи сказанія; слѣдуетъ предположить, что она знала Фануила и что въ ней св. Анна зачата или создана была отъ цвѣта. Имя Фануила можно бы объяснить простымъ смѣшеніемъ: св. Анна, мать Богородицы, была слита въ одно лицо съ Анной пророчицей, дочерью Фануила изъ колѣна Ассурова (Paralipom. I c. 8). Но слѣдуетъ еще припомнить, что Фануилъ, евр. Phênûêl, Phênîêl, означаетъ: ликъ Божій, и тогда легенда получаетъ значеніе, сближающее её съ малорусской: самъ Господь созидаетъ отъ цвѣта жену, которую предъизбралъ матерью для своего сына, — либо ту, отъ которой эта мать имѣла родиться. Какая изъ двухъ версій древнѣе—рѣшить трудно: та и другая являются народной иллюстраціей къ догматамъ, нашедшимъ пріютъ и разработку у богословъ запада. Уже въ XII столѣтіи начинаютъ тамъ говорить о дѣвственности св. Анны; французская поэма того-же вѣка переноситъ эту точку зрѣнія назадъ: на Фануила и дочь Авраама; далѣе идетъ малорусская легенда, потому что ея «жінка зъ цвіту» — первозданная Богомъ жена, отвергнутая Адамомъ: Богородица.

Интересно сличить съ сообщенными европейскими повѣрьями одну мадагаскарскую сказку [1]), воспроизводящую вторую половину старофранцузской легенды, но такъ, что чудесное рожденіе (отъ плода или цвѣта) приписано прародительницѣ человѣческаго рода.

[1]) Baring Gould, Legends of old-testament characters, I, 20.

Будто-бы Господь поставилъ перваго человѣка въ великолѣпномъ саду, полномъ плодовъ, запретивъ ему что-либо ѣсть или пить. Злой демонъ, принявъ видъ свѣтлаго духа, явился ему посланникомъ съ неба, повелѣвая ему дѣлать то и другое. Человѣкъ повиновался. Вскорѣ послѣ того на ногѣ у него появилась опухоль, которая разросталась, причиняя ему большое безпокойство. Черезъ шесть мѣсяцевъ она лопнула, и оттуда вышла красивая дѣвушка. Первый человѣкъ женился на ней, слѣдуя велѣнію неба, и прозвалъ её Bahouna. Она стала матерью всего людскаго поколѣнія. — Малорусская легенда также привязана къ сотворенію перваго человѣка, но созданіе отъ цвѣта приписываетъ не праматери людей, а Богородицѣ. Первое представленіе, вѣроятно, древнѣе; на почвѣ христіанства библейскій разсказъ о сотвореніи Адама и Евы оттѣснилъ его, заставивъ перенести легенду о «жінкѣ зъ цвіту» на другое лицо: Марію. Такъ объясняется параллелизмъ малорусскаго преданія.

Я предлагаю это объясненіе, какъ временное, исчерпывающее знакомыя мнѣ редакціи легенды. Новые матеріалы могутъ видоизмѣнить его. Изслѣдователи народныхъ вѣрованій и обрядности найдутъ въ I-мъ томѣ г. Чубинскаго много другихъ точекъ отправленія для сравненій и выводовъ, въ родѣ предложенныхъ мною по поводу сказанія о Фануилѣ.

II.

Къ содержанію I-го тома примыкаетъ непосредственно третій, содержащій Народный Дневникъ: отъ вѣрованій и суевѣрій, такъ сказать, бродячихъ, мы переходимъ къ строгой пріуроченности народнаго религіознаго и рабочаго календаря. Пріуроченность обычая обусловливаетъ его бо́льшую сохранность, какъ стихотворный размѣръ бо́льшую или меньшую сохранность поэтическаго преданія. Самый прочный матеріалъ для миѳологіи мы a priori будемъ искать въ откровеніяхъ Народнаго Дневника.

Затѣя и планъ его не новые, и у г. Чубинскаго были предшественники. Изъ европейскихъ и славянскихъ ученыхъ я назову лишь Гануша, Петрушевича, Гендерсона, Рейнсберга-Дюрингсфельда, Вуттке и т. д.; изъ русскихъ только новѣйшихъ: Максимовича и Селиванова, Крачковскаго, Калинскаго, Петрова. Новое изданіе въ той-же области и по тому-же плану находитъ свой raison d'être въ большей полнотѣ сообщенныхъ данныхъ и въ новыхъ пріемахъ ихъ распредѣленія. Въ послѣднемъ отношеніи Дневникъ г. Чубин-

скаго вызываетъ критику. Народный годъ идетъ у него отъ Января по Декабрь, со включеніемъ праздниковъ переходныхъ. Но такой распорядокъ разрываетъ цѣльность народнаго обрядоваго года: январскіе обряды и повѣрья предваряются декабрскими, являются ихъ продолженіемъ, составляя съ ними одинъ циклъ. Едва-ли не было-бы раціональнѣе начать народный годъ съ цикла весеннихъ празднествъ, объединенныхъ однимъ общимъ типомъ, принявъ за основу распорядка мартовскій счетъ. Въ этой послѣдовательности сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ къ Дневнику г. Чубинскаго.

Подъ 22-мъ Апрѣля сообщаются свѣдѣнія о праздновaніи Ляли или Красной Горки, наканунѣ Юрьева дня. Подобный же обрядъ (и то-же имени) существуетъ, какъ извѣстно, и въ Бѣлоруссіи, и у Румынъ (?); несомнѣнной представляется его связь съ празднованіемъ св. Георгію (23-го Апрѣля), но значеніе его еще не достаточно выяснено, и описаніе его у г. Чубинскаго, хотя и не представляющее ничего существенно новаго, можетъ повести къ новому возбужденію вопроса.

За Апрѣльскими суевѣріями помѣщены Весеннія игры (Кривой Танецъ, Володарь, Король, Царенко, Жельманъ или Зальманъ, Кострубонько и друг.) и собраніе Веснянокъ, можетъ быть, самыхъ поэтическихъ и мелодическихъ пѣсенъ Малороссіи, проникнутыхъ весенней нѣгой и какимъ-то самоупоеніемъ грусти. Ой по горі ходю, поетъ одна дѣвушка (№ 15):

Ой по горі ходю,
А въ долину хилюся:
Отбилася отъ роду,
Назадъ не вернуся.
Травою йду—травиця схиляеться,
Прийшла до роду—родина одрікаеться,
. . . .
Припала роса на моі чорни очи,
Не такъ на очи, якъ на жовту косу,
На жовтій косі перловий вінокъ ношу.

Не всѣ веснянки отличаются такой чистотой стиля; нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ своей не народностью — или, можетъ быть, своимъ искаженіемъ? Я имѣю въ виду № 14:

И не мае и не буде

Прикрасного молодця,
Якъ розчеше жовти кудрі
Ажъ на правее плече и т. д.

№ 72 слѣдовало, быть можетъ, привести подъ рубрикой весеннихъ игръ, при описаніи игры, называемой «Царенко» (№ 21) или «Король» (№ 3):

Приступи, царенку, до близу,
Уклонись царівні до низу.
Въ городі царівъ синъ,
А за городечкомъ царівна.
Приступи, царенку, до гаю,
Возьми царівну зъ раю,
Возьми, царенку, ще й ближче,
Уклонись царівні ще й нижче.

Собирателю и редактору ближе всего было устранить или подкрѣпить наше предположеніе.

Иное замѣчаніе вызываетъ веснянка № 125:

Смерте, смерте, иди на ліса,
Иди на безвість, иди на море;
И ти, морозе, великий и лисий,
Не приходь до насъ изъ своеі коморы.
Смерть зъ морозомъ танцювала,
Танцювала и співала,
И за море десь почвалала.

Дѣло въ томъ, что та-же пѣсня помѣщена въ сборникѣ Головацкаго (Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, II, стр. 530; сл. III, II, систематическое оглавленіе въ концѣ тома, стр. X), лишь съ небольшой отмѣной въ послѣднемъ стихѣ (И за море десь погнала),—но не какъ веснянка, а какъ Соботка, поющаяся на Ивановъ день. Замѣтимъ по этому поводу, что въ области Кракова и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галиціи обрядъ Соботки отбывается не на Купалу, а о «Зеленыхъ Святкахъ» (Oskar Kolberg, Lud, serya V, стр. 294 и 308). — Мы вскорѣ встрѣтимъ другія подобныя совпаденія пѣсенъ: весеннихъ съ ивановскими и даже съ колядками.

Слѣдуютъ въ отдѣлѣ Мая пятнадцать русальныхъ пѣсенъ, а въ

Іюньскомъ богатое собраніе пѣсенъ купальскихъ, всего 51 №№ (изъ нихъ 42 въ текстѣ и 9 въ приложеніи на стр. 483—6). Интересно отсутствіе обрядовыхъ пѣсенъ на тему «братки», велико — и бѣлорусск. Иванъ да Марья, польск. brat-siostra. Преданіе, привязавшееся къ этому двуличневому цвѣтку, спеціально купальское (см. томъ I, вып. 1, стр. 82), какъ извѣстно, отразившееся въ цѣломъ рядѣ бѣлорусскихъ пѣсенъ, поющихся наканунѣ Иванова дня, когда сбираютъ траву для освѣщенія въ церкви (см. Шейнъ, Бѣлорусскія народныя пѣсни, стр, 143—6, №№ 216—218). Въ Галиціи оно дало содержанія колядкѣ, которая поется вдовѣ — одинъ изъ примѣровъ указаннаго выше совпаденія мотивовъ: братья-разбойники убиваютъ своего зятя и ночуютъ съ сестрою, которую не признали; когда грѣхъ открылся, они говорятъ:

Бьей ты, сестрице, звыдки сходитъ сонце,
Якъ ты тамъ пôдешъ, грѣху ся збудешъ,
А мы подêме на захôдъ соньця,
Якъ мы впадеме, та й пропадеме.

(Головацкій l. с. II, стр. 45, Колядки, № 11). — Въ Малороссіи не только ходятъ въ народѣ пересказы древней легенды о кровосмѣсителѣ (см. Драгомановъ, l. с. стр. 130 — 132), но встрѣчаются и пѣсни на ту-же тему: стоитъ только пересмотрѣть въ сборникѣ Чубинскаго т. V, часть I, № 407; ч. II, №№ 458, 479, 485 и 486 (см. Лоначевскаго, Пѣсни Буковинскаго народа, Зап. Юго-Зап. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. II, № 302). Но онѣ не примкнули къ купальскимъ и не поются на Ивановъ день, на сколько можно судить изъ умолчанія собирателя. Извѣстный, опредѣленный отвѣтъ на это былъ-бы желателенъ: прежде чѣмъ разбирать содержаніе обрядовыхъ пѣсенъ по отношенію къ заключенному въ нихъ матеріалу вѣрованія, полезно узнать, примкнули-ли онѣ къ обряду изъ массы свободныхъ лирическихъ или балладныхъ пѣсенъ, не пріуроченныхъ къ извѣстному дню и праздничному циклу, или, наоборотъ, обрядовая пѣснь выдѣлилась изъ обряда, разлагавшагося въ теченіи времени, и обобщилась до значенія простой лирической? Такой вопросъ вызывается не только сходствомъ купальскихъ пѣсенъ Бѣлоруссовъ о «браткахъ» съ малорусскими лирическими, но и сближеніемъ иныхъ малорусскихъ купальскихъ пѣсенъ съ другими, помѣщенными въ сборникѣ г. Чубинскаго внѣ какого-то бы ни было календарнаго пріуроченія.

Имена, наиболѣе часто встрѣчающіеся въ купальскомъ пѣсенномъ циклѣ — Иванъ да Марья: оттуда, несомнѣнно, великорусское названіе цвѣтка, къ которому привязалась извѣстная легенда о кровосмѣшеніи. Въ Малороссіи она разсказывается такимъ образомъ: «Былъ себѣ братъ и сестра и отправились они странствовать. Долгое время они не видали другъ друга, наконецъ сошлись и одинъ другого не могли узнать. Между тѣмъ сестра понравилась брату и они обвѣнчались. Послѣ узнали, что они—братъ и сестра. Имъ стало стыдно, и братъ сказалъ сестрѣ: Ну сестра, пойдемъ въ поле, посѣемся: ты будешь лиловымъ цвѣтомъ, а я желтымъ (Чубинскій l. c., I, 82). — Подобное-же преданіе, только безъ мотива кровосмѣшенія, но съ такимъ-же пріуроченіемъ къ происхожденію цвѣтка, извѣстно и въ Австріи. Имена дѣйствующихъ лицъ: Hans и Grete, Иванъ и Маргарита, до сихъ поръ одни изъ самыхъ популярныхъ въ нѣмецкомъ народѣ, въ его сказкѣ, пѣснѣ и присловьи: Hans и Grete ставятся синонимически вмѣсто парня и дѣвушки, вмѣсто двухъ влюбленныхъ (см. Wackernagel, Die deutschen Appellativnamen, Germania V, стр. 318 слѣд.). Такихъ двухъ влюбленныхъ изображаетъ австрійское повѣрье: въ одной деревнѣ жилъ богатый, но скупой крестьянинъ, у котораго была дочь красавица, по имени Grete; а напротивъ жилъ бѣднякъ, съ сыномъ Hans'омъ. Молодые люди влюбились другъ въ друга, но скупой старикъ не хотѣлъ и слышать о бракѣ. И вотъ Grete долго смотрѣла на Ганса изъ своего садика, а тотъ на Грету съ улицы, пока оба не обратились въ цвѣтки: Гретхенъ въ «Gretel in der Staude» (Nigella), Гансъ въ «Hannsel am Wege» (Vogelknöterich, Polygonum oviculare). (См. Ritter v. Perger, Deutsche Pflanzensagen, стр. 176—7).—Hansl и Gretl зовутся также въ Австріи соломенныя, убранныя въ лохмотья куклы, которыя на Ивановъ день укрѣпляются на высокой жерди, обверченной до основанія соломой и водруженной среди костра; когда костеръ зажженъ и куклы сгорѣли вмѣстѣ съ жердью, парни и дѣвушки принимаются скакать попарно черезъ огонь. (Mannhardt, Baumkultus, I, стр. 464, 513). — Гансъ и Гретль являются еще въ нѣмецкихъ обрядовыхъ процесіяхъ на Духовъ день (Pfingstritt), какъ главныя дѣйствующія лица, и въ видѣ куколъ — на майскомъ деревѣ: Гретль бросали впослѣдствіи въ колодезь, и въ этомъ случаѣ Гансъ прозывался Wassermann (Mannhardt, l. c. I, стр. 352, 429 — 30); наоборотъ, въ Voigtland'ѣ наканунѣ Иванова дня бросали въ воду не только обрядовое дерево, но и человѣка, котораго называли Иваномъ, Johannes (l. c. стр. 170 прим.)—

какъ одна изъ малорусскихъ купальскихъ пѣсенъ начинается словами:

Да купався Иванъ,
Да й у воду упавъ (Чубинскій, III, стр. 483, № 1).

Этимъ западноевропейскимъ обрядамъ, въ которыхъ знаменательно красуются имена Ганса и Греты, отвѣчаютъ извѣстные намъ малорусскіе. «Наканунѣ Иванова дня вечеромъ справляютъ Купалу или Марену: послѣднюю дѣлаютъ иногда изъ простаго вѣника, воткнувъ въ него палку, иногда въ видѣ чучелы изъ соломы, изъ жгучей крапивы и шиповника, но чаще изъ черноклена; её убираютъ вѣнками, намистами, цвѣтами и лентами, относятъ на мѣсто, назначенное для праздника и даютъ ему названіе «Марены». Возлѣ нея ставятъ Купало: пукъ соломы или соломенную куклу, одѣтую въ женскую рубаху, въ лентахъ, намистахъ и въ большомъ вѣнкѣ, и не вдалекѣ разводятъ огонь. Взявшись за руки, ходятъ вокругъ Марены, скачутъ черезъ огонь и поютъ пѣсни. Парубки отнимаютъ у дѣвчатъ Марену, разрываютъ её на части, разбрасываютъ или топятъ въ водѣ (Чубинскій, III, стр. 193—5). — Иванъ Купало—отвѣчаетъ Гансу Wassermann'у, Ивану, бросаемому въ воду; Марена или Марина — Гретѣ, т. е. Маргаритѣ: св. Маргаритѣ западной церкви отвѣчаетъ въ восточной св. Марина. Если такъ, то слѣдуетъ привлечь сюда-же и Маржену или Маржану весеннихъ обрядовъ западныхъ славянъ, сблизивъ её съ Grete — Маргаритой майскаго и ивановскаго обиходовъ, указанныхъ выше.

Въ сущности купальскія пѣсни приносятъ лишь немногое къ разъясненію Ивановской обрядности. Что въ нихъ выдается особенно — это эротическій элементъ, присутствіе котораго въ купальскомъ празднествѣ вызывало обличенія игумена Памфила (1504) и громы Стоглава. Въ ночь на Ивановъ день «мало не весь градъ возмятется, и въ селѣхъ возбѣсятся», говоритъ игуменъ, «въ бубны и въ сопѣли и гудѣніемъ струннымъ и всякими не подобными играньми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ; женамъ же и дѣвкамъ и главами киваніе, и устами ихъ непріязненъ кличь, вся скверныя бѣсовскія пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе, и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; ту есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе, мужеско, женско и дѣвичье шептаніе, блудное имъ воззрѣніе и женамъ мужатымъ оскверненіе, и дѣвамъ растлѣніе». — И бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе, повторяетъ Стоглавъ: «и егда нощь мимоходитъ, тогда отходятъ къ рецѣ съ ве-

ликимъ кричаніемъ, *аки бѣсни*, *и умываются водою*, и егда начнутъ заутренюю звонити, тогда отходятъ въ домы своа, и *падають аки мертвы отъ великаго клопотанія*». — Яркость этихъ обличеній не уступаетъ тѣмъ, которыя раздались противъ религіозной мономаніи «Ивановой пляски». (St. Johannis chorea, danse de St. Jean), проявившейся лѣтомъ 1474 г. на Рейнѣ, Мозелѣ и въ Нидерландахъ. Мущины и женщины, старые и молодые, дѣвушки, убѣжавшія изъ родительскаго дома, собирались на улицахъ и въ церквахъ, предавались неистовой пляскѣ и скаканію, пока не падали изнеможенные («аки мертвы»). Оскверненіе женъ и растлѣніе дѣвъ, о которомъ говоритъ игуменъ Памфилъ, напоминаетъ такія-же показанія западной лѣтописи: что въ числѣ 500 плясавшихъ въ Кельнѣ находилось сто незамужнихъ женщинъ и служанокъ. Плясавшіе носили на головахъ вѣнки и опоясаны были платками и веревками — чтобы не разорваться; съ той-же цѣлью они приказывали себя бить и топтать ногами, когда падали, измученные пляской. Красный цвѣтъ и видъ слезъ были имъ противны; иногда имъ представлялось, что они вступаютъ въ рѣку крови, и они принимались скакать (черезъ неё?), то имъ видѣлось разверстое небо, и тогда, прыгая, они пѣли:

Herre Sankt Johann, so so,
Frisch und froh
Herre Sankt Johann! [1])

Припѣвъ: so so напоминаетъ начало одной бѣлорусской купальской пѣсни (Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, № 232):

Сегодня у насъ Купала... то! то! то!

Иванова пляска конца XIV вѣка надолго осталась въ памяти потомства, судя потому, что хроникёръ Veit Weinberg (+ 1580), упоминая о ней подъ 1374 годомъ, не счёлъ нужнымъ пуститься въ какія бы то ни было поясненія. Онъ сообщаетъ:

Diese Zeit erhub sich ein *Firlefantz*,
hiez man Sanct Johans Dantz,
Junge und alt gelauffen
mit Buberey zu hauffen.

Freybe [2]), недавно сообщившій эту выдержку изъ риѳмованной

[1]) См. Uhland's Schriften III, стр. 399—401 и прим.
[2]) Germania XXIV, стр. 384.

хроники, очевидно не понялъ намека на религіозное движеніе 1374 года, иначе не спросилъ-бы себя: какая тутъ разумѣется пляска и не идетъ-ли дѣло — о блужданіи злыхъ духовъ въ Иванову ночь, объ исканіи кладовъ! — Замѣчу съ своей стороны, по поводу слова *Firlefantz* въ первомъ изъ приведенныхъ стиховъ, что этимъ-же словомъ (Firlefanz) обозначали въ Voigtland'ѣ ту обрядовую игру на Ивановъ день, въ заключеніи которой ввергали въ воду какого-то Johannes. — Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что плясовая мономанія XIV вѣка сохранила ясные слѣды своей связи съ народными обрядами на Купалу: пляска и скаканіе, элементъ веселья и любви (пляшущіе не любятъ слезъ), вѣнки на головахъ и поясы, вѣроятно, восходящіе къ обрядовому опоясанію (Johannisgürtel, herbe de St. Jean). Календарный обрядъ обобщился въ обходъ, какъ въ русскомъ суевѣріи календарный образъ олицетворенной Пятницы далъ поводъ къ такимъ-же обходамъ, въ которыхъ Пятницу изображала «простоволосая женка».

Празднество Марены и Купалы и суевѣрія, касающіяся Иванова дня, подробно описаны въ народномъ дневникѣ, впрочемъ, не безъ недомолвокъ. «*По окончаніи обряда*, читаемъ мы, *на возвратномъ пути, дѣвицы поютъ про несчастную долю какой-то Ганны и про дерево, привезенное изъ за моря*». Очень жаль, что не сообщается самая пѣснь, или не указанъ №, подъ которымъ она стоитъ въ сборникѣ Купальскихъ. Собирателю, прислушивавшемуся къ живымъ откровеніямъ быта, легче было-бы сдѣлать это, чѣмъ намъ — путемъ гаданій по страницамъ его книги, гдѣ мы найдемъ искомую пѣсню не среди обрядовыхъ, а въ отдѣлѣ общихъ лирическихъ. Какъ купальская она приведена въ статьѣ проф. Петрова (О народныхъ праздникахъ въ юго-западной Россіи, Труды Кіевской Духовной Академіи 1871, Декабрь, стр. 347 — 8), гдѣ мы найдемъ и самыя слова, съ которыми она упоминается въ Дневникѣ: «*По окончаніи обряда, на возвратномъ пути домой, дівчата поютъ про несчастную долю какой-то Ганны*». Вотъ самая пѣсня:

Якъ пішла Ганна въ Дунай по воду
И ступила Ганна на хитку кладку.
    Ганна моя панна,
    Ягода червоная!
Кладка схитнулась, Ганна втонула,
Якъ потопала, тричи зринала.
    Ганна моя и т. д.

Ганнина мати громаду збирала,
Громаду збирала, усимъ заказала.
Ганна моя и проч.
Не берите, люде, у Дунаі воды, —
Въ Дунаі вода — Ганнина слеза.

—

Не ловите, люде, у Дунаі щуки, —
У Дунаі щуки — Ганнины руки.

—

Не ловите, люде, у Дунаі сомівъ, —
У Дунаі сомы — Ганнины ноги.

—

Не ломайте, люде, по лугамъ калины, —
По лугамъ калина — Ганнина краса.

—

Не рвите, люде, по лугамъ терну —
У лузі теренъ — Ганнины очи.

—

Не косите, люде, по лугамъ травы, —
По лугамъ трава — Ганнина коса.
Ганна моя панна,
Ягода червоная!

Въ коротенькой редакціи этой пѣсни у Чубинскаго (т. V, ч. I № 409) братъ говоритъ сестрѣ, чтобъ она не становилась на кладку; та не послушалась и потонула; когда потопала, «три слова сказала»: не руби, братецъ, бѣлой березы, не коси шелковой травы, не рви чернаго терна:

Білая березонька — то я молоденька,
Шовковая трава, то моя руса коса,
Черний теренъ — то моі чорні очи.

Особенно развиты эти антропоморфическія сопоставленія въ пѣснѣ у Головацкаго (l. c. II, стр. 679—80, № 4), съ которой буковинскій варьянтъ (Лоначевскій l. c. стр. 373 — 4) существенно сходенъ по завязкѣ, едва-ли не искаженной: тамъ и здѣсь братья Ганны работаютъ въ полѣ, она несетъ имъ обѣдать; встрѣчаютъ её два брата, два неженатыхъ, дали ей коня держать, а обѣдъ съѣли.

Взрѣла Ганунька, що неправдонька, (Лонач. небилица)
Пустила коня въ чистое поле,
Сама скочила въ синёе море:
Ой якъ скакала, наповѣдала,
Щобы въ тôмъ морю воды не брати и т. д.

Слѣдуетъ та-же заповѣдь и сближенія, заставившія Лоначевскаго озаглавить свой варьянтъ нѣсколько торжественно: Антропоморфизмъ земли! Замѣтимъ, что пѣсня о Ганнѣ, встрѣтившаяся намъ въ Малороссіи въ числѣ обрядовыхъ купальскихъ, въ Буковинѣ является обыкновенной бытовой, а въ Галиціи гаёвкой, т. е. весенней. — Что заставляетъ меня тѣснѣе сблизить её съ купальскимъ цикломъ, это — ея символизмъ, напоминающій легенду о «браткахъ» и отзывавшійся первоначально въ другой купальской пѣснѣ (Чуб. т. III, стр. 213: Торохъ, торохъ да по дорозі; сл. стр. 483, № 2, и съ первымъ варьянтомъ — Маркевича, Обычаи, Повѣрья и т. д. Малороссіянъ, стр. 11), гдѣ братъ сбирается убить сестру, а она проситъ схоронить её въ чистомъ полѣ,

А й уродится да трой — зіллечко:
Що перве зилле то-жъ василечки,
А другее зілле то-жъ барвіночокъ,
А трете зілле то-же любистокъ;
Що любистокъ за для любощей,
А барвіночокъ за для дівочокъ,
А василечки за для пахощей.
И до церкви йдуть и васильки несуть,
И васильки несуть и мене спомянуть,
И мене спомянуть и тебе прокленуть.

Впрочемъ, и эта пѣсня встрѣчается въ числѣ «русальныхъ»: см. у Чубинскаго т. III, стр. 191, № 10 (Порохъ, порохъ по дорозі).

Подъ пѣсней «о деревѣ», которую поютъ возвращаясь съ купальскаго обряда, разумѣется, вѣроятно, слѣдующая, которую я привожу по № 30, В купальскихъ, кое что возстановила въ скобкахъ по варіанту № 30 А и по аналогіи съ колядкой, которую также выписываю для сравненія.

Купальская пѣснь № 30, В.
Ой везли мы деревце
Черезъ наше сельце,
А зъ того деревця
Рублена церковця,
А въ тій церковці
Три короговці,
А въ тихъ короговцяхъ
Три парубка краснихъ:
[Перша короговця
Ивана молодця,
Друга короговця
Василька молодця,
Третя короговця
Михайла молодця.]
Ой везли мы деревце,
А зъ того деревця
Рублена церковця,
А въ тій церковці
Три короговці,
А въ тихъ короговцяхъ
Три дівочки краснихъ:
Перша зірка ясна
То Оляна красна,
Друга зірка ясна
То Килина красна,
Третя зірка ясна
То-жъ Храсина красна.

Колядка № 40.
Черезъ наше село
Везли кленъ дерево....
Ой дерево, кленъ дерево,
Дрібне зелененьке.
А съ того деревця
Висока церковця. Ой дерево и т. д.
А въ тий церковці
Штирі-три короговці. Ой дерево и т. д.
Перша короговця
Ивана молодця....
Стій калиночко, стій,
Недалеко чути дзвінъ.
Друга короговця
Василька молодця. Стій и т. д.
Третя короговця
Григорка молодця. Стій и т. д.
Четверта короговця
Клима молодця. Стій и т. д.
А у тий церковці
Три свічі яснихъ:
Перша свіча ясна —
То Ганнуся красна,
Друга свіча ясна —
То Фрасина красна,
Третя свіча ясна
То Еринка красна.

Колядка развиваетъ свой сюжетъ и далѣе, но едва ли удачно:

А у тий церковці
Три дзвони голосні:
Перший дзвінъ голосний —
То Хведорко красний,
Другий дзвінъ голосний —
То Андрійко красний,
Третій дзвінъ голосний —
То Захарко красний.
Ой дерево, кленъ-дерево,
Дрібне-зелененьке.

Къ параллелямъ колядки и купальской пѣсни присоединимъ, наконецъ, и веснянку № 26, съ тѣмъ-же образомъ дерева, отвѣчающимъ въ ней семицкому дереву великорусскаго обряда, и съ сходной разработкой сюжета:

Черезъ наше сельце
Везено деревце.
Стій, калиненько, стій,
За моремъ далеко!
А зъ того деревця
Рублена церковця (напеч.: рублено комірку см. варьянтъ Б: церковь будовано) и т. д.

(См. Головацкаго II, стр. 189; IV, стр. 169, 176—7: гаевки).

Я остановился на аналогіяхъ, соединяющихъ веснянки съ пѣснями, раздающимися въ періодъ лѣтняго и зимняго поворотовъ солнца, потому что онѣ важны для методики миѳологіи. Дерево веснянки, купальской и рождественской пѣсенъ, *вильце* малорусскихъ брачныхъ обрядовъ—объединяются въ одно символическое цѣлое, объясненія котораго до сихъ поръ остаются неудачными. Гипотеза, что это древо жизни, Lebensbaum, неудовлетворительна уже по своей общности и отвлеченности. Но я не намѣренъ останавливаться на ея критикѣ, а предпочитаю указать еще на нѣсколько совпаденій, подобныхъ приведеннымъ выше: какъ малорусская веснянка о смерти, удаляющейся за море, воспроизводится въ галицкой соботкѣ, такъ Марена купальской обрядности малороссовъ отвѣчаетъ Марженѣ или Морженѣ весеннихъ обрядовъ западныхъ славянъ, а Меланка, встрѣчающаяся въ весеннихъ гаёвкахъ Галичанъ, спеціальнѣе привязана къ народному празднованію новаго года.

Это приводитъ меня къ отдѣлу колядокъ и щедрівокъ, богатствомъ котораго сборникъ г. Чубинскаго можетъ поспорить съ извѣстнымъ собраніемъ Головацкаго. Жаль только, что въ среду дѣйствительно народныхъ колядокъ замѣшались и не народныя. Подъ послѣдними я разумѣю пѣсни новѣйшаго, церковно-школьнаго происхожденія, отдѣляя ихъ отъ колядокъ христіанскаго содержанія, народныхъ и по характеру его усвоенія и по народности языка и образовъ. Что бóльшая часть малорусскихъ колядокъ заимствовала свои сюжеты изъ идеи и символики рождественскаго празднества — отъ этой мысли, высказанной мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я не считаю пока возможнымъ отступиться.

Выше замѣчено было, что календарный распорядокъ, усвоенный г. Чубинскимъ, разрываетъ внутреннюю цѣльность народнаго дневника. Сходство сюжетовъ между колядками и щедрівками подтверждаетъ это замѣчаніе. Одна изъ щедрівокъ, № 34, даже кончается такимъ стихомъ:

А пятий овса — да й *коляда* вся.

Кстати: почему № 63 щедрівокъ не подведенъ варьянтомъ къ № 8?

Щедруя «парни маскируются, кто медвѣдемъ, кто бабой, вообще кто чѣмъ вздумаетъ. Въ числѣ ихъ долженъ быть одинъ, переодѣтый женщиной — это *Меланка»* (стр. 438). Св. Меланіи празднуютъ 31-го Декабря, 1-го Генваря св. Василію; щедрівки называютъ обоихъ (№ 33), либо одну Меланку (№ 36). Пѣсни «на Меланку» собраны Головацкимъ (часть III, отд. II, стр. 146 — 149, №№ 1—5, 7; см. стр. 179, № 4 и стр. 182—3, № 9: Гаевки; Лонačевскій l. c. стр. 381 — 2, № 12), сообщившимъ (стр. 144 — 5; см. Драгомановъ, l. c. стр. 388—9) и подробное описаніе соотвѣтствующаго обряда, который водится преимущественно въ окрестностяхъ по Днѣстру, въ Бережанскомъ, Чертковскомъ, Станиславскомъ и Коломыйскомъ уѣздахъ. Эта игра производится паробками въ день св. Меланіи, наканунѣ св. Василія и Новаго Года, даже и въ самый Васильевъ день. Наканунѣ новаго года, вечеромъ, сельскіе парни наряжаются дѣдомъ, цыганомъ, или въ какой нибудь странный нарядъ, и водятъ медвѣдя, козу, журавля, или тащатъ плугъ по хатамъ. Медвѣдя или козу представляютъ мальчики, также и журавля; вмѣсто-же плуга парни волочатъ старыя чепиги (заднюю часть плуга безъ желѣза), приговаривая разныя штуки и насмѣшки, приплясываютъ и поютъ пляски на Меланку. Между переодѣтыми бываетъ и парень, нарядившійся дѣвушкой Меланкой, которая будто-бы приготовляется принять пожаловавшихъ въ комнату гостей, но всё дѣлаетъ не впопадъ: такъ показываетъ видъ, что убираетъ хату, а, вмѣсто того, вытаскиваетъ весь соръ изъ угловъ на средину и т. п. Меланка такъ порается въ хатѣ, что послѣ нея приходится иногда убирать цѣлый день. По этой причинѣ въ ту пору хозяйки прячутъ вѣники, посуду съ глиной, водой и т. п., чтобы ихъ не нашла Меланка. Случается, что парни вносятъ въ хату и самыя чепиги, показывая будто орютъ ниву и, припѣвая, сѣютъ хлѣбныя зерна. Разумѣется, это обычай мѣстный, поднѣстровскій, такъ какъ и въ самой пѣснѣ поется о «Меланкѣ Днѣстрованкѣ, которая въ Днѣстрѣ була, Днѣстровскую воду пила» и т. д.

Г. Чубинскій ничего не говоритъ объ обрядности Меланки и о границахъ ея распространенія въ Малороссіи. Можетъ быть, эти пѣсни у насъ захожія, пришедшія безъ сопровожденія обычая, на который я не могу не обратить вниманіе. Меланка отвлечена отъ св. Меланіи (31 Декабря), какъ Befana отъ Epiphania. Что въ Бертѣ — Эпифаніи христіанскія очертанія преобладаютъ надъ народно-символическими — это я старался показать въ одномъ изъ предъидущихъ моихъ изслѣдованій; новая книга Маннгардта (Der Baumkultus etc.) стала на той-же точкѣ зрѣнія, не раздѣляемой Либрехтомъ. — Берта, олицетвореніе рождественскаго цикла, обходитъ людей въ дни, посвященные ея чествованію, и требуетъ ихъ соблюденія: не то, она наказываетъ непослушныхъ, оскверняя пряжу лѣнивыхъ работницъ, грозя работнику, у котораго пахотный снарядъ не въ порядкѣ — какъ въ галицкомъ обрядѣ Меланка производитъ безпорядокъ въ хозяйствѣ, мотивированный — ея неумѣлостью. Что хозяйки прячутъ отъ нея посуду, вѣники и т. д., отвѣчаетъ требованію Берты въ нѣмецкихъ преданіяхъ о ней: чтобы всё было прибрано, кудель бы не оставалась на прялкѣ. Плугъ также является въ окруженіи Берты, какъ въ обрядѣ на Меланку. Первая представляется то милующей, то карающей, то свѣтлой, то *черной;* иногда её замѣняетъ въ разсказахъ Богородица, и нѣмецкіе изслѣдователи указали на параллелизмъ между представленіями *schwarze Bertha* и *черными* византійскими изображеніями Святой Дѣвы. Меланка является новымъ и болѣе вѣскимъ мотивомъ такого сближенія: Меланія означаетъ *черная*, она — schwarze Bertha, обѣ привязаны къ одному и тому-же праздничному циклу. Въ отношеніи къ географическому распространенію нѣкоторыхъ вѣрованій въ высшей степени важны точныя свѣдѣнія объ ихъ настоящей локализаціи. Обрядъ Меланки живетъ на по-Днѣпровьи, въ остальной Малороссіи слышатся еще только пѣсни о ней и существуетъ переодѣваніе въ ея личину, а великорусскія повѣрья почти не знаютъ отвѣчающаго ей олицетворенія.

III.

Говоря объ обрядовыхъ пѣсняхъ намъ пришлось коснуться народныхъ пѣсенъ вообще, не привязанныхъ къ обряду, либо отдѣлившихся отъ него. Пѣсни эти, любовныя, семейныя, бытовыя и шуточныя соединены г. Чубинскимъ въ V-мъ томѣ его Матеріаловъ и Изслѣдованій. Уже одинъ объемъ этого тома можетъ при-

вести въ смущеніе самаго рьянаго любителя народной поэзіи: 1884 № пѣсенъ на 1209 страницахъ! Я не рѣшусь сказать, что это богатство только кажущееся, но не могу выразить убѣжденія, что при бо́льшей разборчивости издателя и иныхъ пріемахъ редакціи число номеровъ сократилось-бы — къ вящему украшенію сборника. Прежде всего надо было устранить изъ него пѣсни съ испорченнымъ стихомъ (напр часть I, № 2), пѣсни ненароднаго, школьнаго происхожденія (см. часть I, №№ 732, 753, 768; часть II, №№ 13, 15, 18, 61 — 3 и друг.), отзывающіяся великорусскимъ элементомъ, едва прикрытымъ малорусской фонетикой (см. часть I, № 700, 722; часть II, №№ 159, 176, 218, 225; часть III, №№ 66, 110, 111 и друг.). Я имѣю въ виду передѣлки великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, въ родѣ семицкой, очутившейся въ сборникѣ г. Чубинскаго, ч. II, подъ № 375:

Калинонька, малинонька, розовъ белий цвітъ,
Веселая беседонька де муий милий пъеть;
Вуинъ пъе, не пъе, за мною, молодою, шле,
А я, млада-младехенька, забариласе,
За утями, за гусями, за лебедями,
За мелкою пташичкою, за журавкою.
Журавушка по бережку похажувае,
Шовковую да травушку сощипувае,
Холодною водицею закусувае,
На той бочокъ, ко́нець море, поглядувае.
На томъ боці, конець моря, слобода стоіть,
Не велика, не малая — чотирі дворп,
А у тихъ-же да дворикахъ чотирі кумі.
«Ви, кумушки, голубочки, подружки мої,
Кумітеся, любітеся, любіть и мене,
Якъ пойдете у садъ — виноградъ, зовіть и мене,
Якъ будете яблочки рвати, сорвіть и мое,
Якъ будете посвячувать, посвятить и мое,
Якъ будете порізувать, й призовіть (?), поріжте й мое,
Якъ будете йти, спомъяніть и мене,
Якъ будете цвітки рвать, нарвіть и мені,
Якъ будете вінки вити, извъіть и мені,
Якъ будете на Дунай пускать, пустить и муий.
Усі вінкі уплинъ пошли, а муий потонувъ, —
Усі мужі зъ вуийска пришли, а муий не вернувсь,
Десь мені, молодоі, доля такая. (Черниг. губерн.)

Я выбираю изъ варьянтовъ великорусскихъ семицкихъ пѣсенъ (Якушкинъ, Русск. пѣсни, Спб. 1860, стр. 182—3; Шейнъ, Русс. народн. пѣсни, ч. I, стр. 396 — 9, № 1 — 3; Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, ч. 2-ая, стр. 64, № 54 и стр 135, № 3; Колосовъ, Архивные матеріалы по народному русскому языку и народной словесности, Русск. Филол. Вѣстникъ I. стр. 98, № 6) стихи, отвѣчающіе приведенной малорусской редакціи.

Калинушка, малинушка, лазоревый цвѣтъ,
Веселая бесѣдушка, гдѣ миленькій пьетъ;
Онъ пьетъ, не пьетъ, за мной, младой, шлетъ;
А я млада младешенька замѣшкалася
За утками, за гусями, за лебедями,
За мелкою за пташечкой за журушкой.
Какъ журушка вдоль берега похаживаетъ,
Шелковую въ полѣ травушку пощипываетъ,
Холодною водицею захлебываетъ,
За рѣченьку за быструю посматриваетъ.
Какъ за рѣченькой за быстрою слободка стоитъ,
Не малая слободушка, четыре двора,
Въ этихъ во дворикахъ четыре кумы.
Вы, кумушки голубушки, подружки мои!
Кумитеся, любитеся, любите и меня,
Вы пойдете въ зеленъ садъ, возмите и меня,
Вы будете цвѣточки рвать, сорвите и мнѣ,
Вы станете вѣнки вить, свейте и мнѣ,
Вы пойдете на Дунай бросать, бросьте и мой!
Какъ всѣ вѣнки посверхъ воды, а мой потонулъ,
Какъ всѣ мужья домой пришли, а мой не бывалъ. [1])

(Арханг., Тверск., Тульск., Калужск. губ.).

Само собою разумѣется, что захожій матеріалъ особенно преобладаетъ въ пѣсняхъ рекрутскихъ, солдатскихъ и такихъ, что отзываются общерусскимъ характеромъ помѣщичьей прихожей. См. напр. т. V, ч. I, № 372:

---

[1]) Явное распространеніе семицкой пѣсни, отдѣлившейся отъ обряда, представляетъ въ ея малорусскомъ пересказѣ подробность объ освященіи яблоковъ, вдобавокъ вторгнувшаяся не у мѣста. Естественнымъ представляется переходъ отъ: Якъ пойдете у садъ — виноградъ — къ: Якъ будете цвітки рвать.

Стучить и гремить у окошечко,
Чи воръ, чи воръ (?), чи разбойничокъ,
А либонь же прийшовъ полюбовничокъ?
— Я до тебе прийшовъ не любитись,
Я до тебе прийшовъ испроситись —
Чи позволишъ мені оженитись?
«Оженись, оженись, любезний мій,
Та бері-жъ ти собі едноральскую дочъ,
Едноральскую дочъ, та мене не морочъ.
Еднораьская дочъ — не морочниця,
Отъ сундуківъ вона ключниця,
Отъ мого серця та разлучниця.
Возьми-жъ ти, падлець, о та гострий ніжъ,
Та розріжъ-ти, падлець, мою білу грудь,
Подивись ти, падлець, що на серденьку (sic) есть.

Сборникъ великорусскихъ пѣсень Шейна представляетъ два варьянта этой пѣсни (стр. 304 — 6, №№ 22 и 23), обличающей самымъ стилемъ свое ненародное происхожденіе. Я ограничусь однимъ отрывкомъ (№ 22, стр. 304 — 5):

Я не гость пришелъ, не гостить къ тебѣ,
Я пришелъ у вашей милости доложитися,
Позволишь-ли ты мнѣ женитися?
— Ты женись, женись, разбезсовѣстный,
. . . .

Такія псевдонародныя произведенія стали въ послѣднее время чаще и чаще встрѣчаться въ сборникахъ нашихъ народныхъ пѣсенъ. Я не могу сочувствовать такому матерьяльному ихъ обогащенію, которому не предвидится границъ — пока существуетъ различіе между поэзіей образованнаго сословія, личной и по своему условной, и поэтическимъ преданіемъ простонародья; пока между той и другимъ существуетъ лишь случайный обмѣнъ, который, по крайней мѣрѣ на одной сторонѣ, отличается не характеромъ усвоенія, а всѣми признаками внѣшняго наплыва; пока посредниками между той и другой средой будетъ являться солдатчина и пѣсенники, отвѣчающіе вкусамъ передней.

Внѣшнее распредѣленіе пѣсенъ вызываетъ такую-же критику, какая выше была высказана по поводу вѣрованій и суевѣрій; оно

неорганично и не отвѣчаетъ даже цѣлямъ удобства. Пѣсни распадаются на четыре большихъ отдѣла или части: Часть I: Пѣсни любовныя (№№ 827); часть 2: Пѣсни семейныя (№№ 491); часть 3: Пѣсни бытовыя (№№ 266); часть 4: Пѣсни шуточныя (№№ 250); слѣдуетъ еще приложеніе къ первой части, заключающее 50 №№. Непонятно опредѣленіе пѣсенъ бытовыхъ, какъ будто семейныя не подходятъ κατ' ἐξοχήν подъ эту категорію; какъ будто любовныя пѣсни исключаютъ шутливый характеръ и должны отодвинуться отъ шутливыхъ въ особый отдѣлъ? Остается либо оставить это дѣленіе недѣлимаго, либо продолжать дѣлить его далѣе на болѣе мелкія и точныя особи. Почему было напр. не обособить пѣсни новеллистическаго содержанія (см. напр. № 253, II-й части, съ варьянтомъ 3 къ № 252, и нѣсколько другихъ, не включенныхъ въ разрядъ шуточныхъ) и балладныя (см. напр. № 357 II-й части, съ варьянтами, и нѣсколько другихъ), которыя приходится отъискивать въ числѣ семейныхъ? Но такое выдѣленіе противорѣчило-бы принципу распорядка, принятому г. Чубинскимъ: психологическо-бытовому, котораго онъ продолжаетъ держаться и въ установленіи мелкихъ категорій, на которыя распадаются его большіе отдѣлы I—III. Такъ въ первой части получаются слѣдующія группы пѣсенъ, объединенныя ихъ содержаніемъ: Любовь дѣвушки. — Любовь парня. — Посѣщеніе дѣвушки парнемъ. — Сочувствіе родителей. — Счастливая любовь. — Бѣдность. — Отношеніе къ врагамъ. — Боязнь родителей и молвы. — Отсутствіе взаимности. — Несчастная любовь. — Разлука. — Потеря дѣвической чести. — Такъ въ третьей части стоятъ особо пѣсни: казацкія, гайдамацкія, рекрутскія, солдатскія, бурлацкія, чумацкія, пѣсни временъ крѣпостной зависимости, сословныя (sic), наконецъ — пьяницкія.

Какимъ цѣлямъ отвѣчаетъ такое разчлененіе народной пѣсни по рубрикамъ, принадлежащее, впрочемъ, не одному г. Чубинскому, а и другимъ, западнымъ собирателямъ, — я не знаю. Мнѣ отвѣтятъ, что цѣлямъ культурной исторіи, что, характеризуя, напр. бытъ гайдамаковъ, я найду подъ соотвѣтствующимъ отдѣломъ все, что они сами поютъ о себѣ или поютъ о нихъ другіе и т. п. Но если представить себѣ, что въ гайдамацкой пѣснѣ вмѣсто гайдамака подставился бурлакъ или козакъ — станетъ-ли такая пѣснь въ разрядъ бурлацкихъ или козацкихъ? Какъ быть, если одна и та-же пѣснь, съ небольшими измѣненіями, говоритъ о счастливой или несчастной любви парня — или дѣвушки, о горькой долѣ сироты — или несчастной жены? Г. Чубинскій помѣститъ ихъ въ различныя руб-

рики и даже въ отдѣльныя части. Слѣдующій примѣръ заимствованъ изъ второй части: № 149 А и 148 поютъ про несчастную жену:

149 А.

9 Ой вийду я за ворота —
10 За ворітьми кремені крешуть;
11 Якъ вийду по-межъ люде —
12 Все за мені вороги брешуть.
13 Крешіть, крешіть, кремінчики,
14 Тільки вогню да не давайте,
15 Брешіть, брешіть, да воріженки,
16 Тілько мене да не займайте.
. . . .
25 Не жаль мені на галочку,
26 Якъ на тую да вороночку —
27 Занісъ мене дурний розумъ
28 На чужую й да стороночку.
29 А въ чужій сторононьці
30 Зовуть мене заволокою,
31 Кажуть мені річку брести
32 Широкую й да глибокую.

№ 148.

1 Ой війду въ чисто поле —
2 Въ чистімъ полі кременьці крешуть,
3 Ой пійду я до домоньку,
4 А за мене вороги брешуть.
5 Крешіть, крешіть, вороженьки,
6 Битий камень въ край дороженьки,
7 Ой кусайте, хочъ гладайте,
8 Тільки мене не займайте
. . . .
21 Не такъ мені жаль на кониньку,
22 Якъ мені жаль на ворононьку — [1]
23 Ой въ далекій сторононьці
24 Назівають заволокою,
25 Кажуть мені річку брести
26 Широкую та глибокую.

---

[1]) Ой не такъ мені жаль за півъ—ста кіньми, —
Ой якъ мені жаль за моімъ конемъ. Чубинскій, III, Колядки № 22; сл. № 31.

Пѣвецъ, очевидно, опустилъ послѣ 22-го стиха двустишіе (№ 149 А, vv. 27—28), необходимое для символическаго уравненія вороны, занесенной на чужую сторону, и жены, которой плохо живется въ чужомъ родѣ.

Но ту-же пѣснь поетъ о себѣ не несчастная жена, а бездольный парень — сирота, котораго занесло на чужбину, гдѣ «вражи воріженьки» не даютъ ему погулять и расходиться.

Часть II-ая, № 26 А.

1 Ой, вийду я за ворота, за воротьми кремені крешуть, [1])
2 Ой, стану я, послухаю, ажъ про мене вороги брешуть.
3 Брешіть, брешіть, вражи воріженьки, хочъ кусайте, хочъ глитайте,
4 Таки-жъ мені молодому погуляти дайте.
5 Горе-жъ мені на чужині, зовутъ мене заволокою,
6 Велять мені річку брести, широкую та глибокую и т. д.

Варіантъ В не забылъ и сравненіе съ «вороронькой», съ котораго и начинается:

1 Не жаль мені на галоньку, якъ на тую на ворононьку,
2 Занісъ мене дурний розумъ на чужую на сторононьку и т. д., а № 400 1-й части (подъ рубрикой: Отсутствіе взаимности) начинается съ стиховъ, одинаково повторяющихся въ трехъ приведенныхъ варьянтахъ, развиваясь далѣе своеобразно:

Горе мині на чужбині,
Зовуть мені заволокою,
Велять мині за Дніпромъ плисти (?),
Дніпромъ річкою да глибокою, и т. д.

Повтореній или воспроизведеній, подобныхъ указаннымъ, можно встрѣтить множество во всѣхъ отдѣлахъ пѣсеннаго сборника г. Чубинскаго. Я не говорю о пѣсняхъ, сходныхъ лишь по содержанію, но о такихъ, которыя либо сходны почти дословно, либо воспроизводятъ другъ друга въ большей своей части, съ удержаніемъ тѣхъ-же стиховъ и образовъ, въ томъ или иномъ порядкѣ. Въ извѣстной долѣ случаевъ сходство сопровождается и согласіемъ запѣвовъ. Я ограничусь лишь немногими примѣрами: №№ 91, 99,

[1]) Почему въ передачѣ этой пѣсни, существенно тождественной съ предъидущей, принято иное распредѣленіе стиха — я не знаю.

101 и 184 (сл. № 172) первой части (сходство запѣва: № 91 слѣдовало помѣстить въ варіантахъ къ № 184); тамъ-же: №№ 230, 258 и 331 (варіанты одной пѣсни); сл. также №№ 283, 313 и 486; № 162, 499 и 613; № 581 и 591 (сл. №№ 367 и 391 и въ ч. III № 12, 87, 56 vv. 12 и слѣд., въ томѣ III-мъ № 17 купальскихъ пѣсенъ, стр. 206); 716 и 720 (сл. часть II № 238); 724 и въ III части № 181; 718 и 754; № 769 и 140 (сл. № 805 vv. 5—6); 766 и 795, 767 и 798; часть II № 55 и часть III № 125; часть II № 78 и 109; № 464 и 229, и друг. Я объясняю себѣ эти повторенія въ цѣломъ или въ частностяхъ не столько недосмотромъ въ редакціи, вполнѣ естественномъ въ такомъ громадномъ трудѣ, сколько въ бытовомъ или культурномъ принципѣ распредѣленія, которымъ руководился г. Чубинскій. Принципъ долженъ истекать изъ природы самого матеріала, изъ тѣхъ особенностей, которыя дѣлаютъ его тѣмъ, а не другимъ. Народная пѣсня, несомнѣнно, культурный фактъ, но культурный фактъ особаго рода, отличающійся отъ другихъ своимъ замысломъ и выраженіемъ, своей формой: это, прежде всего, пѣсня. Изучая её не слѣдуетъ упускать изъ виду этого формальнаго опредѣленія: и изученіе и распредѣленіе должно исходить не изъ какихъ-либо постороннихъ, а изъ формальныхъ категорій, принадлежащихъ къ ея сущности. Если бы напр. г. Чубинскій избралъ мѣрой, опредѣляющей распорядокъ пѣсенъ, такой, съ виду механическій признакъ, какъ пѣсенные запѣвы, начальные стихи, онъ не только отвѣтилъ-бы цѣлямъ удобства, облегчивъ справки (при помощи указателя запѣвовъ), но и предложилъ-бы намъ матеріалъ болѣе готовый для научнаго изученія.

Запѣвы, и теперь еще отличающіеся извѣстной устойчивостью, еще болѣе устойчивые въ древней пѣснѣ, представляются мнѣ ея типической чертою, зерномъ, изъ котораго развилось цѣлое. Небольшая картинка природы, вечерняя зиронька, сухой дубъ, то и другое среди небольшаго дѣйствія, опредѣленнаго простѣйшимъ наблюденіемъ природной жизни; параллелизмъ этого дѣйствія съ моментами личной жизни человѣка, съ настроеніями его чувства; символическій смыслъ, вложенный народнымъ повѣріемъ въ тотъ или другой цвѣтокъ или быліе — и опять нити, протягивающіяся къ человѣческой душѣ, отзывающейся на этотъ символизмъ; наконецъ, простѣйшія положенія людскаго быта, опредѣленно осмысленныя извѣстными психическими ощущеніями: таковы немногія данныя, изъ которыхъ зародилась народная лирическая пѣсня. Разработка шла путемъ анализа,—какъ и наше обособленное до эгоизма

личное чувство ростетъ и изощряется и никнетъ—анализомъ, углубленіемъ въ такія стороны чувства, которыя не даны его первымъ моментомъ, его внезапнымъ разцвѣтомъ, непосредственнымъ увлеченіемъ.—Современная лирика можетъ легко растеряться и разойтись на этомъ пути: современное чувство слишкомъ лично, разнообразится въ особяхъ и проявленіяхъ, обусловленныхъ образовательными и общественными теченіями — и отъ лирика мы ожидаемъ такого-же разнообразія, и повтореніе вмѣняемъ слабости поэта, называемъ избитостью. Народная пѣсня живетъ повтореніями, она избита, потому что связана немногими мотивами, и анализъ ограничивается параллелизмомъ образовъ и рядомъ ассоціацій, предуставленныхъ поэтическимъ символизмомъ.

Отличались-ли эти ассоціаціи постепенностью, отражалась-ли въ пѣснѣ логическая вереница наблюденій и сравненій, которыя представлялись послѣдовательно воображенію пѣвца? Или цѣльность могла ощущаться такъ полно, что многое могло подразумѣваться само собою, подсказываться каждому, а въ пѣснѣ выходили пробѣлы, кажущіеся намъ скачками, опущеніями, искаженіями?

Для исторіи пѣсни этотъ вопросъ потому не лишній, что механическія искаженія, опущенія, перенесеніе готовой пѣсни изъ одного обряда въ другой, изобилующія въ позднѣйшемъ ходѣ этой исторіи, легко могутъ повести къ смѣшенію двухъ различныхъ моментовъ пѣсеннаго развитія.

Я остановлюсь на одномъ примѣрѣ.

Рута въ малорусской народной поэзіи—символъ дѣвственности, дѣвственной замозаключенности, далѣе: одиночества, разлуки, удаленія отъ любви [1]). И вотъ малорусская невѣста поетъ на «заручинахъ»:

Зеленая рутонька, жовтий цвітъ,
Не піду я за немюба,—піду въ світъ,
Перечеплю рушничокъ безъ плече,
Не іденъ за мною заплаче:
Заплачуть шевці, кравці
И всі храбриі молодці (Чубинскій, т. IV, № 77).

Такъ-же на заручинахъ бѣлорусской свадьбы:

[1]) Сл. Костомарова, Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества, Бесѣда, 1872, Іюнь, стр. 5 и слѣд. Сл. руту, какъ символическій цвѣтокъ, въ литовской, румынской и итальянской народной поэзіи.

Зялёная рутынька жоўты цвѣтъ!
Коли замужъ ня отдадуць пойду ў свѣтъ;
Зялёная рутынька зилянѣиць,
Хто мяне ня возьмиць — сжалѣиць,
Зяленая рутынька руцицца,
Хто мяне ня возьмиць — скруцицца.
(Шейнъ Б. Н. П. стр. 338, № 604).

Рядомъ съ удаленіемъ отъ нелюбаго становилась долгая разлука съ милымъ—и на это отвѣчалъ образъ руты, и та-же свадебная пѣснь явилась еще разъ въ такомъ видѣ:

Ярая рутонька, жовтий цвiтъ,
Що нашого Иванка довго нiтъ?
Писала-бъ писёмка, не вмiю,
Посилала-бъ посилоньки, не смiю,
Пошла-бъ я сама, забаруся,
Далекая дорiженька, опознюся.

(Чубинскій l. с. т. IV, Приложеніе № 17, стр. 6 — 7 и въ текстѣ варьянты къ № 78; сл. Головацкій, l. с. II, II, стр. 222, № 6).

Пѣсня сложилась, и ее переносятъ въ другой моментъ свадьбы, гдѣ символы дѣвственности смѣнились другими, и вмѣсто руты играетъ роль червонная роза — при которой остался однако—желтый цвѣтъ руты! «На другой день, когда поднимаютъ молодыхъ», въ Бѣлоруссіи поютъ:

Добрая пора настала,
Княгинька по мамку прислала.
Чирвонная рожухна, жоўтый цвѣтъ,
А штожъ моей матухны доўга нѣтъ?
Послала-бъ послоў—ня смѣю,
Послала-бъ письмо—ня ўмѣю,
Я-бъ сама пойшла—боюся и т. д. (Шейнъ l. с. стр. 468, № 52).

Въ другихъ случаяхъ пѣсня не выходитъ изъ опредѣленнаго ей мѣста въ свадебномъ обиходѣ, но символическое значеніе руты забыто. Въ польской свадебной пѣснѣ, которую поютъ при чесаніи невѣстиной косы, вмѣсто нея является — зеленый лугъ:

Zielona łączka, piękny kwiat, —
Wędruj Kasieńku ze mną w świat.
— A jakże ja mam wędrować,
będą sie ludzie dziwować. —
— Niechaj się ludzie dziwują,
że Kasia z Jasiem wędrują.
(Kolberg, Lud, serya IX, стр. 173, № 28).

Русская свадебная пѣсня пошла еще далѣе въ забвеніи символизма, замѣнивъ руту — сосною!

Зеленая сосенка, желтый цвѣтъ?
Про что тебя, Өедора Алексѣевича, долго нѣтъ?
Ждала я тебя день — тебя нѣтъ,
Ждала я другой — не бывалъ.
Писала-бъ я письмо — не умѣю,
Писарей просить — не смѣю,
Сама-бъ я пошла — боюся,
Роднаго батюшки стыжуся,
Родной матушки кроюся.

(Шейнъ, Русскія народныя пѣсни, стр. 448, № 21. Сл. Сахаровъ, Сказанія Русскаго Народа, III, стр. 116, № 32: Не тесанъ теремъ, не тесанъ).

Иначе склоненъ я объяснить себѣ варьянтъ № 78 у Чубинскаго (т. IV). символическій образъ руты велъ къ идеямъ разлуки, удаленія; они лежали въ немъ потенціально; я представляю себѣ, что подъ вліяніемъ аффекта пѣвица могла нарушить ихъ послѣдовательную ассоціацію и что воспоминаніе о рутѣ вызвало непосредственно идею удаленія, дальней дороженьки; тогда она начинала свою пѣснь такимъ образомъ:

Далекая дороженька, жовтий цвітъ!

Логическая связь видимо нарушена, психическая остается: она не спѣта, а додумана.— Или проще признать здѣсь обычное искаженіе? Заключенія по этому вопросу могутъ явиться лишь въ результатѣ цѣлаго ряда сравнительныхъ наблюденій. Факты подобнаго разбора представляются итальянскими stornelli, или, какъ они иначе зовутся, fiori, по начальному запѣву, ограничивающемуся од-

нимъ полустихомъ съ упоминаніемъ цвѣтка: fior di limone и т. п. Слѣдующее за тѣмъ дву- или трехъстишіе развиваетъ какое-нибудь общее мѣсто лирики, часто внѣ всякой связи съ запѣвомъ о цвѣтѣ. Можно предположить, что въ началѣ эта связь существовала, опредѣленная такими-же символическими мотивами, которые ощущаются, какъ живые, въ народной пѣснѣ Малоруссовъ. «Одна тростина въ тростниковой чащѣ, одна дѣвушка у матери»; это сопоставленіе могло развиваться далѣе: кто хочетъ достать тростину, пусть отправится въ чащу, кто снѣга — на горы, а кто дочку — пусть приласкается къ мамѣ.

Fiore di canna!
Chi vo' la canna vada a lo caneto,
Chi vo' la neve vada a la montagna,
Chi vo' la figlia accarezzi la mamma.

Лишь съ ослабленіемъ внутренней связи, запѣвъ спустился до значенія мелодической прелюдіи, настраивающей чувство, не опредѣляющей точно его послѣдующее развитіе; еще далѣе — забыто и это его значеніе, осталась привычка начинать stornello названіемъ какого-нибудь цвѣтка — хотя-бы даже безсмысленнымъ fior di carta!

Любопытно прослѣдить развитіе народной лирической пѣсни съ указанной выше точки зрѣнія.

Образъ народной символики предопредѣляетъ извѣстныя ощущенія и, въ нѣкоторой мѣрѣ, ихъ выраженія въ пѣснѣ. Когда такая пѣснь сложилась, ея запѣвъ, полный символическихъ намековъ и просвѣтовъ, дѣйствуетъ заразительно — какъ пейзажъ, пасмурный или свѣтлый, смѣющійся или романтически-грозный вызываетъ въ насъ соотвѣтствующіе ряды ощущеній. Онѣ могутъ быть не тѣ, какія испытывалъ самъ художникъ, но несомнѣнно въ томъже направленіи, если вкусы художника и зрителя принадлежатъ одной и той-же средѣ развитія. Народная пѣснь обусловлена духовнымъ единствомъ производящей её среды, и знакомый запѣвъ предрасполагаетъ къ настроеніямъ опредѣленнаго стиля, къ образамъ извѣстнаго пошиба — если и не тѣмъ, которые являются въ самой пѣснѣ. Извѣстные запѣвы, опредѣленныя ими настроенія вызываютъ новое творчество, и новыя пѣсни становятся о-бокъ съ старыми. Различить тѣ отъ другихъ не всегда возможно.

Слѣдующіе случайные примѣры заимствованы изъ собранія фурлянскихъ виллоттъ Арбойта [1]).

Ches montagnis scûris scûris,
E a lis bassis dutt nulâat;
Il miò puem a mi fas mûže,
Cui sa mai ćce ch'a l'è stâat! (№ 280).
[Затуманились вершины
И внизу одѣлись мглой,
Понахмурился мой милый.
Что-же сталось? Что съ тобой?]

Другая виллотта удерживаетъ первые два стиха, но образы затуманенныхъ горъ вызвали новыя сопоставленія: какъ тѣ помрачились, такъ дѣвушка стала сурова, молодецъ переполнился яда:

Le montagne scure scure,
E a les basses l'è nulât;
Le fantâtte dure dure
E'l fantâtt invelegnât! (№ 827).

Измѣненія колеблятся между примѣненіями то общаго, то частнаго или даже личнаго характера.

Il soreli al tramonte,
E la lune 'e fas splendôr,
E lis stellis fan corone
E i fantazz fàžin l'amôr (№ 249).
[Солнце клонится къ закату,
Заблестѣлъ и мѣсяцъ вновь,
Хороводомъ стали звѣзды,
Парни шепчутъ про любовь.]

Но влюбленному этого мало — и онъ заставляетъ звѣзды увѣнчать свою милую:

Il sorèli al tramonte,
E la lune a fass splendôr,

---

[1]) Angelo Arboit, Villotte friulane (1876). Слѣдующіе въ текстѣ стихотворные переводы имѣютъ цѣлью уяснить метрическое строеніе виллотты.

E lis stellis ti incoronin
Bambinutte dal signôr (№ 205).

Разнообразные пріемы пріуроченія предлагаетъ одна изъ распространенныхъ во Фріули виллоттъ, наиболѣе поэтическихъ по содержанію:

Se la lune, se lis stellis
E' savessin fevellâ,
E' 'varessin robis biellis
Di podèus a vò contâ (№ 40).
[Мѣсяцъ, хоръ свѣтилъ небесныхъ
Еслибъ рѣчь людскую зналъ,
Сколько-бы вещей чудесныхъ
Онъ тебѣ порассказалъ!]

Много-бы онъ повѣдалъ такого, чего никто не знаетъ — измѣняетъ другая виллотта (№ 272); третья (№ 929) поручаетъ мѣсяцу и звѣздамъ передать поклонъ любимому юношѣ и т. п. (сл. еще №№ 41, 592, 615).

Обратимся къ малорусской народной лирикѣ.

Г. Чубинскій помѣстилъ въ отдѣлѣ веснянокъ (т. III) подъ № 32 два варіанта одной веснянки, принявъ текстъ A за основной, спустивъ B въ подстрочныя примѣчанія. Если при слѣдующей передачѣ я позволилъ себѣ поступить обратно, то не потому, чтобы былъ убѣжденъ въ большей первичности B, а исключительно ради его большей ясности. Мнѣ важенъ въ настоящее время вопросъ не о хронологическихъ, а о поэтическихъ соотношеніяхъ, которыя останутся тѣ-же даже при измѣненной послѣдовательности варіантовъ.

Въ лѣсу на горѣ качается въ вѣтвяхъ сорока, Евхимка кличутъ домой: будто простылъ его ужинъ! Но онъ ѣсть не хочетъ. Тогда объявляется настоящая причина призыва: запылалъ вѣстовой огонь, слышенъ голосъ: Бѣги, кончается твоя милая!

№ 32 B.

Ой у лісі на горісі
Сорока зависла:
«Біжи-жъ, біжи, да Ёвхимку,
Вечеря прокисла».
— Нехай кисне, нехай кисне,
Я не буду істи,

[Тілько одинъ да Ёвхименко,
Да зъ нікімъ же сісти.] [1])
«Запалю я куль соломы,
Не горить — палае,
Біжи, біжи, да Ёвхимку,
Дівчина вмірае».
Якъ прийшовъ же да Ёвхимко
Дай сівъ на порозі,
Ой облили да Ёвхимка
Все дрібниі слёзи.
Якъ прийшовъ же да Ёвхимко
Да й сівъ у світлиці:
«Буду бігти, коня гнати,
Що-бъ дівку застати». (Сл. веснянку № 40).

Редакторъ № 32 А (sit venia verbo) удержалъ запѣвъ этой пѣсни, т. е. ея четыре начальныхъ стиха; идея одиночества поразила его особенно сильно, къ ней онъ возвращается не разъ, хотя не всегда удачно («Да нікому істи; Тілько одинъ да Ивашко прийшовъ істи); но въ немъ виновенъ самъ парень: онъ гнушается любящей его дѣвушкой, которая еще разъ зоветъ его, когда онъ садится за вечерю одинокій: Приходи, Ивашко, не «гайся», не то повѣнчаешься—съ чертовкой.—Я принимаю «Бозі» въ значеніи малорусской «богини» = чертовка (сл. томъ I, вып. 1, стр. 194, 195 и Kolberg, Lud, serya VII, стр. 41, 45—9). Вотъ самая пѣсня:

Ой у лісі на горісі
Сорока зависла:
«А вже твоя та Ивашку
Вечеря прокисла»
— Нехай кисне, не прокисне,
Да нікому істи,
Тілько одинъ да Ивашко,
Да зъ нікімъ же сісти. —
Тілько одинъ да Ивашко
Прийшовъ істи.
Вечерай-же, да Ивашку,
Свою вечероньку!
Добра сяя вечеронька!

[1]) Стихи вставлены, какъ необходимые, по варіанту А.

Що вже наша да молодая
Та вечерать кличе:
«Иди, Ивашко, да не гайся,
Будуть тобі Бозі
Вінчаться съ тобою!»

Какъ видно, это «женскій» варіантъ къ предъидущей веснянкѣ, записанный, притомъ, въ довольно испорченной редакціи.

Образъ, воплощенный въ запѣвѣ пѣсни, можетъ вызвать не только представленіе символически въ немъ присущее, а и другое, прямо ему противоположное — какъ память о минувшемъ счастіи усиливаетъ сознаніе настоящаго горя. Изъ одного запѣва выходятъ двѣ пѣсни. «Блаженно старое, прошлое время, благословенна вѣрная любовь. Я никогда её не забуду».

Benedette l'antigâe,
Benedett il timp passat,
Benedett sei l'amor vieri,
No lu ài mai dismenteât! (Arboit (№ 128).

Что если блаженное время прошло, любовь измѣнила? Тогда послѣдніе стихи зазвучатъ иначе: «Да будетъ проклятъ иней, уничтожившій пшеницу!»

Maledette sei la vrâe
Che il forment à consumât. (ib. № 240).

Мы познакомились съ послѣдовательными пріёмами, которыми видоизмѣнялась, перелицевывалась, не измѣняя своей сущности, народная пѣснь. Дальнѣйшая дифференціація будетъ состоять въ развитіи нѣкоторыхъ эпизодовъ, едва намѣченныхъ въ первичной редакціи и далѣе разработанныхъ общими мѣстами народной лирики; въ замѣнѣ одного запѣва другимъ, однороднымъ, случайно припомнившимся изъ другой пѣсни, — что указываетъ на утрату прежней крѣпости запѣва, начинавшаго становиться топикомъ, болѣе свободнымъ элементомъ творчества.

Доказательства сказанному мы найдемъ у г. Чубинскаго. Начну съ № 720 первой части.

Ой пріихавъ мій миленький зъ поля,
2 Та привъязавъ коня до порога.
— Чогось моя мила нездорова?
4 Та й заплакавъ, край коника стоя:

— Чи я іі по личеньку вдаривъ,
6 Чи я іі здоровъячка вмаливъ? —
«Ой умру я, мій миленькій, умру,
8 Зроби мені зъ кленъ — дерева труну».
— Нігде, мила, кленъ — дерева достати,
10 Будешъ, мила, въ дубовій лежати. —
«Поший мені лянную сорочку,
12 Сховай мене въ вишневімъ садочку,
Та викопай глибоку могилу,
14 Та посади червону калину.
Тамъ выростутъ червониі квітки,
16 Остаються маленькиі дітки,
Вони будуть тиі квітки рвати,
18 Мене буде легенько лежати,
Що мій милий по садочку ходить,
20 Мале дитя на рученькахъ носить,
А другее за рученьку водить,
22 А третее само за нимъ ходить.

Редактору I, № 716 припомнился, быть можетъ, запѣвъ № 254, И, II-й части:

Оре, милий, на шляхъ поглядае,
Що милоі изъ обідомъ не мае,
Доорався до сухого лану,
Випрягъ воли къ зеленому гаю,
Сівъ на коня, поіхавъ до дому.
Приіжжае підъ нові ворота,
Привъязавъ коня близько до порога,
А самъ плаче надъ коникомъ стоя и т. д.

(сл. ч. II, № 273, 359 Б и варіанты ibid.).

Согласно съ этимъ измѣненъ запѣвъ I № 716; дальнѣйшія измѣненія противъ № 720 касаются, главнымъ образомъ, второй части послѣ v. 21 № 716 = v. 14 № 720:

№ 720 v. 14: Та посади червону калину.
Тамъ выростутъ червониі квітки,
Остаються маленькиі дітки,
Вони будуть тиі квітки рвати,
Мені буде легенько лежати.

Що мій милий по садочку ходить и т. д.
№ 716 v. 21: Та посади червону калину.
22 *На калині зозуля кувала,*
23 *Вона мені всю правду казала.*
24 *Я-жъ думала, что сонечко сходить,*
То-жъ мій милий по садочку ходить и т. д.

Ст. 22 — 24 № 716 едва-ли могутъ быть названы удачными: вѣщающая зозуля принадлежитъ къ образамъ, любимымъ малорусской поэзіей, но здѣсь она не у мѣста, какъ и слова: «я-жъ думала» отъ лица умершей. Въ № 238 второй части, который мы приведемъ далѣе, стихи 26 и 36 читаются такимъ образомъ:

А въ неділю рано, якъ сонечко сходить.

Если бы мы имѣли дѣло съ варіантами древней литературной пѣсни, прошедшей черезъ руки нѣсколькихъ перескащиковъ и передѣлывателей, можно было-бы предложить слѣдующее чтеніе основнаго его текста:

(№ 720 v. 15) Тамъ выростуть червоні квітки
Остаються маленькиі дітки
. . . .
(№ 238 vv. 26, 36) А въ неділю рано, якъ сонечко, сходить,
(№ 716 v. 25; сл. № 720 v. 19 и № 238, v. 27). Тожъ мій милий по садочку ходить.

Какъ развивалась далѣе эта первичная пѣснь? Заключеніе будетъ зависѣть отъ того, какъ мы поймемъ соотношеніе трехъ ея варіантовъ: №№ 716 и 720 первой части и № 238 второй. Приведемъ пока I, № 716.

Оравъ мій милий три дні, три години,
2 *Та доорався до сухого лану,*
Пустивъ воливъ въ зелену діброву,
4 *Сідла коня и гайда до дому.*
Якъ приіхавъ мій милий до дому,
6 *Привъязавши коня къ частоколу*
Самъ пішовъ у нову комору,
8 А зъ комори у нову світлицю.

Лежить мила на усю скамницю.
— Чи ти, мила, справді умираешъ,
Чи ти въ мене ума вивідаешъ?
«Ой умру я, мій миленкий, умру,
Зроби мені кедровую труну!»
— Нігде, мила, кедрини узяти,
Будешъ, мила, въ тісовій лежати —
«Надинь мені ильняну сорочку,
Сховай мене въ вишневимъ садочку»
— Нігде, мила, льняноі узяти.
Будешъ, мила, въ плосконній лежати—
«Насипъ мені високу могилу,
Та посади червону калину.
На калині зозуля кувала,
Вона мені всю правду казала.
Я-жъ думала, что сонечко сходить,
То-жъ мій милий по садочку ходить,
Дитиночку на рученькахъ носить,
Свою милу покірненько просить:
«Устань, мила, милесенька моя,
Росплакалась дитиночка твоя!»
— Нехай плаче, воно перебуде,
Вже матінки до віку не буде;
Нехай плаче, воно перестане,
Вже матінка до віку не встане —
«Устань, устань, кудрявая мъято!»
— Ой не встану, бо ти гирше ката —
«Устань, устань, хрещатий барвінку!»
— Ой не встану, ти-жъ мій недовірку! —

Сравненіе этого варіанта съ № 720 можетъ привести къ предположенію, что послѣдній не полонъ въ концѣ: есть какая-то недосказанность, пѣсня кончается грустной фантазіей матери, поэтическимъ диссонансомъ. № 716 представляетъ болѣе развитые мотивы, изъ чего, разумѣется, еще не слѣдуетъ, чтобы она была первичнѣе: молодая умираетъ въ сознаніи, что она была обманута мужемъ; онъ проситъ её встать изъ могилы: плачетъ дитя; оно обойдется и безъ нея—а ради него самогоо на не встанетъ: «ти-жъ мій недовірку!»

Тема невѣрности дала редактору № 238 (часть II) поводъ вве-

сти въ концѣ пѣсни новый эпизодъ, новую милую, замѣнившую прежнюю. Построеніе и матеріалы этого варіанта интересны. Извѣстенъ популярный малорусскій запѣвъ:

Ой підъ гаемъ, гаемъ зелененькимъ.

Пѣвецъ замѣнилъ имъ, по анологіи, запѣвы №№ 716 и 720; но это вело къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ по крайней мѣрѣ первыхъ стиховъ: у зеленаго лѣса ходитъ милая съ милымъ; она проситъ его — не бить её «въ головоньку дуже», не то ей не долго жить. А какъ умру я, вели мнѣ сдѣлать буковый гробъ и т. д. Дальнѣйшее развитіе идетъ, какъ въ приведенныхъ выше редакціяхъ, и какъ и тамъ, разговоръ незамѣтно сливается съ дѣйствительностью:

26 А въ неділю рано, якъ сонечко сходить;
Милий по садочку зъ дитиною ходить и т. д.

И съ того-же стиха начинается новый эпизодъ, дополняющій пѣсню:

36 А въ неділю рано, якъ сонечко сходить,
Милий по садочку зъ милою ходить.

Вотъ содержаніе варіанта (ч. II № 238):

Ой підъ гаемъ, гаемъ зелененькимъ,
2 Ой тамъ ходила милая зъ миленькимъ,
Ой тамъ мила зъ милымъ говорила:
4 Ой ти милий, а я твоя мила!
Ой ти милый, ти мій милий друже,
6 Не бій мене въ головоньку дуже!
Ой якъ ти будешъ въ головоньку бити,
8 Ой якъ я умру, зъ кимъ ти будешъ жити?
Ой якъ я умру въ неділоньку въ-ранці,
10 Положи ти мене въ світлици на лавці.
Ой мій миленький, а якъ же я умру,
12 Скажи зробити буковую труну.
«Дежъ тобі, мила, бучини узяти?
14 Будешъ, миленька, въ сосновій лежати».
— Дай мені, милий, крамную сорочку,
16 Поховай мене въ вишневімъ садочку —
«Дежъ тобі, мила, крамнини шукати,
18 Будешъ, миленька, въ плоскунній лежати».

— Викопай же мені глибоку могилу,
Посади въ головкахъ червону калину,
А въ ніженькахъ хрещатий барвінокъ.
Ой якъ ти будетъ та сина женити,
Прийдешъ до мене калини ломити;
Ой якъ ти будетъ дочку оддавати,
Прийдешъ до мене барвіночку рвати —
А въ неділю рано, якъ сонечко сходить,
Милий по садочку зъ дитиною ходить.
«Ой устань, мила, устань, господине,
За тобою, мила, вся худоба гине!»
— Нехай гине, нехай пропадае,
Есть у тебе друга мила, та нехай надбае!
«Ой устань, мила, устань дорогая,
Расплакалась дитина малая».
— Ой, нехай плаче, вона перестане,
А матінка до віку не встане!
А въ неділю рано, якъ сонечко сходить,
Милий по садочку зъ милою ходить.
Питаеться мила: «Що то за причина,
Що у садочку висока могила?»
— Ой моя мила, то тая причина,
Тутъ у мене лежить першая дружина —
«Не треба було крамноі сорочки,
Не треба ховати въ вішневімъ садочку,
Було-бъ завернути въ лихую ряднину,
Витягнути було въ поле на долину».

Еще иное развитіе получила эта, очевидно, популярная пѣсня въ Малороссіи (Чубинскій, l. c. II, № 364: Ой, умру я, мій миленький, да буду дивиться. Сл. ibid. II № 27) и въ Буковинѣ (Лоначевскій l. c. стр. 462 — 3, № 462: Скажу тобі, милий, першу загадочку): жена проситъ мужа похоронить её въ шелковой сорочкѣ, въ кедровомъ гробу, въ вишневомъ саду. Отвѣты тѣ-же. Далѣе пѣсня продолжаетъ:

«Гой умру я, умру, буду ся дивити,
Ци будеш, мій милий, за мною тужити?»
Він сів, зажуривсе, пішов віголивсе.
«Коби тіло з хати, я би ожінивсе».
Дити тото вчули, ревне заплакали:

«Мати наша, мати, уже тя не мати,
Ані тя купити, ані заробити;
Підем, сіротята, в чужину служити». [1])
Мати тото вчула, тяженько здихнула:
«Поки буду жити, не мете служити».
— Жоно моя, жоно, яка ти зрадлива!
Я гадав, шос вмерла, а ти вже ожила;
Жоно моя, жоно, яка ти зрадлива:
Завелас ня в старість, та есь ня лишила.

Разработка поэтическаго сюжета выростала передъ нами постепенно изъ одно и того-же зерна и изъ матеріаловъ народной пѣсни, ставившихся орудіемъ болѣе свободнаго, почти личнаго творчества. Запѣвы, характерные стихи древней пѣсни объектировались, снялись съ своихъ мѣстъ, и пѣвецъ орудуетъ ими безсознательно-свободно, какъ прежде воспроизводилъ ихъ эпически-точно; лирическій запѣвъ вторгается въ историческую думу [2]) и т. п.

Сличите еще слѣдующую выборку изъ пѣсенъ второй части:

№ 164: Ой доню, доню, доню, жаль мені за тобою,
Ой жаль мені тебе буде, *якъ чоловікъ бити буде.*
. . . .
Ой мати, мати, мати, *мати моя мила,*
Не дай мене за рудою, бо я чернобрива!
Оддай мене за такою, що чорнії уси:
Вінь до мене заморгае, а я засміюся!

---

[1]) Сл. въ пѣснѣ о «Правдѣ»:

Тільки у світі правди — якъ отець — рідна мати!
А день-то її узати? її ні купити, а нізаслужити,
Увесь світъ ізходити, правди не зощити.
Булиж колись дітки, та стали сирітки,
Ни маютъ вони собі помочи ні відки,
Плачуть вони-ж, плачуть, не могуть пробути,
Своеї рідноï матері забути:
«Орлице мати! деж нам тебе взяти?
Тебе ні купити, ані заслужити и т. д. (Кобзарь Остапъ Вересай, изъ I т. Зап. Югозап. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. стр. 80—81).

[2]) Сл. Чуб. V, часть I, № 581 и 591; № 367, 570 — съ варьянтами В и Г къ думѣ о смерти Перебійноса (Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни Малор. народа т. II, вып. I, № 7).

№ 95: Мати моя хорошая, *мати моя мила*,
Не дай мене за рудою, бо я чернобрива,
А въ рудого роду много — *будуть мене бити.*

№ 92: *А я піду за такою, що не мае уса:*
Якъ кивне, якъ моргне, то я й засміюся
(Сл. Лоначевскій l. c. стр. 440 № 125; стр. 523—4, № 278 и друг.).

Пѣвецъ уже свободенъ выборомъ, но еще связанъ его матеріаломъ. На очереди личное творчество, которое можетъ сбросить съ себя и эти послѣднія оковы—подъ опасеніемъ отказаться отъ вѣковаго поэтическаго преданія и его живыхъ силъ. Это опредѣляетъ органическую задачу личнаго поэта; въ этомъ смыслѣ Шевченко былъ личнымъ продолжателемъ пѣсни, надъ созданіемъ которой трудился цѣлый народъ и его отдѣльные представители.

На сколько приведенные нами примѣры—одни изъ многихъ—обязываютъ къ выводамъ, они представляются мнѣ слѣдующими.

Древняя пѣсня жила поэзіей символа, выражавшейся въ немногихъ типическихъ стихахъ, стихахъ—формулахъ, прочно опредѣлявшихъ развитіе пѣсни. Первое освобожденіе мы видѣли въ томъ фактѣ, что опредѣленность эта ослабѣваетъ, и развитіе начинаетъ разнообразиться, не выходя еще изъ тона, даннаго формулой. Далѣе формула ощущается какъ нѣчто не связывающее, переносимое, какъ общее мѣсто, не эпически-прикрѣпленное, а лирически — свободное. Чѣмъ болѣе встрѣчается въ народной поэзіи *такихъ* общихъ мѣстъ, чѣмъ нестѣсненнѣе она распоряжается ими—тѣмъ она ближе къ разложенію, какъ народная, и тѣмъ сильнѣе въ ней элементъ личнаго почина. Я не сомнѣваюсь, что лѣтъ десять спустя по выходѣ въ свѣтъ сборника г. Чубинскаго возможно будетъ составить новый сборникъ съ новыми варіантами старыхъ пѣсенъ и даже съ пѣснями новыми. Такая поэзія должна была забыть устойчивость древняго эпоса, и если развила что-либо, достойное стать на его мѣсто, то лирическую балладу — думу. Иное явленіе представляетъ та великорусская среда, которая сохранила въ памяти строгія былины Владимірова цикла: ея лирики должна а priori отличаться характеромъ большей архаичности, меньшей повторяемости и свободы. Сравнительное изслѣдованіе великорусской и малорусской пѣсни — не со стороны содержанія, что не разъ было дѣлано, безъ большой пользы для дѣла, а со стороны формальной, было-бы очень желательно. Мнѣ лично было-бы желательнѣе, чтобы предъидущія замѣтки привели къ сознанію необходимости—

замѣнить старый пріемъ въ собираніи и изданіи пѣсенъ — другимъ, болѣе органическимъ и ближе отвѣчающимъ цѣлямъ научнаго изученія.

IV.

Особой полнотой собранныхъ свѣдѣній отличается IV-й томъ Матеріаловъ и Изслѣдованій, содержащій описаніе народной обрядности при родинахъ и крестинахъ (стр. 1—52; стр. 18: примѣты и повѣрья, относящіяся къ дѣтямъ; стр. 19 — 31: колыбельныя пѣсни; стр. 32 — 51: Дѣтскія игры и пѣсни), при свадьбѣ (стр. 52—696) и похоронахъ (стр. 697—713), послѣ чего слѣдуетъ еще въ приложеніи собраніе свадебныхъ напѣвовъ.

Наиболѣе посчастливилось отдѣлу свадьбы: цѣлыхъ 500 страницъ (стр. 52—552) посвящено ея общему описанію, сведенному изъ ряда частныхъ, пристальныхъ наблюденій; но редакторъ этимъ не ограничился, а присоединилъ еще (стр. 552—696) описаніе тринадцати отдѣльныхъ обрядовъ, представлявшихъ отличія отъ общаго. При такомъ тщательномъ, до мелочности, сводѣ фактовъ можно надѣяться, что ни одна черта обычая, ни одна пѣсня не ускользнула отъ вниманія собирателей. Относительно свадебныхъ пѣсенъ слѣдуетъ, быть можетъ, повторить вопросъ, уже поставленный нами по поводу обрядовой народной лирики вообще: на сколько онѣ крѣпки обряду, существенно съ нимъ связаны—и на сколько иныя изъ нихъ могли примкнуть къ нему изъ общаго родника народной лирики — по аналогіи. Я замѣчу только, что иныя изъ нихъ повторяются, съ измѣненіями, въ разныхъ моментахъ народной свадьбы (сл. напр. №№ 77, 78, 88 и 89; №№ 19, 136, 150, 151, 349; №№ 102 и 193; №№ 264, 303, 768, 979 и др.) и что между ними встрѣчаются и балладные мотивы — какъ греческія брачныя пѣсни, которыя поются при отвозѣ невѣсты и ея приданаго, отличаются такимъже содержаніемъ. Съ бытовымъ источникомъ одной такой малорусской пѣсни мы познакомимся далѣе; шутливой пѣсни «о Журилѣ или Чурилѣ, которую «поютъ на свадьбѣ во время танцевъ» [1]), въ сборникѣ «Чубинскаго я не встрѣтилъ, и остаются по прежнему загадочными предполагаемыя отношенія былиннаго Чурилы Пленковича къ герою нашего свадебнаго напѣва, являющемуся въ сопровожденіи трехъсотъ дѣвушекъ:

---

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малорусск. народа I, № 18, стр. 54.

Ішов Журило з міста,
За ним дівочок триста и т. д.

Если между тѣмъ и другимъ существуетъ дѣйствительная связь, я склоненъ a priori заключить къ первичности былины, данныя которой были разработаны въ шутливомъ тонѣ плясовой свадебной пѣсни. Что касается послѣдней вообще, то для изученія брачнаго обихода она важна, главнымъ образомъ, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она поддерживается содержаніемъ соотвѣтствующаго обряда, либо обличаетъ архаизмомъ образовъ свою древнюю къ нему принадлежность.

Въ описаніи брачнаго обихода изслѣдователь найдетъ въ сборникѣ г. Чубинскаго богатый запасъ бытовыхъ данныхъ, если не всегда новыхъ, то обильныхъ и прочныхъ. Я упомяну описанія *вильца* у молодой (стр. 98 слѣд.) и молодаго (стр. 213; сл. стр. 455), съ которымъ мы облизаны выше символическое дерево веснянокъ, купалы и колядокъ; замѣтимъ, кстати, что и стиль колядокъ отразился въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ свадебнаго обряда. — Обычай, что невѣста подаетъ жениху рюмку съ водкой, въ которой лежитъ кольцо, и что женихъ выпивъ, надѣваетъ кольцо на палецъ — напоминаетъ извѣстный эпизодъ былины о Добрынѣ и Алешѣ и о признаніи женою мужа, вернувшагося не узнаннымъ изъ долгой отлучки (стр. 92). — Изображенія солнца, луны, голубей и сосновыхъ шишекъ на свадебномъ короваѣ (стр. 229, 236, 248) стоятъ, вѣроятно, въ связи съ символикой свадебныхъ пѣсенъ, но, быть можетъ, отражаютъ и элементъ жертвоприношенія, какъ жареніе пѣтуха (стр. 385) и жертва молодой, соединенная съ гаданьемъ: пріѣхавъ въ домъ мужа, она бросаетъ черную курицу подъ печку, съ словами: А чи глибока въ печі яма, чи умре до року мама? (стр. 434).— Укажу еще на обычай: одѣвать шубу, кожухъ на изнанку (стр. 300, 301, 331), на объѣзжаніе «діжі» на грабляхъ или вилахъ и сѣяніе овсомъ (стр. 314), на переѣзжаніе костра (стр. 428), на ударъ палкою или кнутомъ, которымъ женихъ награждаетъ свою будущую жену (стр. 421), символизируя ея будущее оплодотвореніе или плодовитость: идея, которая съ лихвой развивается въ послѣднемъ эпизодѣ свадьбы, когда «цыганятъ» (стр. 465).

Не имѣя важности становиться подробно на всемъ новомъ, внесенномъ сообщеніями г. Чубинскаго въ научное изученіе свадебнаго обихода, я выберу себѣ одинъ небольшой циклъ обрядовъ, не лишенный, какъ мнѣ кажется, историко-этнографическаго значенія.

Извѣстно, какую роль играетъ въ свадебномъ обрядѣ символъ «связи», перевязыванія платкомъ, ручникомъ (сл. стр. 66, 79, 94, 148, 343). Одна свадебная пѣснь (№ 18) поетъ о дѣвушкѣ,

Що звъязали изъ Ивасемъ біли руки.

Наше представленіе о брачномъ союзѣ, какъ личномъ, очевидно, не приложимо къ объясненію обрядности, восходящей своими основными чертами къ такой порѣ, когда личная связь проявлялась лишь въ формахъ семейной, родовой и общинной. И теперь еще въ народномъ бракѣ начало личности не играетъ выдающейся роли: выходя за мужъ дѣвушка на столько-же озабочена будущими отношеніями къ своему супругу, на сколько къ его роднѣ; не даромъ она гадаетъ, только что переступивъ порогъ своего новаго дома, скоро-ли умретъ ея свекровь — какъ, наоборотъ, въ Абруццахъ свекровь встрѣчаетъ свою невѣстку хлѣбомъ, который разламываетъ надъ ея головою, приговаривая: Молодая, молодая! Пусть ты скорѣе умрешь, чѣмъ останешься вдовою!

Nora maïa, nora maïa,
Chiuttoste te puozze mureïe,
Che véréva non scieïe!

Она связала руки не съ Иваномъ, а съ цѣлымъ его родомъ, и связана безповоротно:

Одбилася отъ роду, назадъ не вернуся
. . . .
Прийшла до роду, родъ одрікаеться.

Между нею, вступившею въ новую родовую связь, и ея прежнимъ родомъ — цѣлая пропасть, рѣка «широкая и глубокая», которую не перебрести — и она сравниваетъ себя съ вороной, занесенной на чужую сторонушку.

Эта безповоротность брачной связи должна была развить идею непререкаемости, роковой необходимости, «сужёности», которая шла на встрѣчу христіанскимъ представленіямъ о святости таинства. Брачныя *связи* на передъ «завязываются» на небѣ, учитъ распространенное народное повѣрье; свадьбу *куютъ* Кузьма и Демьянъ; въ побывальщинѣ о Святогорѣ кузнецъ суетъ два тонкихъ *волоса*, назначенныхъ *связать* двѣ доли, Святогора и его су-

женой, которую онъ напрасно силится убить: она всетаки становится его женой. — Суженаго конемъ не объѣдешь, говоритъ русская пословица: онъ найдетъ свою невѣсту гдѣ-бы то ни было, подъ какой угодно личиной, по невидимому для другаго признаку. Извѣстенъ такой именно эпизодъ народной сказки, гдѣ герой обязанъ узнать свою невѣсту въ числѣ другихъ дѣвицъ, которыя всѣ — одна, какъ другая, видомъ и поступью и одеждою; эпизодъ (знакомый изъ былины о Садкѣ), выработавшійся изъ соотвѣтствующаго, довольно распространеннаго брачнаго обычая (напр. въ Хорутаніи, Романьѣ и т. п.), по которому жениху показываютъ поочередно или заразъ нѣсколько (иногда закутанныхъ) женщинъ, и онъ долженъ угадать между ними свою. избранницу. — Что невѣста прячется отъ жениха и тотъ принужденъ искать её — принадлежитъ также къ древнимъ бытовымъ чертамъ: на синайскомъ полуостровѣ невѣста бѣжитъ, накинувъ на-себя мужской плащъ, въ сосѣднія горы, гдѣ ея подруги доставляютъ ей пищу, и женихъ долженъ её разъискивать. Я полагаю, что таково было основное содержаніе той брачной пѣсни (сл. №№ 76, 718, 133; Головацкій III, II, стр. 269, № 9; стр. 283—4, № 4; стр. 290—1, № 29; стр. 335—6, № 6), гдѣ о невѣстѣ говорится, что «Маруся у шевлієнку зайшла»; ищутъ её тамъ отецъ, ищетъ мать — и не находятъ; нашелъ Ивашко, т. е. женихъ. Впослѣдствіи, когда идея родового брака ослабѣла и личная привязанность стала уживаться съ представленіемъ о суженомъ, пѣсня подалась выраженію измѣнившихся отношеній: женихъ отъискивалъ невѣсту не потому, что онъ ея суженый, а потому что онъ болѣе всѣхъ её любитъ, ему удается найти её. Подавались передъ теченіемъ времени древнія формы брачныхъ отношеній, слабѣла устойчивость обрядовой пѣсни и рядомъ съ нею могли находить мѣсто и новыя. На той сентиментальной точкѣ зрѣнія, къ которой пришла пѣсня о Марусѣ, потерявшейся въ «шевлієнкѣ», становится совершенно понятнымъ, какимъ образомъ въ свадебный обиходъ принята была сходная съ нею по общему типу баллада, поющаяся и на сѣверѣ и на югѣ, между прочимъ, въ Малороссіи (сл. сходные мотивы у г. Чубинскаго, т. V, ч. II., №№ 115, 120) — и въ Сициліи. Въ сициліанской редакціи молодая невѣста похищена корсарами, увлекающими её на кораблѣ; она поочередно обращается съ просьбой выкупить её изъ неволи — къ отцу и матери, къ брату и сестрѣ; всѣ отнѣкиваются, узнавъ о высокомъ выкупѣ; одинъ только женихъ не останавливается ни передъ чѣмъ и освобождаетъ её. — Пѣсня эта разнообразилась по мѣстностямъ, на

фарейскихъ островахъ (гдѣ похитителями дѣвушки явились фризы), она поется при какой-то народной игрѣ; мотивъ похищенія могъ легко замѣниться какимъ-нибудь другимъ, соединявшимъ опасность положенія съ проявленіемъ беззавѣтной преданности. И вотъ малорусская брачная пѣсня поетъ о Марусѣ, которая утопаетъ и зоветъ на помощь отца, проситъ мать помочь ей; всѣ отказываются — и спасителемъ является Ивашко (сл. № 201; Головацкій III, II, стр. 220, № 24; стр. 316 — 317, № 11; стр. 361, № 56. Сл. О. Миллеръ, Истор. Обозрѣніе русск. словесности стр. 115 и слѣд.; его-же: Нѣчто о свадебныхъ русскихъ пѣсняхъ, оттискъ изъ Филологическихъ Записокъ, Воронежъ, 1872 г., стр. 9).

Какъ личная привязанность выработывалась изъ родоваго брака, нерѣдко сохраняя его формы, такъ и понятіе о нравственномъ элементѣ изъ отношеній нравственно-безразличныхъ. Я имѣю въ виду тѣ обряды малорусской свадьбы, которые дали поводъ къ статьѣ г. Кистяковскаго: Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа (Записки Имп. Русск. Географ. Общества по отд. Этнографіи, т. VIII), при чемъ матеріаломъ служили данныя, собранныя въ IV-мъ томѣ г. Чубинскаго, и нѣкоторыя другія, доставленныя автору. «Цензура нравовъ» касается удостовѣренія въ цѣломудріи невѣсты; удостовѣреніе это происходило, еще недавно, такимъ образомъ, что невѣсту лишалъ невинности не женихъ, а старшій дружка или почетный бояринъ, человѣкъ солидныхъ нравовъ и поведенія. Очень вѣроятно, что этотъ актъ дѣйствительно получилъ впослѣдствіи значеніе «цензуры нравовъ, но едва-ли его слѣдуетъ отдѣлять, по существу, отъ черногорскаго свадебнаго обычая, по которому деверь (обыкновенно братъ или ближайшій родственникъ жениха) въ теченіи трехъ дней и ночей послѣ свадьбы постоянно находится при невѣстѣ и даже спитъ съ нею. Въ томъ и другомъ обрядѣ сохранились, въ разной степени яркости, черты древнихъ бытовыхъ отношеній, слѣды общинно — родового брака [1]), существованіе котораго необходимо предположить у древнихъ Славянъ, на основаніи не только общихъ антропологическихъ соображеній, названій родства (дѣдъ — tata — дядя и т. п.), но и положитель-

[1]) Для слѣдующихъ строкъ я пользуюсь матеріаломъ, собраннымъ Либрехтомъ, Zur Volkskunde. Alte und neue Aufsätze, Heilbronn, 1879 стр. 396 — 7 (и прим. на стр. 511), стр. 416 — 26. Я только нѣсколько иначе понимаю соотношеніе приведенныхъ имъ фактовъ. Сл. матеріалъ обычаевъ, собранный по этому поводу Bastian'омъ, Mac-Lennan'омъ, Giraud-Teulon, Post'омъ и друг.

ныхъ свидѣтельствъ. «Женщины ихъ, говоритъ о Славянахъ Ал. Бекри, когда выйдутъ за мужъ, не прелюбодѣйствуютъ. А когда дѣвица кого полюбитъ, то она къ нему отправляется и у него удовлетворяетъ свою страсть. А когда мужчина женится и найдетъ свою жену дѣвственною, онъ ей говоритъ: если-бы было у тебя что-нибудь хорошее, то мущины полюбили-бы тебя, и ты избрала-бы себѣ кого-нибудь, который-бы тебя лишилъ невинности — и прогоняетъ её и отрекается отъ нея»[1]). Сличите съ этимъ свидѣтельство Геродота (5, 6) о Ѳракійцахъ, у которыхъ дѣвушки живутъ свободно съ кѣмъ хотятъ, жены-же строго охраняются — и взглядъ Chibchas въ Новой Гренадѣ, относящихся презрительно къ дѣвственности невѣсты — и именно съ точки зрѣнія Славянъ Ал. Бекри.

Въ понятіяхъ древняго рода—общины дѣвушка была собственностью рода, естественнымъ представителемъ котораго явился его старѣйшина — родоначальникъ. Этимъ объясняется его роль въ обрядѣ балеарскихъ острововъ, разсказанномъ Діодоромъ (5, 18): при совершеніи брака *старшій* изъ друзей и знакомыхъ прежде всего сожительствовалъ съ невѣстою, а за нимъ другіе, по старшинству, пока очередь не доходила до жениха.

Старѣйшина рода соединялъ въ своемъ лицѣ значеніе жреца, блюстителя родоваго культа — и вождя племени. Дальнѣйшая диференціація первобытнаго брака и его символическихъ формъ розовьется по этимъ двумъ направленіямъ.

У насъ есть цѣлый рядъ свидѣтельствъ, по которымъ первый актъ брака предоставляется жрецу либо особому классу людей, вѣроятно, жреческаго происхожденія. Такъ бразильскимъ Payé, аровакскимъ Piache, жрецамъ -- знахарямъ, предоставлено было право—лишать невинности дѣвушекъ; имъ-же пользовались «cadeberiz», которыхъ Мандевиль помѣщаетъ въ области пресвитера Іоанна: cadeberiz, будто-бы, означаетъ «безумный», потому что только безумные могли жертвовать собою для акта, который почему-то считался опаснымъ. Эти люди занимались за большую плату лишеніемъ невинности новобрачныхъ женъ — и такой-же обычай существовалъ на филиппинскихъ островахъ. Въ Камбоджѣ это была спеціальность священника Будды или секты Тао-се, котораго родители щедро за то награждали, а о калькутскомъ Саморинѣ сооб-

[1]) Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ, статьи и разысканія А. Куника и барона В. Розена, стр. 56.

щается, что онъ предоставлялъ право первой ночи у своей жены своему главному брахману. Сюда-же относятся, наконецъ, и слѣдующія свѣдѣнія о нравахъ Душикскихъ Курдовъ, въ Дерзимскихъ горахъ, къ югу отъ Эрзинджана: отъ времени до времени они собираются въ пространныхъ покояхъ, становясь лицомъ къ очагу, на которомъ возженъ огонь и возлѣ котораго стоитъ ходжа. Разъ въ году эти собранія кончаются оргіями, въ родѣ тѣхъ, отъ которыхъ другое племя курдовъ получило названіе Mûm-Sôinderan, т. е. гасителей свѣточей. Послѣ того, какъ всѣ присутствующіе, приложились къ рукѣ ходжи, онъ восклицаетъ: Я великій быкъ, не выхоженный! Тогда одна изъ присутствующихъ женщинъ, по возможности та, которая только что успѣла выйти замужъ въ тотъ-же день, подходитъ къ нему со словами: А я юная телица! При этихъ словахъ тушатся свѣчи и происходитъ повальная оргія, не различающая ни возраста, ни родства — почему къ этимъ собраніямъ не допускаются незамужнія дѣвушки и дѣти.

Находилась-ли храмовая проституція, засвидѣтельствованная древними писателями, въ связи съ указанной прерогативой жреца — или съ обобщеннымъ, обоготворенымъ понятіемъ «рода», какъ производительной, мужской силы? Символомъ ея представляется мнѣ древне-русскій Родъ, обнимавшій всѣхъ производителей рода — племени, его родителей, дѣдовъ, какъ живущихъ на землѣ, такъ и пребывающихъ въ «домовинѣ», въ общеніи съ живыми. Ему празднуется на могилахъ умершихъ родичей Радуница, и ему-же (дѣдушкѣ-домовому) кладется треба у домашняго очага, подъ печь, куда молодая бросаетъ жертвенную курицу — какъ классическій Пріапъ является стражемъ могилъ (custos sepulchri pene destricto deus Priapus ego sum, mortis et vitai locus) и вмѣстѣ хранителемъ крестьянскаго рода (conservator propaginis villicorum), съ опредѣленной ролью въ брачномъ обиходѣ: in celebratione nuptiarum super Priapi scapum nova nupta sedere jubebatur (Aug. C. D. VII, 24; сл. Lact. I, 20, 38: colitur et Tutinus, in cujus sinu pudendo nubentes praesident, ut illarum pudicitiam prior deus delibare videatur» [1]). — Въ объясненіе послѣдняго указанія служитъ слѣдующій обычай въ Гоа (и у Нарсинговъ въ Гайдерабадѣ): когда дѣвушка готовится стать женою, её ведутъ торжественно, при звукахъ музыки, въ пагоду, къ идолу, вооруженному фаллусомъ изъ слоновой кости. Дѣвушку подводятъ къ идолу, родные и друзья окружаютъ

[1]) Сл. Preller, Röm. Myth. 2-e Aufl. p. 396 — 7, 586 прим. 2.

её, тѣсня её къ фаллусу, не смотря на ея вопли, усиленно заглушаемые музыкой; они продолжають это до тѣхъ поръ, пока дѣвушка не лишится своей невинности, послѣ чего невѣста передается ликующему жениху.

Если я не ошибся въ объясненіи древне русскаго миѳическаго Рода, то въ связи съ нимъ и съ отношеніями общинно родоваго брака объясняются и миѳическія Рожаницы. Обличенія противъ остатковъ русскаго языческаго суевѣрія говорятъ о Родѣ или Родствѣ въ единственномъ числѣ, о Рожаницахъ большею частью во множественномъ [1]): имъ кладутся требы и ставится вторая трапеза. Родъ — производитель, совокупность мужскихъ членовъ племени, сообща владѣющаго Рожаницами, матерями новаго поколѣнія. Вѣрованіе въ миѳическихъ Рожаницъ, дѣвъ судьбы, опредѣляющихъ долю новорожденнаго, явилось на субстратѣ дѣйствительныхъ, бытовыхъ отношеній. Не Родъ, а Рожаницы выступаютъ въ значеніи одаряющихъ счастливой или несчастной долей — не потому-ли, что въ условіяхъ общинно-родового брака связь новорожденныхъ съ цѣлымъ родомъ была, по необходимости, менѣе тѣсна чѣмъ съ извѣстной рожаницей?

Намъ остается коснуться еще одной дифференціаціи, которой подверглась, въ теченіи исторіи, роль старѣйшины рода въ обиходѣ брачнаго обряда. Какъ въ приведенныхъ нами случаяхъ онъ удержалъ за собою прерогативу жреца, такъ въ другихъ за нимъ остается значеніе вождя — и то-же брачное право — въ двухъ различныхъ проявленіяхъ. Съ одной стороны, еще въ чертѣ общинно-родоваго брака вырабатывается полигамія одного лица, старѣйшины, царя: Ал-Бекри, сообщившій намъ о свободныхъ отношеніяхъ дѣвушки у Славянъ, говоритъ также: «И цари ихъ держатъ своихъ женъ заключенными и сильно ревнуютъ. И бываютъ у одного мущины 20 женъ и больше» [2]). Можетъ быть, свидѣтельство нашей лѣтописи о бракѣ у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ объясняется такимъ-же сосуществованіемъ общинно-родовыхъ брачныхъ обычаевъ въ народѣ и многоженства немногихъ: *«Срамословы въ нихъ передъ отци и снохи, и браци не бываху въ нихъ*, но игрища межю селы: схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и

[1]) Рожаница ед. ч. встрѣчается лишь въ Вопрошаніяхъ Кирика и въ варіантахъ къ чтенію изъ пророчества Исайи въ Паремейникахъ и къ Слову Христолюбца. Сл. И. И. Срезневскій, Роженицы у Славянъ и другихъ языческихъ народовъ.

[2]) l. c. стр. 54 — 5.

ту умыкаху жены себѣ, съ неюже кто съвѣщашеся; *имъху-же подвъ и по три жены».* — Но право старѣйшины, вождя, феодала, сохранилось и въ другой формѣ: въ правѣ prima noctis. Извѣстно его распространеніе въ средневѣковой Европѣ; оно существовало и въ древности: по Солину имъ пользовался король Эбудійскихъ острововъ, по Геродоту властитель ливійскаго племени Адирмахидовъ; оно встрѣчалось въ Аравіи, Камбоджѣ, Индіи и у Касиковъ Кубы, Перу и Тенериффы, соединявшихъ въ своемъ лицѣ высшую политическую и духовную власть: соединеніе, предположенное нами въ лицѣ старѣйшины древняго рода.

Брачный малорусскій обычай, давшій поводъ къ предъидущему сопоставленію, сохранилъ, стало быть, память о древнѣйшихъ отношеніяхъ, давно забытыхъ народомъ — если не удержавшихся въ анормальномъ явленіи снохачества. Но это только древнѣйшая залежь обряда, продолжавшаго осаждать въ своихъ символическихъ формахъ другія черты и послѣдующія видоизмѣненія брачнаго обихода: бракъ умыканіемъ, куплей и т. п.; за ними обычай лишенія дѣвственности сохранился какъ любопытный архаизмъ, которому даютъ уже иное значеніе, въ уровень съ требованіями личнаго достоинства: формула осталась, но она пережила свое прежнее содержаніе и, можетъ быть, ощущается теперь, — какъ цензура цѣломудрія. Согласно съ этимъ она допустила измѣненія: обрядъ совершается не старшимъ дружкой, а свахой. — Я кончу указаніемъ на аналогію одного перуанскаго обычая (Leon de Cieza, Chronica del Perù, c. XLIX): In certe parti della provincia Cartagena, quando maritano le figliuole e che la sposa deve andare a marito, la madre de la giovane in presentia d'alcuni suoi parenti le toglie la virginità con le dita, si che riputavano, che fosse più honore mandarla a marito così corrotta, che con la sua virginità. Ma tra questi costumi usati fra loro era migliore quello di alcune terre, ove i parenti o amici toglievano la virginità alla giovane, e con questa conditione la maritavano, e il marito la riceveva.

Перуанскій обычай представляетъ, быть можетъ, такое-же наслоеніе разновременныхъ измѣненій, въ немъ произошедшихъ, какъ и малорусскій: мать, вѣроятно, подставилась вмѣсто старшаго родича жениха, какъ, съ другой стороны, въ черемисскомъ и сингалезскомъ брачномъ обрядѣ въ той-же роли является отецъ невѣсты [1]).

---

[1]) Сл. Struys, у Bastian'a, Völker des östlichen Asiens, p. 29, прим. * : La

Обычаи и вѣрованія, иногда раздѣленные вѣками, мирно уживаются другъ съ другомъ, и только научное наблюденіе распредѣляетъ ихъ въ перспективѣ. На одну изъ такихъ перспективъ мы и пытались указать по поводу матеріаловъ, собранныхъ въ IV-мъ томѣ г. Чубинскаго.

V.

Остановиться подробно на его II-мъ томѣ я не имѣю возможности: дѣло спеціальныхъ изслѣдованій — исчерпать бытовое и миѳологическое содержаніе Малорусскихъ сказокъ, занимающихъ объемистый томъ и содержащихъ 296 №№. Извѣстный трудъ Аѳанасьева содержитъ въ первыхъ трехъ томахъ послѣдняго изданія 251 №, къ которымъ слѣдуетъ присоединить еще варіанты, нашедшіе мѣсто въ IV-мъ томѣ; въ двухъ, доселѣ вышедшихъ выпускахъ сборника Рудченка, помѣщено всего 137 сказокъ. Это можетъ дать понятіе о матеріальномъ богатствѣ сборника г. Чубинскаго; присоедините къ тому и прелесть новизны: до появленія его сборника всѣхъ народныхъ малорусскихъ сказокъ, съ ихъ варіантами, напечатано было въ разныхъ изданіяхъ до 170; въ его изданіи однѣхъ сказокъ съ миѳическимъ характеромъ—146; *всѣ онѣ являются въ первый разъ и между ними нѣтъ ни одной перепечатанной.*

Сказки распредѣлены на *миѳическія* (№№ 146) и *бытовыя* (№№ 146). Понятіе миѳическаго, какъ водится, очень широкое, допускающее въ свою среду и христіанскіе мотивы; но бѣда въ томъ, что всѣ такъ называемыя миѳическія сказки являются вмѣстѣ съ тѣмъ и бытовыми, а бытовыя нерѣдко просятся въ миѳическія или и совсѣмъ ускользаютъ отъ опредѣленій народнаго быта и миѳа — куда-нибудь на востокъ. Пока въ наукѣ сказокъ еще продолжаютъ бороться гипотеза миѳологическая и гипотеза заимствованія, полезнѣе было-бы устранить изъ сказочнаго сборника сомнительныя категоріи, замѣнивъ ихъ другими, не вызывающими сомнѣнія. И въ этой области, какъ въ отдѣлѣ пѣсенъ, вопросъ формы представляется мнѣ наиболѣе существеннымъ. У сказокъ есть свои формулы, неизмѣнно повторяющіеся типическія сюжеты: они могли бы дать основу распредѣленію, достаточно широкому, чтобы обнять и то, что могло-бы впослѣдствіи оказаться характернымъ для быта.

---

coutume des Czeremisses est aussi bien que des Cingalais de n'épouser jamais des filles, qui n'aient été deflorées par leurs propres pères.

и то, что было-бы признано матеріаломъ для миѳологическихъ заключеній. Разумѣется, сказка рѣдко выдерживаетъ чистоту формулы: обыкновенно онѣ смѣшиваются другъ съ другомъ, и ихъ разнообразіе стоитъ въ прямой зависимости отъ богатства полученныхъ сочетаній—какъ подобное-же явленіе замѣчено было нами въ исторической жизни пѣсни. Это обстоятельство можетъ представить дѣйствительное затрудненіе при распредѣленіи сказокъ по руководящимъ темамъ, — если мы будемъ придерживаться господствующаго нынѣ способа ихъ изданія — in extenso. При этомъ методѣ изданія могутъ плодиться безъ конца—пока будетъ жить въ народѣ любовь къ сказыванію и не ослабѣлъ даръ комбинаціи. Но едва-ли не полезнѣе печатать въ полномъ видѣ лишь сказки, ближе воспроизводящія цѣльныя сказочныя формулы, сообщая въ извлеченіяхъ тѣ, въ которыхъ эти формулы спаялись, болѣе или менѣе тѣсно, иногда неорганически, съ другими второстепенными. При такой сжатой передачѣ можетъ утратиться колоритъ изложенія; но и здѣсь возможенъ выборъ. Качества личнаго пересказа слѣдуетъ отличить отъ народныхъ особенностей изложенія: первыя не важны и для научнаго сборника несущественны; вторыя легко охарактеризовать нѣсколькими выдающимися образцами. Въ сказкахъ г. Чубинскаго меня поразила ихъ «многословная» редакція, ихъ словоохотливость, какъ такой-же особенностью отличаются сказки, записанныя въ Тосканѣ, отъ сходныхъ, извѣстныхъ въ южныхъ областяхъ Италіи.

Я упустилъ изъ виду одну сторону дѣла, которую легко обратить противъ меня: лексическую и грамматическую; для нея изданія in extenso текстовъ народнаго слова могутъ представиться особенно важными. Но я полагаю, что между двумя требованіями есть возможность примиренія — и охотно оставляю этотъ вопросъ на разрѣшеніе тѣмъ, кто будетъ судить о содержаніи сборника г. Чубинскаго съ точки зрѣнія его лингвистической стоимости.

Заканчивая свой отчетъ, я долженъ признаться, что часто отвлекался отъ критики въ область соображеній и развитій «по поводу». Таково свойство труда, обильнаго внутреннимъ содержаніемъ, что онъ вызываетъ и не разъ еще вызоветъ подобныя увлеченія. По богатству этнографическихъ данныхъ, по общему сходству плана я знаю лишь два труда, съ которыми можно сравнить

«Матеріалы и Изслѣдованія»: Людъ Кольберга и неконченную пока Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane Питрэ, разсчитанную на 15 томовъ. Богатство собранныхъ данныхъ свидѣтельствуетъ не только о значительной затратѣ знанія и силъ, но и объ организаторской способности и *«неутомимой энергіи»*, которую признала и оцѣнила въ г. Чубинскомъ коммиссія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Присужденіе ему полной уваровской преміи было-бы другимъ выраженіемъ этого признанія со стороны Императорской Академіи Наукъ.